С.А. Костин

2021

Международно-правовые аспекты обеспечения коллективной безопасности в Европе: XX – начало XXI столетия

Монография

МИР НАУКИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

УДК 341.1/.8
ББК 67.91
К 723

Рецензенты: Мюллерсон Р.А. – д.ю.н., профессор, Почетный профессор Таллиннского университета; Член, экс-президент Института Международного права (Женева).

Кашкин С.Ю. – д.ю.н., профессор, Заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Абдуллин А.И. – д.ю.н., профессор, Заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета.

Давлетгильдеев Р.Ш. – д.ю.н., Профессор кафедры международного и европейского права, Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета.

Калиниченко П.А. – д.ю.н., профессор, Профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Красиков Д.В. – к.ю.н., доцент, Заведующий кафедрой международного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Автор:
Костин Сергей Андреевич,
Кандидат юридических наук,
Исполнительный директор Юридического института
АНО ВО «Российский новый университет»
Доцент кафедры публичного права МГИМО МИД России

Костин, Сергей Андреевич
К 723 Международно-правовые аспекты обеспечения коллективной безопасности в Европе: XX – начало XXI столетия. Монография – М.: Мир науки, 2021. – Сетевое издание. Режим доступа: https://izd-mn.com/PDF/54MNNPM20.pdf – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-6045645-2-3

Книга представляет интерес для широкого круга читателей: научных работников и специалистов в области международного права, политологов, сотрудников дипломатических ведомств, а также исследователей, интересующихся проблемами коллективных механизмов обеспечения безопасности в Европе.

Исследование может быть использовано в целях разработки предложений по совершенствованию правовых механизмов обеспечения коллективной безопасности на глобальном и региональном уровнях; в правотворческой деятельности, связанной с разработкой и заключением международно-правовых соглашений, направленных на совершенствование нормативной базы в области обеспечения коллективной безопасности в Европе; в научно-образовательной деятельности в рамках учебных курсов по международному праву, праву международной безопасности, международно-правовым проблемам обеспечения коллективной безопасности и др.

ISBN 978-5-6045645-2-3

© Костин Сергей Андреевич
© ООО Издательство «Мир науки», 2021

Оглавление

Предисловие 5

Глава I. Международно-правовое обеспечение коллективной безопасности 8

§ 1. Становление отрасли права международной безопасности 8

§ 2. Понятие права международной безопасности: международно-правовое обеспечение коллективной безопасности, предмет и источники отрасли 14

§ 3. Принципы права международной безопасности и проблемы принципов международного права в сфере обеспечения международной безопасности . 26

§ 4. Современная международно-правовая модель обеспечения международной безопасности 41

Глава II. Международно-правовые механизмы обеспечения безопасности в Европе 55

§ 1. Попытки создания международно-правовой системы обеспечения коллективной безопасности в Европе до Второй мировой войны 55

§ 2. Международно-правовые аспекты формирования региональной системы обеспечения коллективной безопасности в послевоенной Европе 69

§ 3. Международно-правовой механизм обеспечения безопасности в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе 81

§ 4. Особенности правового механизма Европейского Союза в области обороны и безопасности: от общей опоры к продвинутому сотрудничеству . 92

Глава III. Российская Федерация в международно-правовом контуре обеспечения безопасности на европейском пространстве 106

§ 1. Международно-правовая плоскость взаимодействия Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в сфере обеспечения европейской безопасности 106

§ 2. Противоречия в международно-правовых подходах Российской Федерации и Североатлантического альянса к обеспечению безопасности в Европе 120

§ 3. Международно-правовые аспекты взаимодействия Российской Федерации и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в деле обеспечения безопасности в европейском регионе 132

§ 4. Международно-правовые отношения Российской Федерации и Европейского Союза в области обеспечения безопасности в Европе: поиск конструктивных форм сотрудничества 139

Заключение 154

Библиография 159

«С большим удовольствием прочёл рукопись книги «Международно-правовые аспекты обеспечения коллективной безопасности в Европе». Это глубокий и многосторонний анализ всех существующих институтов и режимов безопасности на Старом континенте. Детально изучены их сильные и, что особенно важно, слабые стороны и недостатки. Выход такой книги несомненно интересен как для практиков, так и студентов в области международного права и дипломатии».

Рейн Мюллерсон
Член и экс-Президент
Института международного права (в Женеве)

Предисловие

Европа на протяжении многих веков является одним из центров мировой политики, оказывающимих непосредственное влияние на развитие мировой цивилизации, местом пересечения интересов различных государств и одновременно полем для взаимодействия и выстраивания международных и международно-правовых отношений.

XX столетие, ознаменовавшееся активной глобализацией, показало, что ни одно государство, сколь мощным и развитым оно бы ни было, не способно в одиночку поддерживать благоприятную международную обстановку. Более того, ее не может гарантировать и группа государств, особенно если речь идет о всеобщей, универсальной системе международной безопасности. Негативный опыт «блокового» противостояния: Антанты и Тройственного союза, Организации Североатлантического договора и Организации Варшавского договора – является тому подтверждением. Результаты подобного опыта – мировые войны и реальная угроза ядерной войны – свидетельствуют об острой необходимости государствам европейского региона обладать юридически жизнеспособными механизмами обеспечения безопасности, имеющими прочную международно-правовую основу.

Изучение аспектов, аффилированных с международно-правовым обеспечением коллективной безопасности в европейском регионе, показало насколько многогранна данная область международных отношений, а связанные с этим проблемы не теряют значимости и актуальности. Кроме того, в дополнение к ставшим уже классическими, возникают новые вызовы и угрозы в области обеспечения безопасности.

В частности, существует ряд основных причин концентрации внимания на проблемах обеспечения безопасности в Европе, среди которых можно выделить изменение геополитической обстановки и разбалансировку состояния международных отношений, наличие системных проблем в рамках универсального механизма обеспечения безопасности, предусмотренного Уставом ООН, и неспособность реально предотвратить возникающие угрозы

миру и безопасности на региональном уровне, снижение активности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в вопросах выработки международно-правовых решений в области обеспечения безопасности.

Отдельного внимания заслуживает исследование правовой природы Североатлантического альянса, «*de facto*» ставшего центральным элементом системы обеспечения коллективной безопасности для большинства стран европейского региона, и его противопоставление оставшимся вне блока НАТО европейским государствам и странам Центральной Азии.

Структура монографии обусловлена необходимостью комплексно подойти к исследованию вопросов, связанных с международно-правовым обеспечением коллективной безопасности в Европе.

Первая глава посвящена исследованию и анализу исторических аспектов становления и развития права международной безопасности, как отрасли современного международного права, его места и роли в регулировании систем обеспечения международной безопасности. Проанализированы источники отрасли права международной безопасности, выделены ее основные и специальные принципы, освещены доктринальные подходы к вопросу о количестве основных принципов международного права, показаны различия во взглядах отечественной и западной доктрин на наличие отраслевых принципов в праве международной безопасности. Кроме того, данный раздел включает изучение правовой природы систем обеспечения коллективной безопасности и анализ тенденций, связанных с развитием информационно-коммуникационных технологий.

Во второй главе показаны аспекты формирования региональной системы обеспечения европейской безопасности в XX – начале XXI столетия. Идея построения единой системы обеспечения европейской безопасности стала «заложником» стремления к получению рядом государств стратегического превосходства в европейском регионе. Несмотря на наличие на его территории ряда международно-правовых механизмов в области обеспечения безопасности, таких как Североатлантический альянс, Организация по безопасности и

сотрудничеству в Европе, *PESCO* (правовой механизм Европейского Союза в области обороны и безопасности), частично Организация договора о коллективной безопасности, – именно множественность механизмов обеспечения международной региональной безопасности обеспечивает учет интересов стран европейского региона.

В третьей главе выявлены проблемы, связанные с участием Российской Федерации в международно-правовых системах обеспечения безопасности в Европе, а также поиском приемлемого конструктивного формата для такого участия, в том числе в целях противодействия новым вызовам и угрозам в сфере обеспечения безопасности.

В рамках данного раздела анализируются международно-правовые основы взаимодействия Российской Федерации в области обеспечения безопасности в Европе с Соединенными Штатами Америки, являющимися ключевым геополитическим актором, участником Североатлантического альянса, и, в целом, государством, без учета интересов которого невозможно обеспечить международную безопасность и региональную европейскую безопасность в частности; Североатлантическим альянсом, в том числе рассматривается юридическая компонента деятельности Совета Россия – НАТО; Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе, поскольку этот гибкий институциональный каркас позволяет государствам-участникам налаживать более тесное сотрудничество в различных областях, становясь своеобразным интеграционным драйвером; Европейским Союзом на предмет использования механизмов «мягкого права» с целью нивелировать риски политической турбулентности и одновременно координировать совместные действия.

Глава I. Международно-правовое обеспечение коллективной безопасности

§ 1. Становление отрасли права международной безопасности

Любое государство проявляет заботу об укреплении собственной безопасности, поскольку одна из главных его целей – сохранить себя как суверенное образование в ряду других государств. В современном мире важное значение в этом процессе принадлежит *праву международной безопасности*.

«Для Древнего мира состояние войны считалось нормальным явлением»[1], – отмечает Д.Н. Бакун. Р.Ш. Давлетгильдеев обращает внимание на то, что «в Древнем мире государства объединялись главным образом для целей безопасности»[2]. Наиболее ранние локальные (региональные) объединения в сфере обеспечения безопасности встречались в таких регионах, как Египет и Двуречье (Месопотамия). Здесь существовали рабовладельческие города-государства, такие как Эрида, Умма, Урук и Лагаш, а «между главами этих государств были установлены достаточно крепкие международно-договорные связи. Главы этих государств отправляли послов, вели между собой переговоры, заключали договоры о союзах, мире и границах. В этих договорах содержались нормы, регулирующие прекращение военных действий, оказание друг другу помощи в борьбе против внешних врагов»[3]. Однако, по мнению О.В. Буткевич, «науке международного права известны лишь очень немногочисленные международно-правовые акты древности, например, договоры месопотамских городов Лагаша и Уммы 3100 г. до н. э. и договор фараона Рамзеса II и царя хеттов Хаттусилиса III 1276 г. до н. э.»[4]

Практика подписания договоров, связанных с обеспечением безопасности, была развита в Древней Греции и продолжена в Древнем Риме. Между

[1] Афоризмы: собрание мудрости всех времен и народов / сост. Д.Н. Бакун. М., 2011. С. 105.
[2] Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовое регулирование труда на региональном уровне [Электронный ресурс]: дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2016. URL: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/DISSERTATION/F1647160894/Dissertaciya_Davletgildeev.pdf (дата обращения: 05.11.2020).
[3] Подробнее см.: Соколов В.А. Международное право. М., 2006. С. 87–89.
[4] Буткевич О.В. У истоков международного права. СПб., 2008. С. 59.

греческими государствами (полисами) заключались мирные договоры, договоры о союзах, арбитраже, положении иностранцев и др. Исполнение договоров обеспечивалось характерными для того времени способами: предоставлением заложников, принесением клятвы. Греческие города-полисы заключали союзы двух видов: религиозно-политические – амфиктионии (например, Дельфийско-Фермопильская) и военно-политические – симмахии (например, Афинская симмахия). В качестве примера также можно привести крупное объединение городов-полисов – Пелопонесский союз под главенством Спарты (приблизительно 550 г. до н. э.).

В римской практике повсеместно использовалось заключение мирных договоров (в т. ч. договоров о перемирии) и соглашений о нейтралитете. В частности, «если война не заканчивалась покорением народа […] ее результатом мог стать мирный договор, иногда облаченный в форму договора о союзе»[5]. Э.С. Кривчикова, говоря о Древнем Риме, обращает внимание на специальную жреческую коллегию (фециалы), наделенную специальными компетенциями, с помощью которых «Древний Рим осуществлял свои отношения с другими государствами и на которую возлагались функции объявления войны, заключения мира, договоров о дружбе, союзных договоров и др.»[6] Практика решения вопросов обеспечения безопасности Древнего Рима представляется схожей с подходами в Древней Греции.

В Индии и Китае также были достаточно развиты законы ведения войны. В Индии в ряде случаев они «отличались большей детализацией и разработанностью, чем в Древней Греции и Риме, в аналогичные периоды»[7]. Поводом для такого заключения могло стать изучение такого источника, как Законы Ману, содержащего соответствующие нормы. Схожее заключение

[5] Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М., 1990. С. 36–37.
[6] Подробнее см.: Международное право / отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М., 2003. С. 30–34.
[7] Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. Указ. соч. С. 42–44.

можно сделать и в отношении древнекитайской цивилизации, изучив известное сочинение того времени – «Искусство войны»[8].

В 1625 г. был опубликован фундаментальный труд по международному праву – трактат «О праве войны и мира» Г. Гроция. В нем автор подробно исследует вопросы, связанные с объявлением и ведением войн, оценкой войн с точки зрения справедливости, исследует институт применения силы в порядке самообороны. Гроций называет «справедливые причины» для ведения войны. По его мнению, «справедливой причиной начала войны может быть не что иное, как правонарушение. То есть несправедливость противной стороны, навлекает справедливую войну». Применяется санкция за ненадлежащее исполнение обязательств. Продолжается становление принципа исполнения договоров «*pacta sunt servanda*»[9]. Знаковым событием эпохи позднего Средневековья в контексте рассмотрения вопроса о зарождении основ права международной безопасности является заключение многостороннего международного соглашения 1648 г. Оно вошло в историю как Вестфальский трактат, которым закончилась Тридцатилетняя война. В его основе – принцип политического равновесия, который предписывал решать европейские проблемы не на религиозной, а на светской основе.

Систему юридических принципов и норм, сложившихся с момента заключения Вестфальского трактата и вплоть до 1919 г., принято считать эпохой Классического международного права. Война в данную эпоху считается нежелательным явлением, но, в целом, законным способом разрешения международных разногласий. Имеет место лишь моральное осуждение войны, юридические запреты на ведение войн в тот период времени отсутствуют. В частности, швейцарский юрист XVIII в. Э. де Ваттель видел единственную и справедливую возможность разрешения международного спора исключительно в силовом воздействии. По его мнению, «право представляет собой не что иное, как моральную возможность действовать, т. е. делать то, что допустимо в

[8] Сунь-цзы. Искусство войны. М., 2015.
[9] Гуго Гроций. О праве войны и мира. М., 1994. С. 185–187.

нравственном отношении, что является благом само по себе и что соответствует нашим обязанностям. Вообще говоря, мы имеем право делать все, что необходимо для выполнения наших обязанностей. Отсюда вытекает, что каждая нация, как и каждый человек, имеют право сопротивляться всякому посягательству на спокойное существование. Указанное право на защиту себя от всякой обиды называется *"правом на безопасность"*»[10]. Вполне обоснованно для своего времени Ваттель полагал, что «только своим могуществом нация может отразить агрессоров, обеспечить свои права и добиться повсеместного уважения. Поэтому она стремится не пренебрегать ничем, чтобы оказаться в этом счастливом положении. Могущество нации слагается из трех данных: численность граждан, их воинская доблесть и богатство»[11]. Однако именно в Классический период государства начинают принимать меры с целью сделать войны более гуманными и, в целом, мировое сообщество подходит к самой идее отказа от войны как от орудия национальной политики. По этому поводу справедливо отмечает итальянский юрист того времени Д. Анцилотти: «Появление новых форм международных отношений в XIX столетии было вызвано главным образом двумя причинами. Причина первая – изменение представления о государстве, а затем и внутреннего строя государства, происшедшее в результате Французской революции. Вторая – солидарность интересов, обусловленная в особенности тем фактом, что многие из числа наиболее значительных проявлений человеческой деятельности получают отныне развитие независимо от политических границ и превращают все цивилизованные народы в единое великое сообщество»[12]. В указанный период принимаются Женевская конвенция о режиме раненых и больных (1864), Петербургская декларация о запрещении применения разрывных пуль (1868), документы Гаагских мирных конференций, в том числе о законах и обычаях войны (1899, 1907). По итогам Гаагской конференции 1899 г. и выработанной на

[10] Ваттель Э. де. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. С. 243.
[11] Там же. С. 152.
[12] Анцилотти Д. Курс международного права. М., 1961. С. 28–29.

ее основе конвенции, российский юрист Ф.Ф. Мартенс отмечал: «Этот международный акт устанавливает целую систему мероприятий, имеющих целью, с одной стороны, предупредить развитие международных столкновений, и, с другой стороны, разрешать их миролюбивыми средствами»[13]. Перечень таковых средств не велик: добрые услуги, посредничество, международные следственные комиссии и третейские разбирательства. Однако на момент принятия соответствующего документа такие средства справедливо могут считаться прорывом в развитии международного права и как отрасли, и как науки. Другой юрист-международник, являющийся, как и Мартенс, современником названных событий, В.А. Уляницкий писал: «Новое явление – введение в международную практику соглашений относительно обязательного третейского суда для разрешения взаимных будущих конфликтов представляет само по себе значительный шаг вперед по сравнению с прежними соглашениями, всегда заключавшимися специально только для мирного разрешения того или иного случая»[14]. Обнаружилось широкое движение в пользу признания третейского разбирательства споров между державами.

Именно на рубеже XIX–XX столетий произошел концептуальный переворот в подходах по отношению к войне и, как следствие, обеспечению безопасности. Подходы Древнего периода, периода Средневековья и Классической эпохи развития международного права к механизмам обеспечения международной безопасности были пересмотрены и предприняты первые попытки ограничить возможность применения силы в международном праве, т. е. фактически уйти от силового метода разрешения международных споров – началась Современная стадия формирования права международной безопасности. Подробно данный период представлен в разделе, связанном с исследованием попыток создания международно-правовой системы обеспечения коллективной безопасности в Европе до Второй мировой войны.

[13] Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1905. Т. 2. С. 486–487.
[14] Уляницкий В.А. Международное право. М., 2010. С. 389–390.

Становление *права международной безопасности* продолжилось с принятием Устава ООН. Этот международно-правовой документ закрепил основы обеспечения мирного сосуществования всех государств современного мира[15]. С момента учреждения Организации Объединенных Наций *право международной безопасности* стало приобретать очертания, которые присущие ему и в настоящее время. Отечественную доктрину международного права принято ассоциировать с такими юристами-международниками, как И.П. Блищенко[16], О.В. Богданов, Л.А. Иванащенко, В.С. Котляр, И.И. Лукашук, Г.И. Курдюков, С.А. Малинин, А.П. Мовчан, Е.Г. Моисеев, Э.И. Скакунов, В.К. Собакин, О.И. Тиунов, Г.И. Тункин, Н.А. Ушаков[17], С.В. Черниченко[18] и др. Работы этих ученых во многом составляют основу советской (российской) доктрины международного права[19]. Западная доктрина международного права признает отрасль права международной безопасности в качестве самостоятельной[20], однако в большей степени уделяет внимание вопросам, касающимся применения силы и мирного разрешения международных конфликтов[21], что значительно сужает объект исследований данной области международно-правовых отношений.

В период с 1946 г. и до середины 70-х гг. XX в. международное сообщество столкнулось с таким явлением, как «холодная война». Учеными того периода серьезно исследовались вопросы, касающиеся международно-правовых основ

[15] Бобров Р.Л., Малинин С.А. Организация Объединенных Наций: международно-правовой очерк. Л., 1960. С. 13–14; Мовчан А.П. ООН и мирное сосуществование. М., 1957; Задорожный Г.П. ООН и мирное сосуществование государств. М., 1958.
[16] Подробнее см.: Блищенко И.П. Социалистическая концепция международного права. М., 1991. С. 7–8.
[17] См.: Ушаков Н.А. Проблемы теории международного права. М., 1988. С. 3–4.
[18] См.: Черниченко С.В. Нормы и принципы международного права. М., 1998. С. 6–7.
[19] Бекяшев К.А. Понятие, предмет, источники и система международного права. Правотворчество в международном праве // Международное публичное право. М., 2010. С. 23–24.
[20] См.: Jennings R. International Law // Encyclopedia of Public International Law. Amsterdam, 1984. Vol. 7. P. 228–297.
[21] См., напр.: Vaughan Lowe A. International Law. Oxford; New York, 2007; Malcolm N. International law. Cambridge, 2008; O'Brien J. International Law. London, 2001.

разоружения[22], международно-правового ограничения использования ядерного оружия[23] и международно-правового обеспечения коллективной безопасности в целом[24], что также ключевым образом повлияло на становление отрасли *права международной безопасности.*

§ 2. Понятие права международной безопасности: международно-правовое обеспечение коллективной безопасности, предмет и источники отрасли

Термин «право международной безопасности» принято использовать в различных значениях. Так, Э.С. Кривчикова полагает, что его можно рассматривать в широком плане как совокупность принципов и норм, регулирующих отношения субъектов международного права в целях обеспечения политической, военной, экономической, экологической и иных видов международной безопасности[25]. На эту же особенность права международной безопасности обращает внимание Е.Г. Моисеев[26]. Ряд авторов выделяют также международную безопасность и право международной безопасности *в узком понимании*, т. е. в рамках военно-политической безопасности. С этим мнением можно согласиться, поскольку военно-

[22] См., напр.: Богданов О.В. Некоторые международно-правовые аспекты проблемы разоружения // Международное право и международный правопорядок. М., 1981. С. 12–28; Малинин С.А. Проблемы разоружения в международном праве на современном этапе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Л., 1955; Он же. Правовые основы разоружения. Л., 1966; Блищенко И.П., Солнцева М.М. Принцип разоружения и создание безъядерного и ненасильственного мира // Мировая политика и международное право мира. М., 1991. С. 46–62.

[23] См. напр.: Верещетин В.С. Сохранение и укрепление Договора по ПРО как важный элемент международной безопасности // Всеобъемлющая система международной безопасности. Международное право. М., 1987. С. 26–39; Осипов Г.А. Международно-правовые аспекты советской программы ядерного оружия // Там же. С. 40–44; Каменецкая Е.П. Политико-правовые последствия «стратегической оборонной инициативы» для американских союзников // Там же. С. 81–86.

[24] См., напр.: Международная безопасность и Мировой океан / отв. ред. Л.А. Иванащенко, Ю.М. Колосов. М., 1982; Рыбаков Ю.М. Правовые аспекты обеспечения всеобъемлющей системы международной безопасности и развитие международного сотрудничества // Всеобъемлющая система международной безопасности. Международное право. М., 1987. С. 8–13; Менжинский В.И. Борьба СССР за определение агрессии // Международное право на службе мира. М., 1979. С. 15–28.

[25] Кривчикова Э.С. Указ. соч. С. 362–363.

[26] Моисеев Е.Г. Право международной безопасности // Международное право. М., 2015. С. 189.

политический сегмент общей международной безопасности играет, пожалуй, главную роль в обеспечении мира на Земле и тем самым дает наибольший шанс для свободного развития государств. В дополнение приведем мнение С.А. Малинина, что «роль международного права в осуществлении всеобъемлющей безопасности заключается в выполнении двуединой задачи, а именно, «а) в обеспечении функционирования того механизма поддержания мира, которым международное право уже располагает, в том числе максимальное использование имеющегося потенциала международного права, и б) в выработке новых международно-правовых норм»[27]. Ю.Д. Казанчев, в свою очередь, считает, что «современное международное право признает агрессивные войны преступлением против мира и предписывает государствам воздерживаться от применения силы или угрозы силой при разрешении споров или конфликтных ситуаций»[28]. Ряд ученых отмечает, что международная безопасность сводится к безопасности государства. Так, например, юрист-международник Э.И. Скакунов пришел к этому выводу посредством разграничения безопасности таких объектов, как общество и государство: «когда государство обеспечивает свою собственную сохранность от негативного воздействия другого или других государств, выражаемого в угрозе вооруженного характера, говорят о "безопасности государства" ("национальная безопасность"). […] Смысл категории "безопасность" применительно к государству как участнику международных отношений связывается, прежде всего, с указанием на его физическую способность защитить себя от внешней опасности, сохранить свое существование среди подобных образований. […] Понимание безопасности в смысле физической способности государства защитить от угрозы извне наиболее важные для себя атрибуты власти и тем

[27] Малинин С.А. Право международной безопасности // Международное право. М., 1999. С. 278–279.
[28] Казанчев Ю.Д. Правовое регулирование применения силы в международных вооруженных конфликтах // Права человека и вооруженные конфликты. М., 2001. С. 20.

самым обеспечить сохранность своего существования среди других государств остается, в принципе, верным и для настоящего времени»[29].

В настоящее время учеными-юристами предложены различные определения отрасли *права международной безопасности*. Например, формулировка Г.В. Игнатенко: «Право международной безопасности представляет систему принципов и норм, регулирующих военно-политические отношения государств и других субъектов международного права в целях предотвращения применения военной силы в международных отношениях, ограничения и сокращения вооружений»[30]. Л.А. Лазутин придерживается следующего мнения: «Право международной безопасности представляет собой систему принципов и норм, регулирующих военно-политические отношения государств и других субъектов международного права в целях предотвращения несанкционированного применения военной силы, борьбы с международным терроризмом, ограничения и сокращения вооружений»[31]. По мнению В.Л. Толстых, «право международной безопасности имеет своим предметом международные отношения, связанные с применением силы и обеспечением мира. Сила является мощным элементом воздействия в любом человеческом сообществе, в том числе в межгосударственном. В связи с этим любая правовая система регулирует применение силы с тем, чтобы оно соответствовало принципам, на основе которых создано и функционирует сообщество»[32]. Е.Г. Моисеев приводит иную формулировку: «Право международной безопасности – отрасль международного права, представляющая собой систему принципов и норм, регулирующих военно-политические отношения государств в целях обеспечения мира и международной безопасности»[33]. Еще одно определение, предложенное Моисеевым, можно найти в учебнике

[29] Скакунов Э.И. Самооборона в международном праве. М., 1973. С. 6.
[30] Международное право / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 1999. С. 431.
[31] Лазутин Л. А. Право международной безопасности // Международное право. М., 2005. С. 460–479.
[32] Толстых В.Л. Курс международного права. М., 2010. С. 588.
[33] Моисеев Е.Г. Право международной безопасности // Международное публичное право. М., 2011. С. 484.

«Международное право» (М., 2014): «Право международной безопасности – отрасль международного права, представляющая собой систему принципов и норм, регулирующих сотрудничество государств и иных субъектов международного права в военно-политической сфере в целях обеспечения мира и международной безопасности»[34]. Заметим, что второе определение шире и содержит в себе ключевое условие «сотрудничество», являющееся залогом успеха в международных отношениях.

Во всех определениях права международной безопасности, как отрасли современного международного права, есть нечто общее. Все они связывают назначение права международной безопасности с таким состоянием миропорядка, который дает возможность свободно развиваться всем субъектам международного права в условиях мира и международной безопасности.

Международная безопасность – это состояние миропорядка, в котором созданы благоприятные условия для свободного развития государств и иных субъектов международного права. Каждому государству для его развития необходима, прежде всего, мирная обстановка, как в своем регионе, так и во всем мире. Только в мирных условиях власть в государстве способна выполнять обязательства по созданию экономической базы, развитию демократии, обеспечению прав и свобод граждан, духовному совершенствованию человека[35].

Международная безопасность тесно связана с внутригосударственной, национальной безопасностью, под которой понимается состояние защищенности личности, общества и государства. М.В. Андреев предлагает следующее определение понятия «международная безопасность»: «это состояние международных отношений, при котором отсутствует опасность для существования, функционирования и развития как каждого государства в

[34] Моисеев Е.Г. Право международной безопасности // Международное право. Указ. соч. С. 189.
[35] Моисеев Е.Г. Право международной безопасности // Международное право. Указ. соч. С. 189.

отдельности, так и всех государств, всего международного сообщества в целом»[36].

Международную безопасность принято рассматривать в широком и узком смыслах слова. В широком смысле она включает военно-политические, экономические, гуманитарные, информационные, экологические и иные аспекты безопасности. В узком – только ее военно-политическую составляющую. В 1983 г. американский профессор Ричард Уллман опубликовал статью «Новое определение безопасности», в которой утверждал, что узкое определение безопасности, сводящееся лишь к военным угрозам, отвлекает внимание от невоенных угроз, способных серьезно подорвать национальную и международную безопасность[37].

Международная безопасность – прежде всего, понятие доктринальное, а не юридическое. Дело в том, что в международных документах отсутствует четкая формулировка данного термина, в том числе Уставе ООН. На доктринальном уровне понятие «международная безопасность» не оставалось неизменным. По мнению юриста-международника С.А. Малинина, «раньше международная безопасность мыслилась как совместные усилия государств против нападения (совершенного или возможного) или для обеспечения мирных отношений между государствами, составляющими известное организационное единство (в рамках, например, *коллективной безопасности*)»[38]. Позднее возникли новые факторы, которые приобрели решающее значение для мирового развития и, как следствие, расширили значение данного понятия: ядерная угроза, беспрецедентные социальные и международные последствия революции в науке и технике, экологическая опасность, стремительное развитие сферы информации и коммуникаций.

Международная безопасность – понятие многогранное, особенно когда под ним понимается безопасность мирового сообщества со своими принципами

[36] Международное право: учебник / отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М., 2017. С. 322.
[37] Ullman R.H. Redefining Security // International security. 1983. № 1. P. 129–153.
[38] Малинин С.А. Право международной безопасности // Курс международного права. М., 1989. Т. 4. С. 158.

и законами функционирования. В то же время следует учитывать, что мировое сообщество состоит из конкретных государств. Безопасность каждого из них зависит от безопасности мирового сообщества в целом[39]. В свою очередь, безопасность последнего напрямую связана с безопасностью каждого государства в отдельности. Именно поэтому в деле обеспечения всеобщего мира и международной безопасности крайне важно сотрудничество всех государств.

Основа международной безопасности базируется на балансе интересов субъектов международного права, которые, в соответствии с его принципами, юридически равны. Важную роль в процессе формирования основ международной безопасности играет *право международной безопасности*.

Важен, однако, вопрос, при помощи каких средств эта цель достигается? Как нужно действовать государствам, чтобы создать благоприятную международную обстановку для стабильного национального развития? Ответ однозначен: это возможно только совместными усилиями, путем разработки и принятия коллективных мер. Такого рода меры есть не что иное, как система обеспечения коллективной безопасности.

В Большой советской энциклопедии (2-е изд.) коллективная безопасность рассматривалась как «*принцип международного права, по которому нарушение мира со стороны хотя бы одного государства является нарушением всеобщего мира, и акт агрессии против одного государства – агрессией против всех других государств, имеющих право и обязанность выступить на помощь пострадавшему государству и подавить агрессию*»[40]. Очевидным достоинством данного определения является указание на взаимную помощь в случае акта агрессии, направленного против одного из участников системы коллективной безопасности.

Согласно первому изданию Дипломатического словаря, коллективная безопасность – это «*система договорных отношений между государствами, обязывающая их воздержаться от угрозы силой или ее применения,*

[39] Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. М., 2000. С. 231.
[40] Коллективная безопасность // Большая советская энциклопедия. М., 1953. Т. 21. С. 619–620.

предусматривающая гарантию всех участников от нападения со стороны любого другого государства путем предоставления друг другу взаимной помощи – в случае надобности с применением вооруженной силы. Организация коллективной безопасности может быть рассчитана на участие всех миролюбивых государств мира (например, ООН) или всех государств какого-либо определенного географического района. Правомерность создания таких региональных организаций коллективной безопасности предусмотрена в Уставе ООН»[41]. В этом определении помимо указания на взаимопомощь при нападении речь идет также о создании организаций коллективной безопасности и их делении на универсальные и региональные.

Профессор С.А. Малинин понимает под коллективной безопасностью «*систему совместных мероприятий государств всего мира или определенного географического района, предпринимаемых для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира*»[42]. При этом он указывает на то, что система коллективной безопасности – это одна из организационных форм коллективного обеспечения международной безопасности.

М. Тахир, проведя исследование понятия «коллективная безопасность», дает следующее ее определение: «*это система совестных мероприятий государств, предпринимаемых для предотвращения и устранения угрозы миру, подавления актов агрессии или других нарушений мира, в целях поддержания международного мира и безопасности, установленную Уставом ООН и международным правом, осуществляемую в рамках Универсальной организации (ООН) и региональных организаций безопасности в интересах международного сообщества*»[43].

Система коллективной безопасности – одна из организационных форм коллективного обеспечения международной безопасности. Из смысла

[41] Дипломатический словарь. М., 1960. Т. 1. С. 170–171.
[42] Малинин С.А. Избранное: статьи и отрывки из книг. СПб., 2003. С. 26.
[43] Тахир М. Глобальная и региональные системы коллективной безопасности на современном этапе (международно-правовые аспекты): дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2004.

коллективного механизма следует, что «агрессия не может быть предотвращена, если миролюбивые государства не договорятся заранее о совместном выступлении против агрессии»[44]. Выделим два признака, характерных для этой организационной формы. *Первый* – принятие государствами-участниками системы, по крайней мере, тех обязательств, которые обращены как бы «внутрь» системы: а) не прибегать в своих взаимных отношениях к силе; б) разрешать споры мирным путем; в) активно сотрудничать в целях устранения любой опасности миру. *Второй* – наличие организационно-правового единства государств.

Система международной (коллективной) безопасности также имеет характерные черты. *Во-первых,* международную безопасность невозможно обеспечить одному государству. Значит, в самой ее идее заложено коллективное начало. *Во-вторых,* она должна быть оформлена юридически (как правило, это международный договор или устав). Конкретное содержание договора (в том числе характер и объем совместных мероприятий) определяется участвующими в нем государствами на базе основных принципов международного права.

Немецкий ученый Михаэль Боте выделяет в *системе коллективной безопасности* многостороннее «антикризисное управление» и возможность (в качестве последнего средства) в принудительном порядке обязать правонарушителя (агрессора) соблюдать правила международного сообщества[45]. Под «антикризисным управлением» понимаются совместные действия государств, направленные на устранение ситуации, угрожающей миру и безопасности. Такого рода конкретизация представляется справедливой, поскольку, с одной стороны, это коллективные меры, т. е. организованное единство участников системы коллективной безопасности; с другой – принятие тех или иных мер должно быть предусмотрено соответствующим международным соглашением, а значит оформлено юридически.

[44] Ляхов Е.Г., Ляхов Д.Е., Алимов А.А. Право безопасности государства и мирового сообщества в III тысячелетии от Рождества Христова. Челябинск, 2013. С. 186–187.
[45] Боте М. Обеспечение международного мира и безопасности и право вооруженных конфликтов // Международное право. М.; Берлин, 2011. С. 845–846.

Коллективная безопасность представляет собой систему совместных мероприятий государств, предпринимаемых для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии. Л.А. Лазутин полагает, что «коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и актов агрессии как элемент коллективной безопасности – это действия невооруженного и/или вооруженного характера, совершаемые группой государств и/или региональными и универсальными организациями, уполномоченными на поддержание и восстановление международного мира и безопасности»[46]. В целом, к элементам *системы коллективной безопасности* можно отнести: а) принципы международного права, а точнее, права международной безопасности; б) комплекс коллективных мер, связанных с предотвращением актов агрессии и устранением угрозы миру; в) комплекс коллективных мер, связанных с ограничением и сокращением вооружений.

В качестве «классической» формы *коллективной безопасности* принято выделять ООН в купе с ее одним из главных органов – Советом Безопасности. Однако существуют и более развитые формы *коллективной безопасности,* отличительной чертой которых является обязательство, обращенное «вовне» в виде взаимопомощи участников: в случае агрессии и/или в случае нападения на одно государство участника системы, оно рассматривается как нападение на всех участников системы коллективной безопасности. Примерами международно-правовых обязательств служат положения статей 28, 29 Устава Организации Американских Государств, статья 6(1) Североатлантического договора, статья 4 Договора о коллективной обороне Юго-восточной Азии (Манильский пакт), статья 4 Варшавского договора, статья 4 Договора о безопасности АНЗЮС, статья 4 Договора о коллективной безопасности.

Формы, в которых существует *право международной безопасности*, представляют собой источники данной отрасли. Особое место среди источников международного права, в частности права международной безопасности, занимает Устав ООН.

[46] См.: Лазутин Л.А. Право международной безопасности. Указ. соч. С. 464.

К.А. Бекяшев, например, объединяет источники международного права в три группы: основные, производные (вторичные) и вспомогательные[47]. Статья 38 Статута Международного суда ООН называет следующие источники международного права: а) международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные государствами; б) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы; в) общие принципы права, признанные цивилизованными нациями[48]. В соответствии со статьей 59 указанного Статута, «вспомогательными средствами для определения правовых норм являются также судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций»[49].

Многосторонние и двухсторонние международные договоры и соглашения, регулирующие правовое аспекты обеспечения мира и безопасности, также занимают важное место в перечне источников права международной безопасности. Данные соглашения имеют свою специфику и особенности. Именно поэтому они могут быть сгруппированы по различным признакам. Так, например, Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов предлагают дифференцировать подобные международные договоры и соглашения на четыре группы[50].

Первая группа – *Договоры, сдерживающие гонку ядерных вооружений в пространственном отношении.* К ним относятся: Договор об Антарктике (1959), Договор о нераспространении ядерного оружия (1968), Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967), Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия

[47] Бекяшев К.А. Понятие, предмет, источники и система международного права. Указ. соч. С. 25.
[48] Статут Международного суда ООН (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) [Электронный ресурс] // Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 29–30 // Официальный сайт ООН. Международный суд. URL: http://www.un.org/ru/icj/statut.shtml (дата обращения: 29.10.2020).
[49] Тункин Г.И. Процесс создания норм и источники международного права // Курс международного права. М., 1989. Т. 1. С. 183.
[50] Международное право / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 1999. С. 432–433.

и других видов оружия массового уничтожения (1971), Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке (Договор Тлателолко, 1967), Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана (Договор Раратонга, 1985), Договор о зоне, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии (2006), Договор о запрещении ядерного оружия (2017) и другие.

Вторая группа – *Договоры, ограничивающие наращивание вооружений в количественном и качественном отношениях.* Например, Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (1963), Договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия (1996), Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на окружающую среду (1977), Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (1993) и другие.

Третья группа – *Договоры, запрещающие производство определенных видов оружия и предписывающие их уничтожение:* Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972), Конвенция о запрещении разработки, производства и применения химического оружия и его уничтожении (1993), Договор между СССР и США о ликвидации ракет средней и малой дальности (1987).

Четвертая группа – *Договоры, рассчитанные на предотвращение случайного (несанкционированного) возникновения войны*: Соглашение о линиях прямой связи между СССР и США (1963, 1971) (аналогичные соглашения были заключены Советским Союзом с Великобританией (1967), Францией (1966), ФРГ (1986), Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США (1971) и другие.

Вполне обоснованным представляется решение о детализации и выделении в отдельную группу *международно-правовых соглашений и/или уставов международных организаций, связанных с формированием систем*

обеспечения коллективной безопасности, а также документов, принятых в процессе их деятельности. К таковым можно отнести Договор об экономическом, социальном и культурном сотрудничестве и коллективной самообороне (1948), Североатлантический договор (1949), Договор о безопасности АНЗЮС (1951), Договор о коллективной обороне Юго-восточной Азии (Манильский пакт, 1954), Варшавский договор (1955), Устав Организации Американских Государств (1967), Договор о коллективной безопасности (1992).

М. Шоу полагает, что «необязательные документы или необязательные положения в договорах образуют специальную категорию, которую можно назвать «мягким» правом. Эта терминология призвана указывать на то, что рассматриваемый инструмент или положение хотя и не является само по себе «законом», но его значение в общих рамках международно-правового развития таково, что ему необходимо уделять особое внимание»[51]. На эту особенность обращает внимание Л.Х. Мингазов, говоря о том, что «в международных отношениях кроме норм обычного и договорного международного права существуют и применяются и другие социальные нормы (например, политические), которые не обладают юридическими качествами или имеют юридическую силу, однако источниками права не являются»[52]. Как было отмечено выше, Статут Международного суда выделяет в качестве одного из источников международного права международный обычай. Акты «мягкого» права, по мнению автора исследования, являются предпосылкой для их формирования, т. е договоренностями о модели поведения в отдельной ситуации. Следовательно, акты «мягкого» права будут являться источниками только в том случае, если на их базе впоследствии сформировался международный обычай, впоследствии выраженный в международно-правовой норме. В качестве примера такого документа следует выделить Хельсинкский Заключительный Акт (1975).

[51] Malcolm N. Указ. соч. P. 117–118.
[52] Международное право / отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. Указ. соч. С. 48.

§ 3. Принципы права международной безопасности и проблемы принципов международного права в сфере обеспечения международной безопасности

Внешняя политика, проводимая государствами, и неукоснительное соблюдение ими основных принципов и общепризнанных норм современного международного права являются залогом стабильного мира на Земле.

Основные принципы международного права – общепризнанные нормы международного права наиболее общего характера. Они носят императивный характер и содержат обязательства «*erga omnes*», т. е обязательства в отношении всех и конкретно каждого члена мирового сообщества. Основные принципы объединяют нормы международного права различного уровня, которые распространяют свое действие на тех или иных участников межгосударственных отношений, образуя единую правовую систему. Основные принципы представляют собой своеобразное цементирующее начало среди значительного количества норм международного права, обязывающих различных его субъектов[53].

В настоящее время юридическую основу современного *права международной безопасности* составляют «основные» и «отраслевые» принципы или «специальные» принципы международного права. Ведущая роль, несомненно, принадлежит основным принципам международного права, прежде всего, таким, как мирное разрешение международных споров и неприменение силы или угрозы силой.

Принцип мирного разрешения международных споров подразумевает, что споры между государствами и иными субъектами международного права любого характера и происхождения должны решаться исключительно мирными средствами. Данный принцип прошел длительный путь правового становления и «был известен и широко принят международным сообществом еще до образования ООН»[54]. Методы мирного разрешения международных споров на рубеже XIX–XX вв. подробно изложены Ф.Ф. Мартенсом. В данную категорию

[53] Международное право / под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М., 2011. С. 60–61.
[54] Левин Д.Б. Принцип мирного разрешения международных споров. М., 1977. С. 19–21.

разрешения международных споров он включал «дипломатические сношения, добрые услуги, посредничество, международные следственные комиссии и третейские разбирательства»[55].

Принцип мирного разрешения международных споров впервые был отражен в Конвенции о мирном урегулировании международных столкновений (Гаага, 1907). Обязательный характер приобрел в Парижском договоре об отказе от войны как орудия национальной политики от 27 августа 1928 г. В статье 1 данного Пакта закреплено, что «урегулирование и разрешение всех споров должно всегда изыскиваться в мирных средствах»[56].

В настоящее время *Принцип мирного разрешения международных споров*, одновременно с Уставом ООН, нашел отражение во многих международных соглашениях, что свидетельствует о его безоговорочном принятии международным сообществом. В частности, Принцип отражен в Пакте Лиги арабских государств (1945), Декларации о принципах международного права (1970), Заключительном акте СБСЕ (1975), Уставе СНГ (1993), Декларации принципов, регулирующих отношения между государствами-членами СВМДА (1999) и ряде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН.

Принцип мирного разрешения международных споров, а также процедуры мирных средств их разрешения получили существенное развитие в Уставе ООН. Им определено, что в соответствии с принципом мирного разрешения международных споров, государства разрешают их мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость. К таким средствам Устав относит переговоры, обследование, посредничество, примирение, арбитраж, судебное разбирательство, обращение к региональным органам или соглашениям. Примечательно, что перечень не является исчерпывающим, государства могут применить «иные мирные средства по своему выбору», а «в поисках такого регулирования стороны должны

[55] Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1905. Т. 2. С. 486–505.
[56] Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. М., 2012. С. 19.

приходить к согласию в отношении таких мирных средств, которые соответствовали бы обстоятельствам и характеру спора». На эту особенность обращает внимание российский юрист-международник В.Л. Толстых[57]. Важно отметить, что международные споры должны разрешаться, принимая во внимание все принципы, в частности, суверенного равенства государств[58]. Квалификация того или иного вопроса в качестве спора или ситуации, способных угрожать миру и безопасности, входит в компетенцию Совета Безопасности ООН. Тем не менее, в его практике так и не было выработано четких критериев, и каждый раз данная проблема решается точечно, с учетом конкретных обстоятельств.

Заметим, что фактически, как императивный, принцип мирного разрешения международных споров окончательно сложился в XX столетии. Его становление проходило параллельно со становлением принципа неприменения силы и угрозы силой.

Принцип неприменения силы и угрозы силой относится к числу принципов, становление которых также происходило в XX столетии. До этого времени международное право допускало обращение к войне, как способу урегулирования международных разногласий и споров, и считало естественной функцией государства, его неотъемлемым суверенным правом. В трактате «О праве войны и мира» Гуго Гроций особо подчеркивал, что «право народов, установленное волею, а также законы и обычаи всех народов, как об этом в достаточной мере свидетельствует история, отнюдь не осуждают войны»[59]. Английский юрист Л. Оппенгейм признавал, что «с точки зрения права, война

[57] Подробнее см.: Толстых В.Л. Указ. соч. С. 135.
[58] См., напр.: Манильская декларация о мирном разрешении международных споров: принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 37/10 от 15 нояб. 1982 г. // Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 811–816; Декларация о предотвращении и устранении споров и ситуаций, которые могут угрожать международному миру и безопасности, о роли ООН в этой области: принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 43/51 от 5 дек. 1988 г. // Там же. С. 816–820.
[59] Гуго Гроций. Указ. соч. С. 71–72.

представляется естественной функцией государства и прерогативой его неограниченного суверенитета»[60].

Впервые война была объявлена величайшим преступлением против человечества во внутригосударственном документе – Декрете о мире, принятом на II Всероссийском съезде Советов России 8 ноября 1917 г. В Статуте Лиги Наций государства ограничились «для гарантии их мира и безопасности» принятием некоторых обязательств, дабы не прибегать к войне.

Знаковым событием, как и в случае с *Принципом мирного разрешения международных споров,* стало подписание упомянутого выше Парижского договора 1928 г. (Пакт Бриана-Келлога) – «первого в истории международно-правового акта, содержавшего юридические обязательства государств не прибегать к войне для решения внешнеполитических проблем»[61]. Дальнейшее развитие принцип получил в Уставе ООН. Толстых справедливо отмечает, что «уже в Уставе ООН данный принцип был изложен таким образом, что исключал практически любую возможность несанкционированного применения силы. В соответствии с *принципом неприменения силы или угрозы силой* каждое государство обязано воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения, как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями ООН»[62].

В советской и российской доктринах в качестве логического продолжения основных принципов права международной безопасности принято выделять отраслевые (или специальные)[63], среди которых: принцип неделимости международной безопасности; принцип равной и одинаковой безопасности; принцип ненанесения ущерба безопасности других государств.

[60] Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1, полутом 1. Мир. М., 1948. С. 132–134.
[61] Бекяшев К.А. Принцип неприменения силы и угрозы силой // Международное публичное право. М., 2010. С. 120.
[62] Толстых В.Л. Указ. соч. С. 136.
[63] Малинин С.А. Право международной безопасности // Курс международного права. Указ. соч. С. 167.

Принцип неделимости международной безопасности означает, что «мир неделим, государства нашей планеты тесно взаимосвязаны и на данном уровне развития средств связи, вооружения, любой кризис, возникший в одной части планеты, может в кратчайшие сроки негативно сказаться в других его частях»[64].

Принцип равной (или равенства) и одинаковой безопасности дополняет принцип суверенного равенства государств, но уже в контексте отрасли права международной безопасности. Согласно ему, международная безопасность не может основываться на преимуществах более сильного государства. Институционально принцип реализуется через систему ООН, в рамках которой все государства равны, и им предоставлены равные гарантии безопасности.

В широком смысле основой становления принципа равной и одинаковой безопасности явились те же факторы, которые обусловили переход к разрядке международной напряженности[65]. *Принцип равной безопасности* представляет собой неотъемлемую часть той совокупности принципов и соглашений, которые составляют международно-правовую базу разрядки и тесно взаимосвязаны. Непосредственной основой его становления как общепризнанного явились обстоятельства, связанные с предотвращением термоядерной войны и «обузданием» гонки вооружений[66].

Принцип ненанесения ущерба безопасности других государств предполагает проведение государством такой внешней политики, которая в максимальной степени учитывает не только безопасность собственного государства, но и всего мирового сообщества. Механизм обеспечения безопасности государства не должен ставить под угрозу безопасность других стран.

Подводя итог сказанному, заключаем, что *право международной безопасности* как самостоятельная отрасль права сформировалась во второй

[64] Моисеев Е.Г. Право международной безопасности: понятие и принципы // Международное право / отв. ред. К.А. Бекяшев. М., 2015. С. 190.
[65] См., напр.: Разрядка // Большая энциклопедия / гл. ред. С.А. Кондратов. М., 2006. Т. 40. С. 454.
[66] Собакин В.К. Равная безопасность: принцип равенства и одинаковой безопасности в современных международных отношениях. М., 1984. С. 64–65.

половине XX столетия. Важную роль в этом процессе сыграли неразрывно связанные между собой советские и российские доктрины[67]. Предпосылки складывались на протяжении длительного времени, и начали проявляться во время первых региональных объединений для целей обеспечения безопасности государств. С завершением формирования, отрасль *права международной безопасности* обрела присущие ей специальные (отраслевые) принципы, характерные исключительно для данной отрасли международного права.

Впервые принципы международного права в том виде, в котором принято их воспринимать до настоящего времени, консолидировано нашли отражение в Уставе ООН[68]. 24 октября 1970 г. Резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН была одобрена Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН. В Декларации были провозглашены следующие принципы международного права: «Принцип, согласно которому государства воздерживаются в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций; Принцип, согласно которому государства разрешают международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость; Принцип, касающийся обязанности в соответствии с Уставом не вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства; Обязанность государств сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом; Принцип равноправия и самоопределения народов; Принцип суверенного равенства государств; Принцип добросовестного выполнения государствами обязательств, принятых

[67] Бекяшев К.А. Понятие, предмет, источники и система международного права. Указ. соч. С. 23–24.
[68] Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) [Электронный ресурс] // Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 7–33 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html (дата обращения: 29.10.2020).

ими в соответствии с Уставом»[69]. Третьим разделом Декларации предусматривается заявление, что эти принципы «представляют собой основные принципы международного права»[70].

Дискуссию в вопрос о количестве основных принципов в международном праве во многом внесло подписание Хельсинкского Заключительного акта (1975). В частности, в Акте была принята «Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях» и сформулировано десять принципов, определяющих правила и нормы взаимоотношений и сотрудничества государств-участников Совещания. Помимо принципов, предусмотренных Уставом и Декларацией ООН, Заключительный акт провозглашал «принцип территориальной целостности государств», «принцип нерушимости государственных границ» и «принцип уважения прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений»[71].

Очевидно, что «принцип нерушимости границ» являлся новой нормой-принципом международного права для того времени, имеющей целью снять нараставшую напряженность в вопросах обеспечения безопасности в европейском регионе, связанную, в частности, с усилением реваншистских настроений. Данный принцип следовало применять только в отношении государств, договорившихся о его применении. Однако Хельсинкским заключительным актом был создан прецедент, данный принцип показал свою «жизнеспособность» и был также закреплен в Декларации о соблюдении суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ

[69] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 окт. 1970 г.: принята [Резолюцией 2625 (XXV) ГА ООН] [Электронный ресурс] // Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 65–73 // Официальный Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 05.11.2020).
[70] Там же.
[71] Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 авг. 1975 г. [Электронный ресурс] // Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 73–79 // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505 (дата обращения: 29.10.2020).

государств-участников Содружества Независимых Государств. Два других, по мнению автора исследования, в частности – «принцип территориальной целостности» и «принцип прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений» – напротив, являются в первом случае уточнением уставного принципа ООН, «согласно которому государства воздерживаются в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями ООН», а во втором – фокусированным дублированием положений Всеобщей декларации прав человека, применительно к отношениям участников Совещания.

Заключительным актом также была расширена формулировка названия уставного принципа ООН – «Принципа суверенного равенства государств». В акте он был назван «суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету». Обращая внимание на эту особенность, К.А. Бекяшев мотивированно предложил выделить «принцип уважения государственного суверенитета в качестве самостоятельного принципа»[72]. Однако ряд авторов рассматривает его в качестве продолжения «принципа суверенного равенства государств»[73].

Авторы учебника по международному публичному праву Московского государственного юридического университета указывают на одиннадцать основных принципов международного права[74]. В учебнике по международному праву Казанского федерального университета авторы приводят девять основных принципов международного права[75]. Данной точки зрения придерживается и

[72] Прим. авт.: По мнению ответственного редактора и одного из авторов учебника «Международное публичное право» К.А. Бекяшева, помимо десяти основных принципов международного права, существует также принцип уважения государственного суверенитета (Бекяшев К.А. Принцип уважения государственного суверенитета // Международное публичное право. М., 2011. С. 112–116).
[73] См., напр.: Международное право / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2002. С. 126–127; Международное право / под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М., 2006. С. 60–76.
[74] Международное публичное право / отв. ред. К.А. Бекяшев. М., 2010. С. 112–143.
[75] Международное право / отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. Указ. соч. С. 122–134.

автор настоящего исследования. В. Витцтум, как представитель европейской доктрины, упоминает только о «семи основных правилах»[76]. По справедливому замечанию В.Л. Толстых, «отечественная доктрина придает большее значение принципам международного права, нежели наши зарубежные коллеги»[77]. Именно более глубокое исследование в этом направлении, по мнению автора, делает российскую доктрину ценнее, в первую очередь, с теоретической стороны.

Принципы международного права в процессе регулирования международных отношений тесно переплетаются, «обслуживая», по существу, всю систему современного международного права. Возникают коллизии в применении того или иного принципа. Казанские ученые считают, что в настоящее время «имеется противоречие между принципом территориальной целостности государств и правом народов на самоопределение»[78], несмотря на то, что оба являются уставными принципами ООН.

Отсутствие единообразия в применении «принципа территориальной целостности государств» и «принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой» напрямую влияет на уровень угроз в сфере обеспечения международной безопасности. В связи с этим необходимо внести ясность в вопрос, с чем именно связана коллизия?

Впервые данные принципы были сформулированы и получили международно-правовое воплощение в Уставе ООН в то время, когда в мире существовали несамоуправляющиеся территории (колонии). Суть «принципа самоопределения» раскрыта в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам. Так, согласно пункту 6 Декларации, «всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и

[76] Витцтум В. Понятие и сфера действия международного права // Международное право = Volkerrecht / науч. ред. Т.Ф. Яковлева. М.; Берлин, 2011. С. 43.
[77] Толстых В.Л. Указ. соч. С. 127.
[78] Международное право / отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. Указ. соч. С. 126.

принципами Устава ООН»[79]. В 1970 г. была принята Декларация о принципах международного права, согласно пункту 1 которой в отношении права на самоопределение, но уже в контексте «принципа территориальной целостности», было сказано, что «каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишающих народы, о которых говорится в изложении принципа равноправия и самоопределения, их права на самоопределение, свободу и независимость»[80].

Коллизия применения этих двух принципов и стала проявляться в начале 90-х гг. XX столетия в связи с распадом СССР и изменением геополитической картины мира: на международной арене образовались новые независимые государства, не подпадающие под критерии несамоуправляющихся территорий (колоний). Данные государства, напротив, имели определенную территорию и все сопутствующие государству признаки. Учитывая многоэтнический состав Советского Союза, а это более ста больших и малых народов, новые независимые государства сохранили эту характеристику. По мнению автора, в ряде случаев именно несправедливо ущемленный статус представителей того или иного народа или этноса в новом государстве, в частности, подавляющее доминирование «титульной нации»[81] без учета интересов отдельных этносов и народностей, а порой и открытое давление, вынудил народы воспользоваться правом на самоопределение. А.В. Баранов выделяет ряд причин, способствующих этому: «экономико-географические, расовые, религиозно-этнические, внутри- и внешнеполитические, идеологические»[82] и ряд других.

[79] Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам: принята Резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 дек. 1960 г. [Электронный ресурс] // Международные акты о правах человека. М., 2000. С. 97–99 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 05.11.2020).
[80] Декларация о принципах международного права… Указ. соч.
[81] См.: Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» № 99-ФЗ от 24.05.1999 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 22. Ст. 2670.
[82] Баранов А.В. Сепаратизм в современном мире: политико-территориальный аспект // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 110–111.

Без сомнения, «принцип территориальной целостности» направлен на недопущение внешнего воздействия «другого государства» на государство с целью покушения на его территориальную целостность. «Принцип самоопределения», в свою очередь, регулирует отношения наций и этносов в пределах территории одного государства. Однако очевидно и другое. Данные принципы сформулированы международным сообществом, исходя из острой необходимости урегулирования имевшихся в тот период проблем. Данные принципы не были трансформированы вслед за кардинальным изменением геополитической картины мира. Поэтому Т.Д. Медведева, рассуждая о проблеме соотношения данных принципов, обращает внимание, что «одни исходят из того, что движения, обозначающие цель самоопределения как отделение, подрывают потенциал демократического развития государств и являют собой «деструктивную силу». Они делают акцент на «внутреннем самоопределении», т. е. на строительстве демократических институтов и создании механизмов группового представительства (федерализма, автономии и т. д.). Другие, напротив, полностью игнорируют то обстоятельство, что право народов на самоопределение утверждалось в международном праве как «антиколониальное средство». Они идеализируют данный принцип, придают ему универсальный характер, оправдывая любые средства его реализации»[83].

Как уже было отмечено, одна из главных целей государства – сохранить себя как суверенное образование в ряду других государств и, в том числе, сохранить территориальную целостность. Исследователь Н.В. Остроухов справедливо считает, что «угрозу территориальной целостности государств представляет сепаратизм…, а возникновению и развитию сепаратизма в государствах нередко способствует и вмешательство тех или иных внешних сил в тот или иной этнический конфликт. Такие конфликты испытывают на себе прямое и косвенное воздействие со стороны внешних сил самого широкого

[83] Матвеева Т.Д. Принцип территориальной целостности в международно-правовом инструментарии мирного разрешения территориальных споров // Московский журнал международного права. 2018. № 1. С. 13.

диапазона»[84]. При этом ученый отмечает, что «в международном праве на универсальном уровне толкование понятия "сепаратизм" так и не выработано»[85].

По мнению автора, ключевым условием, которое могло бы устранить коллизию в применении этих двух принципов, является установление истинных причин вопросов, является ли стремление к самоопределению сепаратизмом в результате деятельности террористических и/или экстремистских организаций, или иного внешнего давления? Либо, напротив, это стремление нации восстановить нарушенные права?

В данном случае универсальным международным форматом для взаимодействия должна оставаться ООН, возможно, на базе уже существующего Специального комитета по деколонизации (далее – Комитет), но адаптированного к реалиям времени. Его полномочия и компетенции следует доработать для решения следующей «двуединой» задачи. Во-первых, выявить истинные причины, ставшие импульсом для нации в стремлении реализовать право на самоопределение. Во-вторых, стать единым центром международного сотрудничества государств в этом направлении. Соответствующий мандат мог бы позволить Комитету плодотворнее сотрудничать с Антитеррористическим комитетом ООН, что представляется важной составляющей, поскольку терроризм и экстремизм довольно часто являются ключевыми факторами в формировании сепаратистских настроений и движений внутри государства, а также с Комиссией международного права ГА ООН с целью устранения неоднозначного толкования международно-правовых норм в этой сфере на основании полученных сведений и опыта. Отвечая на вопрос о заинтересованности в этом процессе самих государств, автор приходит к выводу о существовании прямой заинтересованности, поскольку это позволит выявить и пресечь необоснованные сепаратистские движения и создать международную практику, кода они станут «де юре» и «де факто» бесполезными.

[84] Остроухов Н.В. Сепаратизм и противодействие ему: международно-правовые аспекты и основные направления международного сотрудничества // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруденция. 2013. № 4. С. 131–132.
[85] См.: Там же. С. 133.

Отечественная доктрина в большинстве своем признает как саму отрасль *права международной безопасности*, так и наличие у нее отраслевых принципов, как то: *принцип неделимости международной безопасности, принцип равной (или равенства) и одинаковой безопасности, принцип ненанесения ущерба безопасности других государств и принцип разоружения.* Однако наличие того или иного принципа на доктринальном уровне не всегда означает, что он имеет международно-правовое воплощение.

Пожалуй, наименьшее количество вопросов вызывает наличие таких принципов, как *неделимость международной безопасности* и *принцип разоружения*. О «неделимости» безопасности упоминается в Резолюции ГА ООН «Комплексная система международного мира и безопасности» (A/RES/42/93)[86]. В Декларации о безопасности союзников стран НАТО[87] и в Концепции коллективной безопасности сран-участниц ОДКБ[88] говорится о «неделимости безопасности союзников». «Принцип неделимости безопасности всех государств евроатлантического сообщества»[89] заложен в основу отношений России и НАТО. На современном этапе упоминание о «неделимости безопасности» можно встретить в дискуссионных форматах самых высоких уровней[90]. *Принцип разоружения* или же модель поведения государств с целью добиться разоружения институционально реализована в рамках ООН в 1952 г.

[86] Резолюция ГА ООН A/RES/42/93 от 7 дек. 1987 г. «Всеобъемлющая система международного мира и безопасности» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/42/93 (дата обращения: 29.10.2020).

[87] Declaration on Alliance Security Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Strasbourg (Kehl on 4 April 2009) [Electronic resource] // NATO ofocial website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_52838.htm?mode=pressrelease (date of application: 29.10.2020).

[88] Концепция коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт организации Договора о коллективной безопасности. URL: http://www.odkb.gov.ru/b/azc.htm (дата обращения: 30.10.2020).

[89] Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора 1997 г. [Электронный ресурс] // Бюллетень международных договоров. 1997. № 11. С. 35–43 // Официальный сайт НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (дата обращения: 30.10.2020).

[90] См., напр.: «The Indivisibility of Euro-Atlantic Security» Secretary General Marc Perrin de Brichambaut 18th Partnership for Peace Research Seminar Vienna Diplomatic Academy 4 February 2010 [Electronic resource] // OCSE website. URL: https://www.osce.org/sg/41452?download=true (date of application: 30.10.2020); UN System Task Team on the Post-2015 UN Development Agenda [Electronic resource] // UN website. URL: http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/Think%20Pieces/peace_and_security.pdf (date of application: 30.10.2020).

путем учреждения Комиссии по разоружению. Международно-правовое воплощение данный принцип получил в ряде международных договоров и конвенций, регулирующих вопросы ограничения применения вооружений[91].

Говоря о двух других принципах – *принципе равной (или равенства) и одинаковой безопасности* и *принципе ненанесения ущерба безопасности других государств*, следует отметить, что западная доктрина не называет и не упоминает о них в своих исследованиях. Согласно первому принципу, международная безопасность должна основываться на принципе равенства субъектов международного права и избегать давления и преимущества более сильного государства над слабым. В первую очередь, имеется в виду использование военно-экономического потенциала как средства давления. Второй предполагает проведение государственной политики таким образом, чтобы учитывать баланс сил, необходимых для обеспечения собственной безопасности, в контексте имеющегося военно-экономического потенциала у стран-партнеров (соседей).

Данные принципы права международной безопасности были сформулированы в советской доктрине в эпоху «холодной войны» и их следует рассматривать в совокупности. В настоящее время, в качестве примера, показывающего дисбаланс в их соблюдении, можно привести факт расширения географии Североатлантического альянса до границ Российской Федерации с приближением к ней военной инфраструктуры. В качестве негативного фактора, усиливающего этот дисбаланс, можно выделить отсутствие институциональной основы для обращения к этим принципам при выстраивании международно-правовых отношений. В таких случаях особенно важным представляется отказ от ведения силовой политики, мышления категориями раздела «сфер влияния» и «сфер жизненных интересов», диктата своей воли другим государствам, вмешательства в их внутренние дела в любой форме.

[91] Конвенции и соглашения [по вопросам разоружения] [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_disarmament.shtml (дата обращения: 30.10.2020).

Одним из способов нивелировать диспропорцию, связанную с военно-экономическим доминированием, может стать создание институциональной основы. Такая основа, например, может быть заложена через включение в международно-правовое соглашение обязательных условий, связанных с эффективными методами и механизмами контроля объема военного потенциала с целью недопущения его одностороннего наращивания и «перекоса». Несомненно, природа таких соглашений должна быть связана с вопросами обеспечения международной или региональной безопасности.

Помимо вышеназванных отраслевых принципов права международной безопасности, следует назвать принцип, пользовавшийся популярностью в эпоху существования Советского Союза – *принцип мирного сосуществования*. Его также называют одним из ключевых положений советской доктрины права международной безопасности[92]. Действительно, принцип возник в международном праве с появлением на мировой арене Союза Советских Социалистических Республик. В истории государственности имели место отношения между государствами с различным социальным строем, но основанными на частной собственности (например, между буржуазными и феодальными государствами в XIII в.). Такие отношения всегда характеризовались борьбой за сферы влияния. Однако, если при существовании классово схожих государств, борьба между ними являлась закономерностью международных отношений, то эта закономерность усилилась с появлением социалистических государств – классово противоположных.

С образованием советского государства, а затем и системы социалистических государств, возникли отношения между государствами не только с различным, но и с диаметрально противоположным общественным строем. По мнению Г.И. Тункина, «таких международных отношений еще никогда не было в истории человечества»[93]. Автор исследования полагает, что в

[92] Проволоцкий В.В., Иваненко В.С. К вопросу о праве международной безопасности: проблемы определения понятия, предмета и содержания // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9. С. 73–79.
[93] См.: Тункин Г.И. Теория международного права. М., 2000. С. 29–30.

связи с распадом СССР данный принцип перестал быть актуальным лишь частично, поскольку на мировой арене остаются социалистические государства, ключевым из которых является Китайская Народная Республика. Именно они могут стать продолжателями советской доктринальной концепции в этом вопросе, используя данный принцип во взаимоотношениях.

Действительно, прежняя логика применения *принципа мирного сосуществования* Российской Федерацией в новых условиях претерпела изменения. Однако, признавая факт, что «мир сложен и многолик и состоит он из очень непохожих друг на друга государств со своими интересами, со своим правом их отстаивать и участвовать в общих делах»[94], позволяет применять данный принцип в международных отношениях вне зависимости от государственного строя.

§ 4. Современная международно-правовая модель обеспечения международной безопасности

ООН является организацией общей компетенции, цели которой определены в статьях 1 и 2 Устава[95]. Организация играет ключевую роль в формировании и содействии формированию институциональных основ обеспечения международной безопасности. Особое значение имеет Декларация об укреплении международной безопасности, принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 2734 (XXV) от 16 декабря 1970 г. В ней отразилась позиция ООН по наиболее острым международным вопросам, в том числе по вопросам повышения эффективности ООН в области поддержания международного мира и безопасности[96]. В рамках Организации государствам удалось разработать и дать четкое определение агрессии в международном праве

[94] Малинин С.А. Право международной безопасности // Курс международного права. Указ. соч. С. 161.
[95] Устав Организации Объединенных Наций. Указ. соч.
[96] Декларация об укреплении международной безопасности: принята Резолюцией 2734 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1970 г. [Электронный ресурс] // Действующее международное право. М., 1996. Т. 2. С. 202–206 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intsecurity.shtml (дата обращения: 30.10.2020).

и международных отношениях. Определение основывается на опыте Конвенции об определении агрессии, подписанной 4 июля 1933 г. в Лондоне Советским Союзом, Румынией, Чехословакией, Турцией и Югославией[97] и нашло отражение в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. под № A/RES/3314[98], за которое предусматривается ответственность в соответствии с международным правом[99]. 5 декабря 1986 г. и 7 декабря 1987 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла специальные резолюции о создании всеобъемлющей системы международного мира и безопасности[100]. 7 декабря 1988 г. принята Резолюция «Всеобъемлющий подход к укреплению международного мира и безопасности в соответствии с Уставом ООН»[101].

Задачи ООН по поддержанию мира сводятся к следующему: а) расследование инцидентов и проведение переговоров с конфликтующими сторонами с целью их примирения; б) проверка соблюдения договоренности о прекращении огня; в) содействие поддержанию законности и правопорядка; г) предоставление гуманитарной помощи местному населению; д) наблюдение за ситуацией.

В зависимости от задачи, операции ООН могут представлять собой миссии военных наблюдений или ввода ограниченного контингента войск. Во всех

[97] Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса / ред. Л.И. Швецова [и др.]. М., 2006. С. 56–58.
[98] Определение агрессии: Резолюция № A/RES/3314(XXIX) [Электронный ресурс] // Действующее международное право. М., 1996. Т. 2. С. 199–202 // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 30.10.2020).
[99] См., напр.: Декларация о запрещении применения военного, политического или экономического принуждения при заключении международных договоров от 23 мая 1969 г. // Международное право: сб. документов. М., 2000. С. 106; Декларация о праве народов на мир: одобрена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 39/11 от 12 нояб. 1984 г. // Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 2000. С. 102–103.
[100] Резолюции 41-й сессии ГА ООН № 41/171 (1986 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/ga/41/docs/41res.shtml (дата обращения: 30.10.2020); Резолюция ГА ООН A/RES/42/93 от 7 дек. 1987 г. «Всеобъемлющая система международного мира и безопасности». Указ. соч.
[101] Резолюции 43-й Сессии ГА ООН № 43/89 «Всеобъемлющий подход к укреплению международного мира и безопасности в соответствии с Уставом ООН (1988–1989 гг.)» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/ga/43/docs/43res.shtml (дата обращения: 20.10.2020).

случаях операции должны строго соответствовать следующим принципам: 1) принятие Советом Безопасности ООН решения о проведении операции, определение ее мандата и осуществление общего руководства при согласии сторон в конфликте на проведение операции; 2) добровольность предоставления воинских контингентов государствами-членами, приемлемыми для сторон; 3) финансирование международным сообществом; 4) командование Генерального секретаря ООН с предоставлением ему полномочий, вытекающих из мандата, предоставленного Советом Безопасности ООН; 5) беспристрастность сил и сведение к минимуму применения военной силы (только для самообороны)[102]. Так, например, при формировании ограниченного военного контингента сложилась практика, базирующаяся на двух принципах. *Первый принцип*, в соответствии с которым исключается вовлечение в конфликт военного контингента государства, являющегося постоянным членом Совета Безопасности ООН. *Второй принцип* – это принцип «беспристрастности», т. е. не допускается привлечение контингента государства, имеющего какую-либо заинтересованность в исходе конфликта[103].

ООН всячески стремится к «повышению уровня взаимодействия и расширению сотрудничества между Организацией Объединенных Наций и региональными механизмами»[104]. Ганс Кельзен писал, что «Организация Объединенных Наций не претендует на то, что она является единственной и эксклюзивной организацией для его членов по поддержанию мира. Для этого государства-члены Организации Объединенных Наций уполномочены Уставом создавать региональные организации, которые могут работать в качестве

[102] Лазутин Л.А. Право международной безопасности. § 3. Коллективная безопасность // Международное право / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2005. С. 465.
[103] См., напр.: Summary Study of the experience derived from the establishment and operation of the UNEF: report of the SG. (1958) // United Nations Peacekeeping / R. Higgins. 1969. Vol. 1. P. 486.
[104] См.: Декларация о совершенствовании сотрудничества между Организацией Объединенных Наций и региональными соглашениями или органами в области поддержания международного мира и безопасности: принята Резолюцией № 49/57 (A/RES/49/75) Генеральной Ассамблеи от 9 дек. 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/49/57 (дата обращения: 24.08.2020).

органов общей компетенции»[105]. Модель обеспечения международной безопасности выстраивалась именно исходя из этой логики, предполагающей симбиоз *всеобщей (универсальной)* и *региональной* систем обеспечения безопасности.

Универсальная система коллективной безопасности создана в рамках ООН. Вопросы поддержания мира и обеспечения коллективной безопасности, согласно Уставу Организации, отнесены к компетенции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи. Совет несет основное бремя за поддержание мира и безопасности, хотя подчиняется по некоторым вопросам Генеральной Ассамблее ООН[106].

Совет Безопасности – уставной орган ООН, прямо ответственный за поддержание мира и безопасности на планете Земля и, как отмечают некоторые авторы, «в мире не существует другого такого органа, имеющего столь широкий круг прав и полномочий, каким является Совет Безопасности ООН»[107]. В соответствии со статьей 25 Устава, все члены ООН соглашаются «подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их».

Особую группу полномочий Совета Безопасности ООН составляют полномочия по осуществлению действий в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии, предусмотренные главой VII Устава. В частности, Совет вправе: а) определять существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии; б) требовать от заинтересованных сторон тех временных мер, которые он найдет необходимыми или желательными для предотвращения ухудшения ситуации; в) решать, какие меры, не связанные с применением вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений; г) предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными

[105] Kelsen H. The Law of the United Nations. A critical analysis of Its fundamental problems. London, 1951. P. 319.
[106] Ряд ученых полагает, что Совет Безопасности не подконтролен Генеральной Ассамблее ООН. См., напр.: Федоров В.Н. ООН и стратегия мира. М., 1975. С. 60. Данное мнение представляется ошибочным, поскольку статьи 10–15 Устава ООН прямо указывают на иерархию и подотчетность Организации.
[107] См., напр.: Sarooshi D. The United Nations and the development of the collective security: the delegation by the UN Security Council of its Chapter VII powers. Oxford, 1999. P. 3.

силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности; д) использовать региональные соглашения или органы для принудительных действий под его руководством. По мнению К.А. Бекяшева, «полномочия Совета Безопасности ООН в вопросах поддержания мира можно свести к следующим мероприятиям: превентивная дипломатия; миротворчество; поддержание мира; миростроительство и постконфликтный период»[108].

Совет Безопасности ООН уполномочен решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений; он в праве потребовать от членов Организации их применения. Меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио- или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений. Если Совет сочтет, что указанные меры могут оказаться недостаточными или уже оказались таковыми, он уполномочен предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Действия Совета могут включать демонстрации, блокаду и другие операции воздушных, морских или сухопутных сил членов Организации. Для того, чтобы внести вклад в дело поддержания международного мира и безопасности, члены Организации обязуются предоставлять в распоряжение Совета по его требованию и в соответствии с особым соглашением или соглашениями необходимые для поддержания международного мира и безопасности вооруженные силы, помощь и соответствующие средства обслуживания, включая «право прохода». Так, соглашение или соглашения определяют численность и род войск, степень их готовности, общее расположение и характер предоставляемых средств обслуживания и помощи.

[108] Бекяшев К.А. Совет Безопасности ООН // Международное публичное право. М., 2010. С. 425–426.

Планы применения вооруженных сил составляются Советом Безопасности с помощью Военно-Штабного Комитета, созданного в целях его консультироватьния и оказания содействия по всем вопросам, относящимся к военным потребностям в деле поддержания международного мира и безопасности, по использованию войск, предоставленных в его распоряжение и командованию ими, а также регулированию вопросов вооружений и возможного разоружения.

В Уставе ООН предусматриваются способы сохранения международного мира, в числе которых – меры по его обеспечению с использованием *региональных систем безопасности*. Так, согласно статье 53 Устава, «Совет Безопасности ООН использует, где это уместно, региональные соглашения или органы». Через призму статей 53 и 54 Устава, такие региональные соглашения Ганс Кельзен называет «косвенными органами ООН»[109].

По мнению автора исследования, следует дифференцировать *региональные системы обеспечения безопасности* от *региональных систем обеспечения коллективной безопасности*. Однако обе системы применимы в деле обеспечения международного мира и безопасности. Автор предполагает, что *региональная система безопасности* в большей степени ориентирована на упреждение самой возможности возникновения конфликта путем создания институциональной основы с целью выработки единых подходов к решению проблемы, связанной с угрозой миру и безопасности. *Региональная система обеспечения коллективной безопасности* предполагает более тесное взаимодействие между государствами-участниками в случае совершения акта агрессии в отношении кого-либо из участников системы. П.Н. Бирюков выделяет общие черты *региональных систем обеспечения коллективной безопасности*: «а) закрепляется обязательство участников договора разрешать споры между собой исключительно мирными средствами; б) предусматривается обязанность участников оказывать индивидуальную или коллективную помощь государству, подвергшемуся вооруженному нападению извне; в) о принятых мерах

[109] Kelsen H. Указ. соч. P. 328.

коллективной обороны немедленно извещается Совет Безопасности ООН; г) в договоре участвуют, как правило, государства одного региона, а договор действует в пределах определенного региона, указанного в соглашении сторон; д) принятие новых государств в установленную договором систему возможно лишь с согласия всех ее участников»[110].

Е.Г. Моисеев приводит примеры региональных систем обеспечения безопасности, образованных по принципу нахождения в том или ином регионе планеты: «Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Организация Североатлантического договора (НАТО), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Организация американских государств (ОАГ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)»[111], уточняя, что «данный перечень организаций не является исчерпывающим»[112]. По мнению автора исследования, данные организации можно классифицировать более детально, исходя из следующих разновидностей: *региональная система безопасности* или *межрегиональная система безопасности*, которые одновременно могут являться *региональной системой обеспечения коллективной безопасности* или *межрегиональной.*

В соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, Совет Безопасности ООН должен быть информирован о действиях, предпринятых или намечаемых для поддержания международного мира и безопасности в силу региональных соглашений или региональными органами. Однако само по себе информирование не является инструментом предотвращения эскалации конфликта.

Следует привести ряд наиболее известных примеров, когда Совет был в полной мере информирован о развивающемся конфликте, но в силу ряда причин не предпринял действий, связанных с его предотвращением и/или

[110] Бирюков П.Н. Международное право. М., 2012. С. 445.
[111] Моисеев Е.Г. Право международной безопасности: понятие и принципы. Указ. соч. С. 488–489.
[112] Моисеев Е.Г. Коллективная международная безопасность // Международное право. М., 2015. С. 191–194.

урегулированием. В частности, является показательной ситуация, сложившаяся в Карибском бассейне в 1962 г. и ставшая одной из первых серьезных проверок для Совета.

Отметим, что правительство Кубы еще до кризиса неоднократно выносило на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН вопрос об агрессивных действиях США. В ходе его рассмотрения предпринимались активные попытки «не дать делу хода», ссылаясь, в том числе, на основания, «что никаких действий не может быть принято в связи с жалобой Кубы потому, что этот вопрос находится на рассмотрении Организации Американских Государств».

Впоследствии было установлено, что данный факт не соответствовал действительности. В результате действия Организации Объединенных Наций были сведены к разработке проекта «Резолюция семи держав» (A/C.1/L.276), который также не смог в полной мере снять напряжение между конфликтующими сторонами.

Сложившееся политическое противостояние впоследствии показало миру, что угроза применения ядерного оружия – не миф, а реальность[113]. Вслед за событиями в Карибском бассейне началась война во Вьетнаме. Как и в первом случае, Советом Безопасности ООН не были приняты эффективные меры для восстановления мира в регионе. Более того, в Организации открыто признается, что «вплоть до 1965 г., когда конфликт перешел в открытое вооруженное противостояние, должного внимания со стороны Совета Безопасности ООН ему не уделялось». Также отмечалось, что это «пожалуй, наиважнейшая конфликтная ситуация в мире, которую ООН не в стоянии разрешить»[114].

[113] Подробнее см.: ООН. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи (вторая часть пятнадцатой сессии). Первый комитет Генеральной Ассамблеи: политические вопросы и вопросы безопасности. Заседания Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН. 1149-1160. A/C.1.SR.1149-61, 21 марта – 21 апр. 1961 г. // Пленарные заседания Генеральной Ассамблеи. Сес. 15, ч. 2: стеногр. отчет. [Лондон], 1966. С. 69–148; Мелешников А.В. К вопросу о допустимости применения ядерного оружия (по материалам консультативного заключения Международного Суда ООН) // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 4. С. 266.

[114] Statements and communications relating to the situation in the Viet-Nam // Yearbook of the United Nations, 1965. UN Publication. Sales № 66.I.1.1967. P. 185–186.

В начале 90-х гг. XX в. обострилась политическая обстановка в Республике Югославия. 25 сентября 1991 г. Совет Безопасности ООН принял Резолюцию 713, которая постановила, что для целей установления мира и стабильности в Югославии все государства должны немедленно ввести всеобщее и полное эмбарго на поставки оружия и военного снаряжения в страну до момента принятия Советом иного решения. 24 марта 1999 г. республика подверглась бомбардировкам со стороны Соединенных Штатов и стран Североатлантического альянса. Действия Совета Безопасности ООН (созванного 24 марта 1999 г.) были заблокированы и сорваны в виду отсутствия единства его постоянных членов[115]. Ряд исков, предъявленных позднее Югославией странам-участницам бомбардировок, оказался безрезультатным[116].

В некоторой степени схожая ситуация сложилась в грузино-осетинском конфликте 2008 г. Непосредственно перед началом российской операции «по принуждению к миру» Постоянный Представитель России при ООН В.И. Чуркин призывал «созвать экстренное совещание в связи с агрессией Грузии против Осетии»[117]. Мы согласны с мнением Б.Р. Тузмухамедова, что «установить факт агрессии вправе лишь Совет Безопасности ООН, и пока он этого не сделает, можно говорить лишь о вооруженном нападении», а также, что «военные действия являются главным элементом состава преступления агрессии»[118]. Несмотря на это, в период грузино-осетинского противостояния Совет Безопасности фактически бездействовал: не было принято ни одного

[115] См.: Барышев А. П. Мировая политика и Организация Объединенных Наций, 1945–2009. М., 2009. С. 289.
[116] См., напр.: Дело, касающееся правомерности применения силы (Югославия против Канады); Дело, касающееся правомерности применения силы (Югославия против Германии). Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда, 1997–2002 гг. № ST/LEG/SER.F/l/Add.3 / ООН. Нью-Йорк, 2006.
[117] Letter dated 7 August 2008 from the Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations addressed to the President of the Security Council № S/2008/533 [Electronic resource]. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Georgia%20S2008%20533.pdf (date of application: 30.10.2020).
[118] Тузмухамедов Б.Р. От политических деклараций – к правовым доводам [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2008. 2 сент. URL: http://www.ng.ru/politics/2008-09-02/3_kartblansh.html (дата обращения: 30.10.2020).

экстренного решения, которое способствовало бы немедленному прекращению военных действий.

Механизм предотвращения угроз миру и безопасности Советом Безопасности ООН в очередной раз дал сбой в случае с конфликтом на Ближнем Востоке, связанным с военными действиями против Исламского Государства[119]. СБ ООН, а также Лига Арабских Государств, в силу имеющихся внутренних политических противоречий государств-участников, оказались неспособны применить имеющиеся эффективные инструменты и разрешить конфликт на стадии его зарождения.

Выше приведенные аргументы формируют вывод, что, с одной стороны, ООН осуществляет уникальные по своему характеру функции, связанные с выработкой институциональной основы в деле обеспечения мира и безопасности, с другой, несмотря на широкий перечень полномочий и компетенций в вопросах предотвращения угроз миру и безопасности, фактически неспособна принять реальные меры по предотвращению и/или разрешению конфликта. По мнению М. Шоу, именно «неспособность СБ ООН путем использования своих процедур обеспечить безопасность, стимулировала рост региональных оборонных альянсов»[120] и, одновременно с этим, «в эпоху после окончания "холодной войны" наглядно продемонстрировала осознание со стороны СБ ООН потенциала региональных организаций»[121]. Более того, автор отмечает, что «в какой-то мере он даже поощрял создание военных альянсов, таких как НАТО и Варшавский договор, которые, по сути, стали региональными правоохранительными системами, в обход Совета Безопасности»[122].

Существующая геополитическая картина мира содержит много противоречий. Они приводят к тому, что члены СБ ООН в настоящее время не

[119] Прим. авт.: Международная организация «Исламское Государство» признана ВС РФ террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации (Решение ВС РФ от 29 декабря 2014 г. (Дело № АКПИ14-1424С) [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1223842 (дата обращения: 30.10.2020)).
[120] Malcolm N. Указ. соч. P. 1287.
[121] Там же. P. 1275.
[122] Там же. P. 1210.

способны приходить к консенсусам по вопросам купирования региональных конфликтов, угрожающих миру и безопасности и/или их деэскалации. Понимая это, следует более тщательно планировать развитие и стимулирование региональных организаций, которые будут способны не только эффективно бороться с конфликтами, но и предупреждать их на ранних стадиях развития. По сути, это «де факто» признание фиаско универсальной модели обеспечения безопасности. Однако ни одна модель обеспечения международной безопасности не может существовать без ограничений во времени, а признание проблемы, как известно, уже половина ее решения. В эпоху информатизации международно-правовая модель обеспечения международной безопасности должна быть скорректирована в обязательном порядке.

В XXI в. активно продолжается развитие информационных технологий, повсеместное их внедрение и использование. Пунктом 4 Резолюции ГА ООН 60/45 от 8 декабря 2005 г. предусматривалось создание в 2009 г. Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (ГПЭ) с целью «исследования существующих и потенциальных угроз в сфере информационной безопасности и возможных совместных мер по их устранению»[123]. ГПЭ были выявлены и сформулированы угрозы, риски и факторы уязвимости, связанные с обеспечением безопасности при использовании информационно коммуникационных технологий (ИКТ). Признавая факт использования ИКТ в том числе в военной сфере, в контексте обеспечения международной безопасности ГПЭ выявила две ключевые группы риск-факторов: угроза инфраструктуре ИКТ, как объекту для покушения; предупреждение преступного

[123] Резолюция ГА ООН 60/45 от 8 дек. 2005 г. (A/RES/60/45) «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/60/45 (дата обращения: 30.10.2020); Красиков Д.В. Современные международно-правовые проблемы квалификации «кибершпионажа» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: реф. журн. Сер. 4, Государство и право. 2018. № 3. С. 229.

использования ИКТ, как средства достижения преступных целей[124]. В настоящее время создано три ГПЭ, которые занимаются изучением угроз в сфере ИКТ и кибербезопасности, а вопросы информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности периодически рассматриваются на ежегодной повестке Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций[125].

Общепризнанным является факт использования ключевых достижений в области науки и техники в оборонной промышленности. Советский дипломат и государственный деятель второй половины XX в. А.А. Громыко отмечал, что «с появлением на свет ядерного оружия кардинально изменилась военно-стратегическая ситуация в мире. Крупнейшие открытия прошлого не оказывали такого воздействия на всю международную жизнь, как повлияло на нее создание атомной бомбы»[126]. В настоящее время в Российской Федерации, по мнению первого заместителя Министра обороны РФ Р.Х. Цаликова, «уже идет практическая реализация того, что даже до конца научно не исследовано и не оформлено»[127], т. е. искусственный интеллект активно внедряется во все сферы жизни общества. Поэтому на современном этапе, в рамках ООН в формате Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (1981), ведется дискуссия, связанная с использованием искусственного интеллекта в

[124] Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (A/68/98*) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/68/98&referer=/english/&Lang=R (дата обращения: 30.10.2020).
[125] Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. Управление по вопросам разоружения. URL: https://www.un.org/disarmament/ru/достижения-в-сфере-информатизации-и-т/ (дата обращения: 30.10.2020).
[126] Подробнее см.: Громыко А.А. Памятное. М., 1990. Кн. 1. С. 273.
[127] Тигров К. В Минобороны рассказали о применении искусственного интеллекта в ВС РФ [Электронный ресурс] // Телеканал «Звезда». 2018. 15 марта. URL: https://tvzvezda.ru/news/forces/content/201803151914-bcyl.htm (дата обращения: 30.10.2020).

смертоносных автономных системах вооружения (САС)[128], а именно обсуждается вопрос сохранения человеческого контроля за искусственным интеллектом в САС.

М. Карлюк, говоря о правовых проблемах регулирования искусственного интеллекта, обращает внимание на то, что «система, которая учится на информации, полученной из внешнего мира, может действовать таким образом, который создатели не могли предсказать.., и способна к автономному действию помимо воли создателя, собственника или владельца»[129]. Отказ от контроля может кардинально изменить модель обеспечения международной безопасности, а тезис Г.И. Тункина о том, что «любой локальный конфликт может перерасти в мировую термоядерную войну»[130], в условиях принятия решения искусственным интеллектом автономно, заставляет озадачиться вопросом, какой именно характер будет носить война в таком случае. Представители российского МИД подчеркивают, что «технологии развиваются так быстро, что дипломаты могут просто не успеть предотвратить катастрофу»[131]. В таком случае международно-правовые механизмы обеспечения безопасности, придуманные и применяемые человеком, могут стать ненужными или неприменимыми для искусственного интеллекта, в силу различий в природе принятия решений искусственным интеллектом и человеком. Декларация о сотрудничестве в области применения искусственного интеллекта[132], принятая в ЕС в апреле 2018 г., пока не свидетельствует о каком-

[128] См.: Конвенция о «негуманном» оружии [справка МИД РФ от 31.07.2020] [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/obycnye-vooruzenia/-/asset_publisher/MlJdOT56NKIk/content/id/1130752 (дата обращения: 30.10.2020).

[129] Карлюк М. Этические и правовые вопросы искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Официальный сайт Рос. Совета по междунар. делам, 18 апр. 2018 г. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eticheskie-i-pravovye-voprosy-iskusstvennogo-intellekta/ (дата обращения: 30.10.2020).

[130] См., напр.: Тункин Г.И. Процесс создания норм и источники международного права. Указ. соч. С. 183.

[131] Черненко Е. Автомат с «калашниковым» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2018. 16 авг. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3714419 (дата обращения: 30.10.2020).

[132] Declaration Cooperation on Artificial Intelligence. 10.04.2018 [Electronic resource] // The European Commission official website. URL: https://ec.europa.eu/jrc/communities/sites/jrccties/files/2018aideclarationatdigitaldaydocxpdf.pdf (date of application: 30.10.2020).

либо системном регулировании данной области даже в рамках пространства Европейского союза. Необходимо признать, что на современном этапе в этой области отсутствует международно-правовое регулирование, несмотря на то, что проблема регулирования искусственного интеллекта – это существующая реальность, от которой зависит «будущее всего человечества»[133].

[133] Дружинин А. Путин: лидер в сфере искусственного интеллекта станет властелином мира [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2017. 1 сент. URL: https://ria.ru/technology/20170901/1501566046.html (дата обращения: 30.10.2020).

Глава II. Международно-правовые механизмы обеспечения безопасности в Европе

§ 1. Попытки создания международно-правовой системы обеспечения коллективной безопасности в Европе до Второй мировой войны

На рубеже XIX–XX столетий межгосударственные отношения критическим образом усложнились. Мировая обстановка в целом свидетельствовала о приближении серьезного международного конфликта. Система юридических принципов и норм, сложившихся на тот момент, допускала возможность обращения к силе, как законному способу разрешения международных разногласий. Подтверждением тому является наличие таких международно-правовых документов, как Женевская конвенция о режиме раненых и больных 1864 г. и Петербургская декларация о запрещении применения разрывных пуль 1868 г. Юридические ограничения применения силы в области мирного разрешения международных споров отсутствовали.

В указанный период крупнейшие на тот момент государства мирового сообщества начали предпринимать попытки создать международно-правовые механизмы, с помощью которых можно было бы мирным способом снизить напряженность в межгосударственных отношениях. Так, в 1899 и 1907 гг. в Гааге состоялись дипломатические конференции, вошедшие в историю под названием «Конференции мира», имевшие целью ограничить рост вооружений и выработать мирные способы разрешения международных споров. Конференции отражали рост пацифистских настроений в мире и обеспокоенность резким увеличением количества оружия, его разрушительной и убойной силой.

В 1899 г. по инициативе российского императора Николая II в Гааге состоялась международная конференция[134]. Основными ее задачами были: во-первых, «путем взаимного миролюбивого обсуждения международных споров и условий ограничения вооружений предупредить войну»; во-вторых,

[134] Прим. авт.: Конференция, известная как «Первая Гаагская Конференция мира», проходила в период с 18 мая по 29 июля 1899 г. В ней приняли участие представители 26 государств из Азии, Америки и Европы.

«посредством обмена мыслей выяснить те условия, при которых возникшая война могла бы быть поставлена в те узкие рамки с точки зрения гуманности и общей пользы народов». В процессе работы Конференции были приняты три конвенции и три декларации: Конвенция о мирном решении международных столкновений 1899 г.; Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1899 г.; Конвенция о применении к морской войне начал Женевской конвенции от 10/22 августа 1864 г.; Декларация о воспрепятствовании метания снарядов с воздушных шаров 1899 г.; Декларация о неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространение удушающих или вредоносных газов 1899 г.; Декларация о неупотреблении пуль, легко разворачивающихся или сплющивающихся в человеческом теле 1899 г.

Вторую мирную конференцию предложил созвать американский президент Теодор Рузвельт. Инициатива была поддержана Россией. Конференция состоялась в 1907 г. в Гааге[135]. В ходе ее работы был пересмотрен ряд конвенций, принятых на Конференции 1899 г., а также выработаны новые. Всего тринадцать конвенций, так или иначе связанных с ведением боевых действий.

С точки зрения исследования международно-правовых механизмов мирного разрешения международных споров интерес представляют пересмотренная Конвенция о мирном решении международных столкновений 1899 г. и Конвенция об ограничении силы в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам 1907 г. Разделом IV Конвенции о мирном решении международных столкновений предполагалось упреждение Международного третейского суда. Еще одним новшеством было учреждение таких способов, как добрые услуги, посредничество и следственные комиссии. Положениями второй из упомянутых конвенций предписывалось «не прибегать к вооруженной силе для истребования договорных долгов».

[135] Прим. авт.: Конференция, вошедшая в историю под названием «Вторая Гаагская Конференция мира», проходила в период с 15 июня по 18 октября 1907 г. В ней приняли участие представители 44 государств, в том числе 19 американских.

Действительно, юристами того времени активно продвигались идеи о необходимости внедрения третейских судов как способа, который может удовлетворить враждующие стороны и нивелировать международный конфликт на ранней его стадии. В частности, В.А. Уляницкий в своих трудах конца XIX в. характеризовал мирный способ разрешения международных споров путем третейского разбирательства как «самый желательный способ разрешения подобных недоразумений»[136]. Однако компетенция третейских судов конца XIX – начала XX вв. в большей мере распространялась на споры юридического характера. Политические же аспекты, как правило, оставались за ее рамками, что также признавалось юристами. К примеру, один из известнейших юристов-международников Ф.Ф. Мартенс отмечал, что «Во всех международных спорах, в которых на первом месте стоит политический элемент, третейское разбирательство невозможно. Оно приложимо только к таким, по большей части, не существенным разногласиям государств, в которых замешаны главным образом интересы юридического свойства, когда надо выяснить права, принадлежащие сторонам. Из уважения к Международному третейскому суду не следует расширять его компетенцию и ставить ему задачи, неразрешимые с точки зрения права»[137].

Перечень документов, принятых на Гаагских конференциях, свидетельствует о том, что государства стремились сократить вооружение и искали способы ограничить применение силы в контексте разрешения международных споров[138]. Однако общего соглашения о разоружении в ходе двух мирных Конференций выработано не было, а принятые конвенции «*de facto*» не ограничивали возможность применения вооруженной силы, устанавливая лишь некоторые альтернативные способы разрешения международных споров. Возможно потому, что каждое из государств

[136] Уляницкий В.А. Лекции по международному праву. М., 1897. С. 70–72.
[137] Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1883. Т. 2. С. 451–452.
[138] См.: 100-летие инициативы России: от Первой конференции мира 1899 г. к Третьей конференции мира 1999 г.: сб. материалов. СПб., 1999. С. 163.

стремилось добиться для себя наиболее выгодных условий, вступая в то или иное международное соглашение. Так, в ходе «дипломатических войн» в Европе возникли два противоборствующих союзнических блока или иными словами две коллективные международно-правовые системы обеспечения безопасности, обращенные «во вне» и работающие против внешнего врага: Тройственный союз, куда вошли Германия, Италия, Австро-Венгрия[139], и Антанта (или «Тройственное согласие»), участниками которого стали Франция, Англия и Россия[140]. В тот момент, когда каждая из этих систем в равной степени «кристаллизовались», началось открытое военное противостояние – Первая мировая война.

Начавшаяся война[141] стала ярким свидетельством тому, что Гаагские Конференции не привели к желаемому результату – государствам не удалось разработать действенные международно-правовые механизмы мирного разрешения международных споров. В результате военных действий, как и следовало ожидать, не удалось разрешить имевшие место международные противоречия, но наоборот, война способствовала их углублению и усилила объективные предпосылки возникновения новых кризисных явлений в послевоенном мире. Мировая война показала также и то, что блоковый формат взаимодействия является контрпродуктивным, не способен обеспечить необходимый уровень безопасности, а наоборот приводит к повышению уровня международной напряженности в масштабах всей планеты. Предстояла колоссальная работа в области миростроительства, связанная с созданием универсального механизма обеспечения международной безопасности.

Первая мировая война закончилась подписанием ряда соглашений, в числе которых Нейиский договор 1919 г., Версальский мирный договор 1919 г., Сен-Жерменский договор 1920 г., Трианонский договор 1920 г., Севрский договор

[139] См.: Полтавский М.А. Тройственный союз // Большая советская энциклопедия. М., 1977. Т. 26. С. 239–240.
[140] См.: Манфред А.З. Антанта // Большая советская энциклопедия. М., 1970. Т. 2. С. 49–50.
[141] См.: Фролов Б.П. Первая мировая война // Военная энциклопедия. М., 1999. Т. 6. С. 318–319.

1920 г., Лозанский договор 1923 г. Соглашения выстраивали Версальскую систему послевоенного устройства мира. Особое значение приобрел Версальский мирный договор (или Версальский договор), поскольку предусматривал создание международно-правовой системы обеспечения коллективной безопасности, а именно учреждение Лиги Наций.

Существует несколько предпосылок для ее учреждения. Во-первых, импульсом послужила созданная в 1915 г. в Филадельфии (США) «Лига борьбы за мир» под председательством уже бывшего к тому времени президента США Уильяма Тафта. Во-вторых, одним из первых постановлений состоявшейся в 1919 г. Конференции мира было решение основать Лигу Наций и создать Комиссию для выработки ее Статута. На основании представленных Комиссии проектов[142] был создан документ, который решено было опубликовать для всеобщего обозрения. Р.М. Бланк отмечал, что «этим участники Мирной Конференции дали возможность всему миру выразить свое отношение к проекту и внести в него свои предложения»[143]. Говоря о дискуссии вокруг проекта Статута Лиги Наций, М.А. Циммерман приводит некоторые интересные подробности, связанные с предложением В. Вильсона, «в случае изменения условий или при наличии соответствующих стремлений со стороны заинтересованных народностей Совет Лиги Наций большинством в 3/4 голосов может осуществить необходимые территориальные изменения, обеспечивая справедливое материальное вознаграждение государству, которое лишается части своей территории»[144]. Предложение было отвергнуто и не нашло отражения в Статуте. Отметим неоднозначность данного механизма. С одной стороны, это была попытка закрепить механизм мирного разрешения территориальных споров. С другой, вопросы, касающиеся территории

[142] Прим. авт.: Проекты Брайса, Дикинсона, Ниппольда, Ламмаша, Шикинга; Проект английского комитета союза «Фабианцев»; Проект голландской «Центральной Организации Постоянного мира»; Проекты официальных правительственных комиссий Франции, Англии, Италии, Швейцарии.
[143] Бланк Р.М. Лига Наций: ее организация, ее конституция, ее значение для международного мира. Берлин, 1924. С. 18–25.
[144] Циммерман М.А. Очерки нового Международного права. Мирные договоры. Лига Наций. Постоянная палата Международного Суда. Прага, 1923. С. 170–171.

государства, являются его внутренней компетенцией и не могут быть решены «за государство» иными субъектами международного права. Можно предположить, что в случае включения в Статут этих условий, Лига Наций могла бы стать легализованным международным механизмом отъема территорий, что, скорее всего, не способствовало бы укреплению международной безопасности. После всеобщего опубликования проект Статута подвергся повторному обсуждению в рамках Мирной Конференции, и 28 апреля 1919 г. Статут Лиги Наций был единогласно утвержден. Однако, по справедливому замечанию юриста-международника М.А. Циммермана, современника указанных событий, «Версальский мирный договор, устанавливающий объединение всех народов в Лигу Наций, не являлся актом, преследующим цель механического перенесения норм внутригосударственного права в международные отношения. Договор также не преследовал цели установить формы процесса как спора о праве, которые обязательны внутри государства для подвластных. Его целью было возможно большее ограничение применения насилия в международной жизни и, таким образом, подготовка почвы для дальнейшей эволюции государств в смысле приближения к порядку, когда война как вид самопомощи станет редким исключением»[145].

Статут Лиги Наций устанавливал ряд обязательств, ограничивавших применение вооруженной силы. В частности, согласно статье 10, «члены Лиги обязуются уважать и охранять против всякого внешнего нападения на территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства»[146]. Статьей 11 Статута объявлялось, что «всякая война или угроза войны, затрагивает ли она прямо или нет какого-либо из членов Лиги, интересует Лигу в целом и что последняя должна принять меры, способные действительным образом оградить

[145] Там же. С. 143–145.
[146] Версальский мирный договор: полный перевод с французского подлинника / под ред. Ю.В. Ключникова, А. Сабанина. М., 1925. С. 7–15.

мир Наций»[147]. В соответствии со статьей 12 Статута, члены Лиги Наций соглашались, что «в случае возникновения спора, могущего повлечь за собой разрыв, передавать его на рассмотрение третейского суда либо Совета Лиги, и не прибегать к войне до истечения трехмесячного срока после решения третейских судей или доклада Совета»[148]. В соответствии со статьей 15 Статута, члены Лиги обязались «не прибегать к войне против государства, которое сообразуется с выводами доклада, принятого Советом единогласно; при отсутствии такого единогласия они оставляли за собой право поступать, как они считают подходящим для сохранения права и правосудия»[149]. В статье 16 утверждалось, что «если член Лиги прибегал к войне в противность обязательствам, установленным в Статуте, он «*ipso facto*» рассматривался, как совершивший акт войны против всех других членов Лиги»[150].

Статутом Лиги Наций предусматривалось учреждение двух высших органов управления – Ассамблеи (или Общего Собрания членов Лиги) и Совета, состоящего из четырех постоянных членов – представителей великих держав и четырех (позднее шести) непостоянных, избираемых Ассамблеей. Собрание членов Лиги Наций происходило на ежегодной основе, в сентябре. В процессе заседаний Собрания образовывались шесть комиссий по различным направлениям. Вопросами, связанными с обеспечением международной безопасности, занимались III и IV Комиссии[151].

Совет Лиги Наций в соответствии со статьей 4 Статута «собирается, когда того требуют обстоятельства, и, по меньшей мере, один раз в год, в месте пребывания Лиги или в таком другом месте, которое может быть назначено». Заседания Совета вплоть до 1930 г. проходили не менее четырех раз в год и так же, как в случае с заседаниями Собрания, сопровождались учреждением специальных комитетов и комиссий. Для целей поддержания международного

[147] См.: Там же.
[148] См.: Там же.
[149] См.: Там же.
[150] См.: Там же.
[151] Прим. авт.: III Комиссия создавалась для разрешения вопросов разоружения и безопасности. IV – Политическая Комиссия.

мира и безопасности учреждались следующие комитеты и комиссии: - Постоянная консультативная комиссия (военных экспертов) с тремя подкомиссиями (сухопутных, морских и воздушных вооружений); - Временная смешанная комиссия вооружений[152]; - Комитет Совета для рассмотрения вопросов разоружения и безопасности, касающихся только членов Лиги Наций[153]; - Комиссия разоружения, с подконтрольными ей подкомиссиями экспертов: подкомиссия «А» - военнаяи подкомиссия «Б» - экономическая. Компетенция и полномочия данных органов определялись статьями 3 и 4 Статута. В понимании В.В. Егорова, «вопросы, связанные с поддержанием мира и обеспечением безопасности, входили в компетенцию, как Собрания, так и Совета»[154]. О. Афанасьева также указывала на дублирование полномочий и компетенцию этих главных органов, поскольку «оба органа были совершенно равноправны, и разница между ними заключалась лишь в составе и периодичности их созыва»[155].

Лига Наций не провозглашала идею обеспечения «вечного мира», а ставила перед собой цель сохранить его как можно более длительное время. Для этого государства-участники стремились ограничить поводы и стимулы к военным действиям и развивать интересы государств к миру, а также установить ряд препятствий против военных замыслов и предприятий. Лига Наций являлась, прежде всего, международно-правовым союзом для защиты мира. Преамбулой Статута предусматривалась гарантия целостности и независимости стран, вошедших в состав Лиги. В Статуте Лиги была закреплена обязанность «соединять и объединять политические, экономические и культурные интересы всех народов». Нарушение обязательств, принятых перед Лигой Наций, признавалось вызовом всем членам Лиги и влекло за собой возможность ответных репрессивных мер, как экономического, так и военного характера, при

[152] Прим. авт: Комиссия занималась всеми вопросами разоружения. Перестала существовать в 1924 г.
[153] Прим. авт.: Последнее собрание Комитета проведено в апреле 1927 г.
[154] Коровин Е.А. «Разоружение»: проблема разоружения в международном праве; Лига Наций в фактах и документах (1920–1929). М.; Л., 1930. С. 156–157.
[155] Афанасьева О. Краткий очерк истории Лиги Наций. М., 1945. С. 7–8.

том, что приоритетным оружием в борьбе против агрессора должно быть осуществление экономических санкций.

26 сентября 1928 г. Лига Наций приняла Генеральный Акт «О мирном разрешении международных споров». Акт состоял из четырех глав и устанавливал процедуры разрешения международных споров посредством судебных и арбитражных механизмов. При возникновении международного спора предполагалось обращение в Международный суд или в случае недостижения консенсуса – в третейский. Акт также предусматривал судебную и арбитражную процедуры рассмотрения и урегулирования конфликтов между участниками Пакта Бриана-Келлога 1928 г.[156], ставшего одним из знаковых достижений в области международно-правового обеспечения безопасности.

Парижский пакт – Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, подписанный 27 августа 1928 г. в Париже, получил название по имени его инициаторов – французского министра иностранных дел А. Бриана и государственного секретаря США Ф. Келлога. Историю пакта принято отсчитывать с 6 апреля 1927 г., когда Бриан выступил с заявлением о дружественных чувствах Франции к Соединенным Штатам Америки и о готовности французского правительства подписать «любое взаимное обязательство, чтобы «поставить всякую наступательную войну вне закона»[157]. Пакт состоял из преамбулы и трех статей. В статье 2 «высокие договаривающиеся стороны признают, что урегулирование или разрешение всех могущих возникнуть между ними споров или конфликтов, какого бы характера

[156] Прим. авт.: Депозитарием Пакта являлись Соединенные Штаты Америки, первоначальными участниками – Франция, США, Германия, Великобритания, британские доминионы и Британская Индия, Италия, Япония, Бельгия, Польша, Чехословакия (всего 15 государств). Советское правительство присоединилось к Пакту 6 сентября 1928 г. Пакт вступил в силу 24 июля 1929 г.

[157] См. напр.: Коровин Е.А. Указ. соч. С. 97–98; Ключников Ю. Пакт Бриана-Келлога // Международная жизнь. 1928. № 8. С. 2–22; Myers D.P. Origin and conclusion of the Paris pact. Boston, 1929. P. 227; Strupp C. der. Kellogg-Pakt im Rahmen des Kriegsvorbeugungsrechts. Leipzig, 1928; [Аутсайдер]. Пакт Келлога / Outsider. М.; Л., 1928. С. 72.

или какого бы происхождения они ни были, должно всегда изыскиваться только в мирных средствах»[158].

Не менее важен и политический аспект, связанный с подписанием Парижского пакта. Несомненно, подписывая Пакт, каждое из государств-участников преследовало собственные цели. Например, Франция рассчитывала укрепить внешнеполитические позиции в Европе, Соединенные Штаты Америки стремились занять место международного арбитра, создав для этого под своей эгидой новую организацию в противовес Лиге Наций, где главную роль играли бы Великобритания и Франция. Однако у западных держав была и общая цель – изолировать Советский Союз путем устранения от участия в переговорах по факту подписания Пакта и использовать документ в качестве орудия для его изоляции. Однако деятельность советской дипломатии фактически вынудила западные державы пригласить СССР присоединиться к Пакту. Советский Союз выступил инициатором подписания Московского протокола 1929 г. «О немедленном введении в действие Пакта»[159]. Поскольку Пакт Бриана-Келлога не вступал в силу немедленно после его подписания государством, а требовал ратификации, подписание Московского протокола имело существенное значение с точки зрения исключения рисков возможного отказа либо затягивания государствами ратификации.

30-е гг. XX столетия «испытали на прочность» созданный мировым сообществом мировой порядок и международно-правовые механизмы, его обеспечивающие. А.А. Громыко в своих воспоминаниях так описывал этот период: «Тридцатые годы были напряженным периодом в международной атмосфере. Во второй половине тридцатых годов в воздухе уже отчетливо

[158] Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики [от 27 августа 1928 г.] [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/901786550 (дата обращения: 05.11.2020).
[159] Декларация о присоединении Союза Советских Социалистических Республик к Договору об отказе от войны, заключенному в Париже 27 авг. 1928 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1966. Т. 11. С. 503–506; Протокол [между СССР, Эстонией, Латвией, Польшей и Румынией о досрочном введении в действие Парижского договора от 27 авг. 1928 г. об отказе от войны в качестве орудия национальной политики] // Документы внешней политики СССР. М., 1967. Т. 12. С. 68–70.

«пахло порохом». Чувствовалось, что надвигались тяжелые свинцовые тучи войны. Один за другим народы, многие страны становились жертвами агрессии гитлеровской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии, вставших на путь развязывания Второй мировой войны»[160]. Версальская система была «перечеркнута» Локарнскими соглашениями 1925 г. «О гарантиях западных границ Германии и об арбитраже». Локарнские соглашения были обсуждены и подготовлены к подписанию на международной Локарнской конференции 1925 г., а подписаны только 1 декабря 1929 г. в Лондоне. Соглашения включали в себя: гарантийный договор между Германией, Францией, Бельгией, Великобританией и Италией (Рейнский гарантийный пакт); франко-германский, германо-бельгийский, германо-польский и германо-чехословацкий договоры об арбитраже; франко-польский и франко-чехословацкий гарантийные договоры.

Локарнские соглашения фактически означали перегруппировку политических сил в Европе после заключения Версальского договора 1919 г. в целях создания единого блока с участием Германии, направленного против Советской России. Основным документом стал Рейнский гарантийный пакт, который предусматривал неприкосновенность франко-германской и бельгийско-германской границ, соблюдение постановлений Версальского договора 1919 г. о демилитаризации Рейнской зоны. Пакт устанавливал обязательства подписавших его держав в случае прямой агрессии или нарушения статуса Рейнской демилитаризованной зоны оказать немедленную помощь той стране, против которой эти акты будут направлены.

Локарнскими соглашениями был нанесен удар по системе европейских союзов, а германский милитаризм получил легальный путь экспансии на Восток, тем самым усугубляя противоречия в Европе. На XIV съезде ВКП(б) отмечалось, что «Локарно чревато новой войной в Европе»[161]. В 1935 г. в Германии была

[160] Громыко А.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 67–68.
[161] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 18–31 дек. 1925 г.: стеногр. отчет [Электронный ресурс]. М.; Л., 1926. С. 14. URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01008872055#?page=32 (дата обращения: 05.11.2020).

восстановлена всеобщая воинская повинность. 7 марта 1936 г., вопреки Локарнским соглашениям, фашистская Германия ввела войска в Рейнскую демилитаризированную зону. В 1937 г. вторжение Японии в Северный Китай подтвердило, какие последствия имела политика «невмешательства» и «умиротворения агрессора», проводимая в отношении фашистских держав. В Европе всячески отвергали советские предложения по организации коллективного отпора агрессорам, о чем публично заявлялось Советским Правительством в ноябре 1937 г.[162]

Неэффективность политики Лиги Наций сводилась к следующему: во-первых, Статут Лиги не устанавливал общего запрета на применение силы в международных отношениях; во-вторых, решения главных органов Лиги Наций, Собрания и Совета, по важным вопросам должны были приниматься единогласно; в-третьих, в Лиге Наций не было обеспечено участие некоторых сверхдержав того времени, в частности Соединенных Штатов Америки. 19 марта 1920 г. Сенат США проголосовал против ратификации Версальского договора, упреждая возможное американское участие в Лиге Наций[163]. Германия вышла из состава Лиги в 1933 г., мотивируя это желанием пересмотреть условия Версальского мира. В том же году Лигу Наций покинула Япония, оккупировав при этом ряд провинций Северного Китая. СССР был исключен из состава членов Лиги в 1939 г.[164], поводом стали боевые действия против финских войск. Однако, по вспоминаниям А.А. Громыко, «в тот момент никто подробно не изучал причины советско-финского вооруженного столкновения. Лига Наций ретировалась от расследования данного инцидента, расценив это как вооруженную агрессию СССР, не учитывая при этом многочисленные провокации с финской стороны, а также то, что из состава Лиги исключается не "рядовое" государство»[165]. Следует также отметить события, происходившие во

[162] См., напр.: История внешней политики СССР, 1917–1945 / под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарева. М., 1980. Т. 1. С. 285; Родин А.М. Локарнская конференция 1925 г. // Военная энциклопедия. М., 1999. Т. 4. С. 471.
[163] Scott G. The Rise and Fall of the League of Nations. London, 1973. P. 45–46.
[164] Там же. P. 399–400.
[165] Жухрай В.М. Роковой просчет Гитлера: крах блицкрига (1939–1941). М., 2000. С. 100–101.

второй половине 30-х гг. в Испании, которые Лига Наций оставила без внимания. На 104-й сессии Лиги Наций, проходившей в январе 1939 г., представители Англии и Франции выступили против применения в соответствии со статьей 16 Статута Лиги коллективных санкций против германо-итальянских агрессоров в Испании[166].

30-е гг. XX столетия стали вызовом для мирового сообщества с точки зрения поиска и построения систем международно-правового обеспечения безопасности, для того, чтобы поставить войну вне закона, вывести ее за рамки международно-правового поля. С этой целью 4 июля 1933 г. в Лондоне между СССР, Румынией, Чехословакией, Турцией и Югославией была подписана Конвенция об определении агрессии[167]. В соответствии со статьей 2 Конвенции, под «нападающим в международном конфликте» признавалось государство, которое первое совершит одно из следующих действий: 1) объявление войны другому государству; 2) вторжение своих вооруженных сил, хотя бы без объявления войны, на территорию другого государства; 3) нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами, хотя бы без объявления войны, на территорию, суда, или воздушные суда другого государства; 4) морская блокада берегов или портов другого государства; 5) поддержка, оказанная вооруженным бандам, которые, будучи образованными на его территории, вторгнутся на территорию другого государства, или отказ, несмотря на требования государства, подвергшегося вторжению, принять на своей собственной территории все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства.

Вторая подобая инициатива, заслуживающая отдельного внимания – Восточный пакт (или «Восточное Локарно»)[168]. Участниками данного пакта должны были стать страны Центральной и Восточной Европы, а именно Польша, Чехословакия, Германия, Советский Союз, прибалтийские государства и

[166] История внешней политики СССР. Указ. соч. Т. 1. С. 321–327.
[167] Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса… Указ. соч. С. 56–58.
[168] История внешней политики СССР. Указ. соч. Т. 1. С. 307–308.

Финляндия. Предполагалось, что это позволит принять обязательства и взаимно гарантировать нерушимость границ, а также оказывать помощь государству-участнику пакта, подвергшемуся нападению, противостоя таким образом государству-агрессору. Кроме того, планировалось заключение отдельного пакта о взаимной помощи между СССР и Францией. Таким образом, Франция стала бы гарантом Восточного пакта, а Советский Союз совместно с Англией и Италией – Локарнского пакта 1925 г. Заключение вышеупомянутых пактов позволило бы создать в Европе систему обеспечения коллективной безопасности и снять имевшую место международную напряженность правовыми инструментами. Однако этому не суждено было случиться, в первую очередь, по причине отказа от участия в пакте Германии. 10 сентября 1934 г. Берлин ответил, что «германское правительство не может участвовать в новых международных системах безопасности любого характера до тех пор, пока другие державы считают возможным оспаривать равноправие Германии в области вооружения»[169].

Вторая мировая война – самая кровопролитная война в истории человечества, началась 1 сентября 1939 г. со вторжения германских войск в страны Западной Европы. Вторжение стало возможным по ряду совокупных причин, основной среди которых является, пожалуй, то, что Лига Наций, задумывавшаяся как союз всех народов мира, не смогла стать действующим универсальным механизмом, обеспечивающим международную безопасность. На фоне благотворных международных событий, происходивших с Лигой Наций и «около нее» в 1920-е гг., мировое сообщество стало свидетелем ее неспособности пресечь формирование военно-политических блоков и обеспечить их контроль и инклюзивность в единую универсальную систему обеспечения международной безопасности, поскольку любое государство могло как войти в состав Лиги, приняв на себя установленные Статутом обязанности, так и выйти из ее состава без каких-либо катастрофических последствий.

[169] Documents on German Foreign Policy, 1918–1945. Vol. 3. Germany and the Spanish civil war 1936–1939. Washington, 1951. P. 397–398.

§ 2. Международно-правовые аспекты формирования региональной системы обеспечения коллективной безопасности в послевоенной Европе

Геополитическая и военная обстановка в европейском регионе по окончании Второй мировой войны продолжала оставаться неустойчивой. С одной стороны – Советский Союз, имевший на тот момент наиболее боеспособную армию в мире и стремящийся сохранить военно-политические достижения. С другой – страны-союзники по антигитлеровской коалиции во главе с Соединенными Штатами Америки, к тому времени в полной мере оправившиеся от Великой депрессии и стремившиеся нарастить присутствие и влияние в послевоенной Европе. В разрушенной войной Европе предстояло создать эффективные международно-правовые инструменты предотвращения новых угроз в области обеспечения безопасности.

Более того, сразу после окончания войны Советский Союз и Соединенные Штаты были втянуты в глобальное геополитическое, военное, экономическое и идеологическое противостояние, получившее название «холодная война»[170]. Уровень напряженности в отношениях между державами стал напрямую влиять на уровень угроз во всем мире, включая европейский регион. Так, по мнению ученого Академии военных наук В.С. Белоуса, «все локальные конфликты, которые имели место после Великой Отечественной войны, по существу, были конфликтами между СССР и США. Специалисты СССР, которые работали в соответствующих структурах, под "вероятным противником" всегда понимали, что речь идет о Соединенных Штатах Америки»[171]. По этой причине дальнейший процесс формирования региональных систем обеспечения коллективной безопасности в европейском регионе предлагается рассмотреть в том числе через призму взаимоотношений Советского Союза (впоследствии Российской Федерации) и Соединенных Штатов Америки.

[170] История дипломатических отношений СССР/России и США (справка) [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2009. 12 окт. URL: https://ria.ru/politics/20091012/188552715.html (дата обращения: 30.10.2020).
[171] Щит России: системы противоракетной обороны / В. С. Белоус [и др.]. М., 2009. С. 39.

Ко времени начала «холодной войны» в международно-правовом пространстве была создана организация, призванная предотвращать новые угрозы и обеспечивать мир и безопасность на планете – Организация Объединенных Наций. Однако в силу специфики ее деятельности в сторону охвата более широкого пространства, нежели европейский регион, с учреждением ООН данный регион не получил собственную региональную модель обеспечения коллективной безопасности.

Образовавшийся международно-правовой вакуум на региональном уровне стал стремительно заполняться. Так, в апреле 1949 г. был подписан Договор[172], в рамках которого учреждался Североатлантический альянс[173]. В статье 1 Североатлантического договора указано, что «договаривающиеся стороны обязуются, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, мирно решать все международные споры, участниками которых они могут стать, не ставя при этом под угрозу международные мир, безопасность и справедливость, а также воздерживаться от любого применения силы или угрозы ее применения в своих международных отношениях, если это противоречит целям ООН». В статье 5 Договора стороны определили, что «вооруженное нападение на одну или нескольких из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом и […] в случае, если подобное вооруженное нападение будет иметь место, каждая из них, в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону». Статьей 9 Договора стороны учредили Совет – высший руководящий орган Альянса. В Североатлантическом Совете каждое государство-участник представлено Постоянным представителем в ранге, аналогичном рангу посла. Перечень привилегий и иммунитетов

[172] Североатлантический пакт, Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апр. 1949 г. [Электронный ресурс] // Действующее международное право. М., 1996. Т. 2. С. 293–297 // Официальный сайт НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 01.02.2020).

[173] Прим. авт.: 4 апреля 1949 г. договор подписали десять европейских стран: Бельгия, Великобритания, Дания, Исландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Франция, а также страны североамериканского континента – США и Канада. Договор вступил в силу 24 августа 1949 г.

Постоянных представителей закреплен в статье 13 «Соглашения о статусе НАТО, национальных представителей и иностранного персонала»[174]. С момента учреждения Североатлантического альянса и далее прослеживалась его антисоветская направленность. Концепция, принятая Советом Североатлантического альянса в сентябре 1950 г., декларировала «опору на ядерное оружие в качестве основного средства решения проблем с СССР»[175].

В мае 1955 г. в качестве симметричного ответа на учреждение контрнастроенного военно-политического блока рядом европейских государств социалистической направленности стало учреждение Организации Варшавского Договора через подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи для целей «обеспечения мира и безопасности в Европе»[176]. Договаривающиеся стороны «выразили волю к развитию всемирного политического, экономического и оборонительного сотрудничества и готовность участвовать в международных действиях, имеющих целью обеспечение мира и коллективной безопасности, добиваться принятия эффективных мер к всеобщему сокращению вооружений и запрещению атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения»[177]. В соответствии с мнением, господствовавшим в советской доктрине, «заключение Варшавского Договора понималось как достижение высшей формы пролетарской солидарности – социалистического интернационализма, явившегося объективным следствием развития международного социализма в

[174] Agreement on the status of the North Atlantic Treaty Organization, National Representatives and International Staff signed Ottawa 20 September 1951 [Electronic resource] // NATO official website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17248.htm? (date of application: 30.10.2020).
[175] Подробнее см.: Караганов С.А., Трофименко Г.А., Шеин В.С. США – Диктатор НАТО. М., 1985. С. 72–74.
[176] Прим. авт.: 14 мая 1955 г. в Варшаве состоялось совещание европейских государств, в ходе которого Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, предусматривающий учреждение Организации Варшавского договора (ОВД). Договор вступил в силу 5 июня 1955 г.
[177] Подробнее см.: Организация Варшавского договора: документы и материалы, 1955–1980 гг. / отв. ред. В. Ф. Мальцев. М., 1986. С. 6–10.

условиях враждебного капиталистического окружения»[178]. Вопросы, касающиеся начала и истоков сотрудничества стран ОВД, находили отражение в работах союзников по Варшавскому Договору, в частности, в исследовании «О военной политике партии», подготовленной болгарскими авторами Д. Джуровым, А. Семерджиевым, К. Косевым и Х. Добревым, отдельная глава посвящена военному союзу «братских армий»[179].

Структуры органов управления Альянса и ОВД имели схожие черты. Так, высшим политическим органом Альянса является Совет НАТО, текущей деятельностью руководит Генеральный секретарь. В его распоряжении находится Генеральный секретариат – главный исполнительный орган, состоящий из экспертов и должностных лиц из всех стран-участников Альянса. Высшим военным органом Альянса является Военный комитет, который разрабатывает военные планы и руководит боевой подготовкой войск. Структура и функции основных органов ОВД в общем виде были зафиксированы в тексте Варшавского Договора. В частности, статьей 5 Договора было предусмотрено создание Объединенного командования вооруженными силами участников Договора. Статьей 6 предусматривалось создание Политического консультативного комитета (ПКК), высшего политического органа Организации Варшавского Договора[180]. В дальнейшем была дополнена и уточнена структура вспомогательных органов, что предусматривалось данной статьей: «ПКК может создавать вспомогательные органы, которые окажутся необходимыми»[181]. В 1966 г. на Будапештском совещании ПКК было принято решение о создании Военного Совета Объединенных вооруженных сил, Технического комитета и

[178] Подробнее см.: Монин М.Е. Содружество, рожденное в боях: о совместной работе Советских Вооруж. Сил и армий стран Вост. и Юго-Вост. Европы против войск фашистской Германии. М., 1971. С. 12; Боевое содружество братских народов и армий / под общ. ред. И.И. Якубовского. М., 1975. С. 34–65; Варшавский Договор – союз во имя мира и социализма / под общ. ред. В.Г. Куликова. М., 1980. С. 29–57.
[179] Подробнее см.: За военната политика на партията / Д. Джуров [и др.]. София, 1977. С. 133–136.
[180] См., напр.: Васильев Н.М. Организация Варшавского договора // Военная энциклопедия. М., 2002. Т. 6. С. 104.
[181] Подробнее см.: Варшавский договор: история и современность / В.Н. Лобов [и др.]; под общ. ред. П.Г. Лушева. М., 1990. С. 64–73.

Военного научно-технического совета. Решением Бухарестского совещания ППК 1976 г. были образованы Комитет министров иностранных дел и Объединенный секретариат. По справедливому заключению В.В. Штоля, «у НАТО нет своих вооруженных сил. Бóльшая часть сил, представляемых ей государствами-членами, остается полностью под их командованием и управлением до тех пор, пока они не поступят в распоряжение НАТО для выполнения конкретных задач»[182]. Организация Варшавского Договора также имела в распоряжении исключительно Объединенные вооруженные силы государств-участников Варшавского Договора. Зеркальное сходство военно-политических блоков, в купе с их полной идеологической противоположностью, критическим образом осложняло возможность налаживания конструктивного сотрудничества.

В период первой интеграции европейских государств, связанный с учреждением Европейского объединения угля и стали[183] в 1951 г., рядом стран объединения была предпринята попытка сформировать собственное региональное оборонительное сообщество в форме Договора о Европейском оборонительном сообществе (Парижский договор 1952 г.). Исследуя правовые особенности Парижского договора, необходимо отметить следующее. Статья 6 «давала право комиссариату сообщества составлять его бюджет и обязывать государства-членов сообщества производить соответствующие изменения в их национальных бюджетах». Статья 9 предписывала, что «ни одно государство-участник договора не будет набирать и не будет содержать национальные вооруженные силы». Руководствуясь статьей 122 указанного Договора, «все другие соглашения или договоры, заключенные ими (государствами-участниками) имели меньшее значение, чем Парижский договор». Однако в силу ряда причин договор был подписан, но не вступил в силу, в том числе в связи с отказом ратифицировать его всеми участниками. В качестве альтернативной

[182] Подробнее см.: Штоль В.В. НАТО: динамика эволюции. М., 2002. С. 21–25.
[183] Орлова Ю.М., Кухнина Л.Ю. Механизм и перспективы расширения Европейского союза // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3. С. 168.

причины Н.Н. Молчанов называет то, что «право национальных парламентов в области внешней политики, политики в области обеспечения собственной безопасности и в части самостоятельного составления государственного бюджета упразднялось или существенно ограничивалось»[184].

Повторная попытка создания автономной региональной системы европейской безопасности была предпринята путем подписания Брюссельского пакта, провозгласившего создание Западноевропейского союза или ЗЕС от 17 марта 1948 г., 23 октября 1954 г. был подписан Протокол о его модификации. Таким образом образовался Западноевропейский союз. Статьей III Протокола в Договор в качестве статьи IV вносится следующая новая статья: «При исполнении Договора Высокие Договаривающиеся Стороны и любые органы, созданные ими в соответствии с Договором, работают в тесном сотрудничестве с Организацией Североатлантического договора. Признавая нежелательность дублирования военных штабов НАТО, Совет и его Агентство будут полагаться на соответствующие военные органы НАТО для получения информации и консультаций по военным вопросам»[185]. Очевидно, что в рамках данного условия ЗЕС лишался самостоятельных полномочий в военных вопросах и переходил в прямое подчинение Североатлантическому альянсу. Маастрихтским соглашением была сделана попытка придать Западноевропейскому союзу новый импульс «в качестве средства усиления "европейской опоры" Альянса»[186]. Однако ЗЕС, просуществовав более 60 лет, 31 марта 2010 г. объявил о прекращении деятельности с июля 2011 г.[187]

[184] Подробнее см.: Молчанов Н.Н. Провал «Европейского оборонительного сообщества» – успех дела мира в Европе. М., 1954. С. 14–16.
[185] Protocol No. I Modifying and Completing the Brussels Treaty: Signed at Paris, October 23, 1954; in force May 6, 1955 [Electronic resource] // Western European Union. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/protocol-no-i-modifying-and-completing-the-brussels-treaty/8E850B65BDEFE0F394F21A5F09E3C0B7 (date of application: 30.10.2020).
[186] Адарчев О.В. Западноевропейский союз в системе европейской безопасности. М., 1998. С. 24.
[187] Decision of the Council of the Western European Union on the residual rights and obligations of the WEU (27 May 2011) 1951 [Electronic resource]. URL: http://www.weu.int/index.html (date of application: 15.05.2018).

В 60-х гг. XX столетия напряженность между «сверхдержавами» критическим образом увеличилась. Карибский кризис[188] стал апофеозом противостояния и заставил осознать, что неразрешенность конфликта может привести к гибели всего человечества. Гонка ядерных вооружений становилась все более угрожающей и обременительной, ядерные потенциалы двух стран достигли колоссальных размеров, а стремление к стратегической стабильности в период «холодной войны» нашло практическое воплощение в противоречивом сочетании: с одной стороны, опора на ядерное оружие, с другой – контроль над ним. Очевидно, что в такой ситуации государства европейского региона стали «заложниками» «блокового» противостояния и не имели реальной возможности выстроить автономную региональную модель обеспечения коллективной безопасности, избавленную от издержек такого противостояния.

Подойдя к опасной черте, «холодная война» пошла на спад: Москва и Вашингтон были вынуждены в обоюдных интересах договориться об ограничении стратегических сил, «гонки вооружений» и достижении стратегической стабильности. Так, именно в 60-х гг. XX в. появилось понимание необходимости налаживания политического диалога и начала формирования международно-правовых основ в области обеспечения безопасности. Результатом стало подписание ряда важных двусторонних соглашений с целью разрядить напряженность в отношениях государств и сформировать понятную международно-правовую базу для сотрудничества в сфере обеспечения безопасности. Стороны подписали Меморандум об установлении линии прямой связи между Кремлем и Белым домом (1963), Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США (1971), Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1, 1972), Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (1972), Договор об

[188] Карибский (Кубинский) кризис 1962 г. [справка] [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2017. 14 окт. URL: https://ria.ru/spravka/20171014/1506686346.html (дата обращения: 30.10.2020).

ограничении подземных испытаний ядерного оружия (1974), Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2, 1979)[189].

Особое место во взаимоотношениях Советского Союза (впоследствии Российской Федерации) и Соединенных Штатов, влияющих на уровень напряженности в европейском регионе, занимает тема противоракетной обороны (ПРО). Договор об ограничении систем ПРО (*Договор о по противоракетной обороне*) был подписан 26 мая 1972 г. в Москве. Основной целью Договора было обеспечить сдерживание гонки стратегических наступательных вооружений и начать движение по глубокому сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ). А.А. Громыко охарактеризовал его так: «Договор по ПРО выполняет свое предназначение и теперь, продолжая сдерживать гонку вооружений на одном из наиболее опасных ее направлений»[190]. В соответствии с Договором, каждая из сторон обязалась не размещать системы ПРО на территории своих стран. Исключение было сделано для двух районов радиусом 150 км: район с центром в столице и район, в котором расположены шахтные пусковые установки МБР. В соответствии с Протоколом от 3 июля 1974 г. стороны обязались содержать систему ПРО только в одном из указанных районов[191]. В соответствии с Договором по ПРО, стороны также приняли обязательства не создавать, не испытывать и не развертывать системы (или компоненты) ПРО морского, воздушного, космического и мобильно-наземного базирования. Значение документа состояло в том, что запрет на развертывание ПРО на территории страны лишает противостоящие стороны надежды на безответное нанесение первого удара, с расчетом в ответ прикрыться противоракетным «щитом»[192].

[189] См., напр.: Холодная война // Энциклопедия российско-американских отношений XVIII–XX вв. М., 2001. С. 597; Хроника российско-американских отношений XVIII–XX вв. // Там же. С. 648-649; Холодная война // Дипломатический словарь. М., 1986. Т. 3. С. 536.
[190] Громыко А.А. Указ. соч. Кн. 2. С. 298.
[191] Прим. авт.: для СССР – район Москвы, для США – ракетной базы Гранд-Фокс.
[192] Белоус В.С. Противоракетная оборона и оружие XXI века. М., 2002. С. 357–359.

Распад Советского Союза произвел «эффект разорвавшейся бомбы» в геополитической картине мира и повлек за собой кардинальное изменение ситуации, в первую очередь, в европейском регионе.

1 июля 1991 г. был подписан Протокол о прекращении действия Варшавского Договора, не повлекший, однако, самороспуск Альянса. Напротив, с 1998 по 2009 гг. последовали три так называемых «волны» расширения НАТО. Во время первой (1998) ряды Организации пополнили Польша, Чехия и Венгрия; второй (2001) – еще девять стран Восточной Европы: Литва, Латвия, Эстония, Словения, Румыния, Словакия, Македония и Болгария; вступление Албании и Хорватии в ряды Альянса (2009) ознаменовали третью волну расширения[193].

По мере все большего инкорпорирования Альянсом стран Европы и Европейского Союза, по линии которого стало отчетливо заметно так называемое «двойное членство», назрела необходимость в институционализации отношений Альянса с ЕС. На эту особенность обращает внимание Н.К. Арбатова, говоря о том, что «взаимоотношения между НАТО и Евросоюзом в 2001 г. были поставлены на институциональную основу»[194]. Данный процесс выразился через подписание Декларации ЕС – НАТО[195], подтвердившей возможность при планировании собственных военных операций странами ЕС, использовать ресурсы Североатлантического альянса и договоренностей, именуемых «Берлин-Плюс», которые обеспечили его возможность поддержки операций ЕС. На Лиссабонском саммите ЕС – НАТО в 2010 г. была принята Стратегическая концепция. В Варшаве в июле 2016 г. НАТО и ЕС определили новые сферы сотрудничества, в числе которых – противодействие гибридным угрозам, укреплению обороноспособности, киберзащите безопасности на море. В 2018 г. в Брюсселе НАТО и Евросоюз подписали Декларацию о

[193] Тонких П.С. Отношения России с НАТО и ОБСЕ в контексте новой архитектуры евроатлантической безопасности // Договор о Европейской безопасности: импульс к развитию отношений России и Европы. М., 2011. С. 154–155.
[194] Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / под ред. О.Ю. Потемкиной. М., 2012. С. 98.
[195] EU-NATO Declaration ESDP, December 2002 [Electronic resource] // NATO official website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_19544.htm (date of application: 30.10.2020).

сотрудничестве, добавив тем самым новую сферу сотрудничества – «борьбу с терроризмом»[196].

В результате действий, связанных с вовлечением новых членов в ряды Альянса, в европейском регионе только Австрия, Ирландия, Швеция и Финляндия, являясь государствами ЕС, остаются за пределами государств-членов Альянса, среди европейских стран постсоветского пространства – Белоруссия и Украина. В настоящее время наиболее глубокая институциональная интеграция прослеживается между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, выраженная образованием Союзного государства[197]. Согласно Программе действий двух государств по реализации положений Договора о создании Союзного государства, предполагается «осуществление совместной политики в области обороны, координации деятельности в области военного строительства, совместного использования военной инфраструктуры, разработки и размещения совместного оборонного заказа, функционирования региональной группировки войск»[198].

После распада Советского Союза формат взаимоотношений с Соединенными Штатами Америки по линии ПРО также претерпел кардинальные изменения. В 90-е гг. XX в. Соединенные Штаты в одностороннем порядке пересмотрели соглашение по ПРО. Так, в 1991 г. был принят Закон «О противоракетной обороне (*Missile Defense Act*)»[199]. В феврале 1995 г. Пентагон принял программу «3+3» по развитию систем заатмосферного перехвата, как основы будущей стратегической ПРО. В 1997 г. были подписаны соглашения по разграничению систем ПРО, а также Меморандум о

[196] Совместная декларация о сотрудничестве между ЕС и НАТО, Брюссель, 10 июля 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского Союза. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/48245/node/48245_ar (дата обращения: 30.10.2020).
[197] Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 7. Ст. 786.
[198] Программа действий РФ и РБ по реализации положений Договора о создании союзного государства (совершено 08.12.1999) // Российская газета. 2000. 1 февр.
[199] Missile Defense, the Space Relationship, & the Twenty-First Century. Published for the Independent Working Group by The Institute for Foreign Policy Analysis. Copyright 2009 [Electronic resource]. URL: http://www.ifpa.org/pdf/IWG2009.pdf (date of application: 30.10.2020).

правопреемстве в отношении Договора по ПРО, устанавливающие, что сторонами Договора теперь являются Россия, Соединенные Штаты, Белоруссия, Украина и Казахстан, которые принимают на себя все права и обязательства[200]. В 2002 г. США в одностороннем порядке вышли из Договора. В этих условиях стала активно продвигаться идея создания системы ЕвроПРО на базе Североатлантического альянса, которая получила поддержку ее членов. По мнению В.И. Трубникова, и это очевидно, «инициатива создания системы ПРО в Европе принадлежит Соединенным Штатам Америки»[201], и естественно, стороны придают важное значение взаимодействию в данном направлении на самом высоком уровне[202]. При этом отношения России и Соединенных Штатов сложно назвать дружескими, особенно на фоне провозглашенного на Западе тезиса, что «Россия снова является стратегической проблемой для Соединенных Штатов»[203]. В то же время взаимоотношения двух держав, хотя и не исключают политических расхождений, но в своей основе уже не имеют фундаментальных антагонистических и межсистемных противоречий, а вероятность прямого ядерного столкновения представляется достаточно низкой. Поэтому прежние методы оценки стратегического баланса могут показаться анахронизмом. Однако, признавая необходимость модернизации подходов к оценке, отсутствуют основания для их полного упразднения. Так, А.Г. Арбатов отмечает, что «даже если вероятность ядерной войны в политическом отношении стала очень низкой, задача стратегического курса должна состоять не в том, чтобы игнорировать ее, а в том, чтобы гарантировать исключение такой вероятности,

[200] Подберезкин А.И. Договор СНВ-2 и будущее стратегических ядерных сил (анализ, проблемы, перспективы). М., 1999. С. 52–53.
[201] Проблемы и перспективы сотрудничества России с США/НАТО в сфере противоракетной обороны / отв. ред. В.И. Трубников. М., 2011. С. 7.
[202] См., напр.: Совместное заявление Президента РФ Д.А. Медведева и Президента США Б. Обамы по вопросам ПРО от 6 июля 2009 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://kremlin.ru/ref_notes/35 (дата обращения: 30.10.2020).
[203] Smith J., Twardowski A. The Future of U.S. – Russia Relations 2009 [Electronic resource] // Strategy & Statecraft, January 2017. Center of New American Security. P. 13. URL: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS-Report-FutureofRussia-Final.pdf?mtime=20170107213356 (date of application: 30.10.2020).

как в юридическом, так и в военно-техническом плане»[204]. В низкой вероятности прямого ядерного столкновения убежден также специалист в области международной безопасности А.Г. Савельев, который считает, что «нанесение ядерного удара Россией по Соединенным Штатам или наоборот фактически будет означать уничтожение собственных городов в результате неизбежного «акта возмездия» с противоположной стороны. Как представляется, только полная безысходность и неизбежность тотального уничтожения страны могут подвигнуть ее лидеров на нанесение такого удара»[205].

В результате своей эволюции от «Маастрихта до Лиссабона» Европейский союз получил широкий перечень институтов, органов и структур в области обеспечения безопасности. Учредительные документы Союза позволяют применять механизмы углубленного сотрудничества в отдельно взятых областях и подходить с нужной гибкостью к интеграционным процессам в области обеспечения безопасности, что очевидно свидетельствует о его стремлениях к самостоятельности в системе координат архитектуры европейской безопасности. В 2017 г. ЕС был запущен внутренний оборонный механизм – постоянное структурированное сотрудничество (*PESCO).* Это событие не стало неожиданным, к нему последовательно готовились. Так, в связи с появлением *Common Security and Defence Policy*, как отмечает Норхайм-Мартинсен, в ЕС стала «проявляться растущая воля к автономии от НАТО, будь то в автономных операциях или в создании автономных возможностей» и «считается само собой разумеющимся, что ЕС должен иметь какую-то самостоятельную военную роль», при этом «между некоторыми государствами-членами ЕС сохраняется значительное сопротивление по-настоящему автономному *CSDP*, однако сама идея становится все более приемлемой»[206]. В настоящее время механизм *PESCO*

[204] Арбатов А.Г. Противоракетная оборона и новые стратегические отношения России и США. М., 2002. С. 8–9.
[205] Савельев А.Г. Политические и военно-стратегические аспекты Договоров СНВ-1 и СНВ-2. М., 2000. С. 116.
[206] Norheim-Martinsen M. Beyond Intergovernmentalism: European Security and Defence Policy and the Governance Approachjcms // Journal of Common Market Studies. 2010. Vol. 48, № 5. P. 1353.

остается внутренним форматом ЕС, однако имеет все предпосылки для того, чтобы создать автономную модель обеспечения коллективной безопасности.

§ 3. Международно-правовой механизм обеспечения безопасности в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе

Во второй половине 60-х – начале 70-х гг. XX в. в Европе в отношениях между государствами произошли существенные изменения: возобладали принципы мирного сосуществования, равной безопасности и взаимовыгодного сотрудничества. Практическим шагом в направлении укрепления европейской безопасности стала встреча заинтересованных в этом вопросе европейских государств[207] в формате «совещание» по безопасности и сотрудничеству. Первый этап совещания на уровне министров был проведен с 3 по 7 июля 1973 г. в Хельсинки. Второй этап – в Женеве с 18 сентября 1973 г. по 21 июля 1975 г. турами, продолжительностью от 3 до 6 месяцев, на уровне делегатов и экспертов, назначенных государствами-участниками. Третий этап состоялся в Хельсинки с 30 июля по 1 августа 1975 г. на уровне высших политических и государственных руководителей стран-участниц совещания (33 европейских государства, а также Соединенные Штаты и Канада). По итогам совещания был подписан Заключительный акт[208].

Заключительный акт вобрал в себя согласованные договоренности по всем пунктам повестки дня и представляет собой тщательно взвешенный баланс интересов всех государств-участников. Заключительный акт подтвердил территориальные и политические изменения, произошедшие в Европе в результате разгрома фашистской Германии и послевоенного развития, обозначив стремление народов к миру и безопасности[209]. В разделе, относящимся к вопросам безопасности, сформулированы десять принципов, определяющих

[207] Подробнее см.: Обращение государств – участников Варшавского Договора ко всем европейским странам, принятое политическим консультативным комитетом государств – участников Варшавского Договора на совещании в Будапеште 17 марта 1969 г. // Организация Варшавского договора: документы и материалы. Указ. соч. С. 6–10.
[208] См.: Заключительный акт СБСЕ 1975 г. // От Хельсинки до Будапешта: история СБСЕ/ОБСЕ в документах 1973–1994 гг. М., 1996. Т. 1. С. 47–87.
[209] Подробнее см.: Мазов В.А. Принципы Хельсинки и международное право. М., 1980. С. 215.

правила и нормы взаимоотношений и сотрудничества государств-участников совещания. В документе «применена система "трех корзин": военно-политические аспекты; сотрудничество в экономической, гуманитарной областях; в области прав человека»[210].

Проведенный анализ Заключительного акта СБСЕ вызвал вопрос, является ли Хельсинкский акт международно-правовым соглашением или это исключительно консолидация политических заявлений государств, отраженных в едином документе и не имеющих под собой юридического основания? Для ответа необходимо обратиться к истокам образования норм международного права, где «нормы создаются самими субъектами этой системы права» и «процесс образования норм международного права включает в себя этапы, в результате которых появляется международно-правовая норма». Принимая во внимание заключение авторитетного советского ученого Г.И. Тункина и анализируя Заключительный акт, следует, что Хельсинкский акт определенно содержит новые нормы-принципы международного права, в частности принцип нерушимости границ, принцип территориальной целостности и принцип уважения прав и свобод человека. Очевидно и то, что Заключительный акт также есть консолидация политической воли государств. Р.А. Мюллерсон справедливо полагает, что «международное право, внешняя политика и дипломатия – явления не только тесно взаимосвязанные, но и во многом переплетающиеся. Поэтому исследование чего-либо из них в отдельности невозможно»[211]. Формально такого рода международный акт должен был быть ратифицирован, поскольку на момент подписания Хельсинкского Заключительного акта в СССР действовал закон «О порядке ратификации и денонсации международных договоров»[212]. В соответствии со статьей 2 этого закона, «ратификации подлежат заключаемые

[210] Подробнее см.: Dronov V. From CSCE to OSCE: Historical Retrospective // Aspect of Statehood and Institutionalism in Contemporary Euro. GB, 1997. P. 106.
[211] См.: Мюллерсон Р.А. Международное право, внешняя политика и дипломатия // Курс международного права. М., 1989. Т. 1. С. 304–305.
[212] Закон СССР «О порядке ратификации и денонсации международных договоров Союзом Советских Социалистических Республик» от 20 авг. 1938 г. // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11.

СССР мирные договоры, договоры о взаимной обороне от агрессии, договоры о взаимном ненападении. Равным образом ратификации подлежат международные договоры, при заключении которых стороны условились об их последующей ратификации». Как известно, Заключительный акт ратификации не требовал и вступил в силу в день его подписания. Позднее в российском законодательстве вопросы ратификации международных договоров были скорректированы. Так, в настоящее время, внутренним законодательством Российской Федерации определено, что «согласие Российской Федерации на обязательность для нее международного договора может выражаться путем: подписания договора; обмена документами, образующими договор; ратификации договора; утверждения договора; принятия договора; присоединения к договору; применения любого другого способа выражения согласия, о котором условились договаривающиеся стороны»[213]. В советской и российской доктринах международного права по вопросу юридической силы Заключительного акта были высказаны различные точки зрения. В этой связи в научный оборот прочно вошло понятие «договоренности»[214]. По мнению автора исследования, ратификация сняла бы все споры, касающееся юридической природы Заключительного акта, однако ее отсутствие не лишает документ легитимности, в том числе потому, что излишняя бюрократизация документа в условиях острой международной обстановки свела бы «на нет» приложенные государствами усилия по его разработке, согласованию и подписанию.

Эволюцию роли СБСЕ/ОБСЕ в деле обеспечения безопасности и ее место в архитектуре европейской безопасности можно понять, рассмотрев исторические вехи ее развития. Профессор Г.И. Курдюков выделяет три

[213] Подробнее см.: Ст. 6 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.
[214] См., например: Шатров В.П. Хельсинкский объединительный процесс // Курс международного права. М., 1993. Т. 7. С. 157; Гидирим А.В. Юридическая природа Заключительного акта СБСЕ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1980.

основных периода в деятельности и эволюции СБСЕ/ОБСЕ[215]. *Первый период* – с момента созыва и до начала 90-х гг. XX в. – пришелся на эпоху биполярного мира и «холодной войны». На данном этапе эволюции можно выделить наиболее значимые события: Белградская встреча (1977–1978)[216], Мадридская встреча (1983), Венская встреча (1986–1989), а также «трехэтапная Конференция»[217] (с конца XX в. до настоящего времени). В качестве ключевого достижения первого этапа можно выделить то, что формат СБСЕ выдержал испытание «холодной войной», а сама организация приобрела черты универсального механизма общеевропейского сотрудничества.

Второй период охватывает 90-е гг. прошлого столетия и представляется особенно важным по ряду причин. В частности, в ноябре 1990 г. в рамках Парижской встречи на высшем уровне было выработано новаторское и эпохальное соглашение не только в истории ОБСЕ, но и в истории разоружения – Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ, обновленный в 1999 г. в виде Договора об ОВСЕ). В рамках Хельсинкской встречи (1992) был принят документ «Вызов времени перемен», запустивший процесс превращения СБСЕ из политического форума в региональную международную организацию по поддержанию военно-политической безопасности. Одновременно было принято решение об учреждении новых институтов, таких как Форум по сотрудничеству в области обеспечения безопасности, Экономическй форум и Минская группа СБСЕ[218]. Процесс структурного преобразования СБСЕ в

[215] Курдюков Г.И., Макарова Г.Н. Роль Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ/ОБСЕ) в развитии мирового политического процесса на рубеже XXI века. Казань, 2008. С. 7–15.
[216] См., напр.: Итоговый документ Белградской встречи 1977 г. представителей государств-участников СБСЕ, Белград, 8 марта 1978 г. // От Хельсинки до Будапешта: история СБСЕ/ОБСЕ в документах 1977–1994 гг. М., 1996. Т. 1. С. 95.
[217] Прим. авт.: Конференция проходила в три этапа. Первый – в Париже (1989), второй – в Копенгагене (1990), третий – в Москве (1991). На конференции были выработаны решения по гуманитарному сотрудничеству и созданию общеправового пространства.
[218] Прим. авт.: Учитывая остроту проблемы, для решения которой была создана Минская группа, документы по ее работе находятся в ограниченном доступе.

ОБСЕ[219] был завершен в январе 1995 г., что позволило Организации в 1990-е гг. активно участвовать в решении региональных и этнических конфликтов[220].

В результате трансформации, ОБСЕ получила структуру и институты, состоящие из главных органов, таких как Совещание глав государств и правительств (Встречи на высшем уровне); Конференции; Совет министров; Парламентская ассамблея; Руководящий совет; Постоянный совет; Действующий председатель; Тройки председателей; Генеральный секретарь ОБСЕ; Секретариат ОБСЕ; Форум по сотрудничеству в области безопасности; Верховный комиссар по делам национальных меньшинств; Бюро по демократическим институтам и правам человека. Вспомогательные структуры – Суд по примирению и арбитражу, Совместная консультативная группа и Консультативная комиссия по открытому небу. В рамках ОБСЕ создан механизм разрешения споров, закрепленный в следующих документах: Принципы урегулирования споров и положения процедуры СБСЕ по мирному урегулированию споров (Валетта, 8 февраля 1991 г.), Результаты Совещания СБСЕ по мирному урегулированию споров (Женева, октябрь 1992 г.)[221]. Однако необходимо отметить, что принимаемые ОБСЕ решения носят рекомендательный характер.

В 90-е гг. XX столетия Организация участвовала в разрешениии региональных и этнических конфликтов, в том числе в Косово, Боснии и Герцеговине, Македонии, Хорватии, Грузии, Таджикистане, Нагорном Карабахе, Чечне и др.[222] Возможность такого участия предусматривалось Московским механизмом ОБСЕ, однако оно ограничивалось лишь присутствием миссий.

[219] Подробнее см.: CSCE, Budapest Summit Declaration, Towards a Genuine Partnership in a New Area. Budapest. 6 December, 1994 // SIPRI Yearbook, 1995.
[220] Механизмы человеческого измерения [реализация Московского механизма ОБСЕ] [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: http://www.osce.org/ru/odihr/84451 (дата обращения: 02.11.2020).
[221] Подробнее см.: Бекяшев К.А. Разрешение споров в рамках ОБСЕ // Международное публичное право. М., 2010. С. 250–251.
[222] Механизмы человеческого измерения [реализация Московского механизма ОБСЕ]. Указ. соч.

Рубеж XX–XXI вв. и до настоящего времени – *третий период* в эволюции ОБСЕ, который характеризуется новыми вызовами. Одним из главных ориентиров системы коллективной европейской безопасности в этот период стала Хартия европейской безопасности, принятая на Стамбульском саммите ОБСЕ (1999)[223]. В 2010 г. состоялась встреча глав государств в Астане, в ходе которой была подписана Астанинская юбилейная декларация «На пути к сообществу безопасности», в которой главы государств и правительств в очередной раз заявили «о своей приверженности идее свободного, демократического, общего и неделимого евроатлантического и евразийского сообщества безопасности на пространстве от Ванкувера до Владивостока, основанного на согласованных принципах, совместных обязательствах и общих целях»[224]. Однако «государствам-участникам ОБСЕ не удалось придти к консенсусу по важному вопросу затяжных конфликтов и согласовать ориентированный на конкретные результаты план действий»[225]. В 2014 г. в формате ОБСЕ была сделана попытка урегулировать украинский кризис, в частности, подписанием и публикацией оригинала Меморандума об исполнении положений Протокола по итогам консультаций трехсторонней контактной группы относительно шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины Петра Порошенко и инициатив Президента России Владимира Путина[226]. По мнению некоторых авторов, «хотя кризис временно привлек повышенное внимание к деятельности ОБСЕ, он обнажил и ее слабые

[223] Стамбульский документ 1999 г. Хартия Европейской безопасности (вместе с «Оперативным документом – платформой безопасности, основанной на сотрудничестве»). Стамбул, нояб. 1999 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/mc/39573?download=true (дата обращения: 02.11.2020).
[224] Астанинская юбилейная декларация на пути к сообществу безопасности. ОБСЕ, встреча на высшем уровне. Астана, декабрь 2010 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: http://www.osce.org/ru/cio/74990?download=true (дата обращения: 02.11.2020).
[225] Интерпретирующее Заявление делегации Канады в соответствии с пунктом 6 раздела IV.1(A) Правил процедуры ОБСЕ, декабрь 2010 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: http://www.osce.org/ru/cio/74990?download=true (дата обращения: 02.11.2020).
[226] Меморандум об исполнении положений Протокола по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатив Президента России В. Путина [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: http://www.osce.org/ru/home/123807?download=true (дата обращения: 02.11.2020).

стороны, такие, как недостаток эффективных инструментов, ограниченность мандата и слишком длинные процедуры принятия решений. Имеющиеся в распоряжении ОБСЕ механизмы предотвращения конфликтов не позволили предотвратить и обуздать конфликт в самом его начале»[227].

В 2014 г. по инициативе Швейцарии под эгидой ОБСЕ была созвана «Группа видных деятелей по европейской безопасности как общему проекту» (Группа мудрецов), для целей «нахождения путей восстановления доверия в области укрепления мира и безопасности в регионе ОБСЕ», которая выявила «многочисленные и труднопреодолимые разногласия». В докладе, опубликованном в 2015 г., представлен «Взгляд с Запада», «Взгляд из Москвы» и «Точка зрения промежуточных государств: взгляд из Тбилиси» на события 1990-х и 2000-х гг., а также текущую ситуацию, в том числе по вопросам европейской безопасности. Согласно «Взгляду с Запада», «Россия решила отбросить создание какой-либо видимости сотрудничества, не говоря уже об интеграции с Западом. Она также оставила всякие попытки сделать вид, что играет по правилам, включая уважение политической независимости суверенных государств и принцип недопустимости использования силы для изменения государственных границ. В результате для России понятие ее безопасности сегодня означает отсутствие безопасности для ее соседей»[228]. Диаметрально противоположная точка зрения изложена во «Взгляде из Москвы»: «именно действия Запада представляют собой угрозу международному миру и безопасности. Запад безответственно подорвал основы международной системы: стабильные политические режимы были свергнуты и вместо них воцарился хаос. Россия не только потеряла доверие к словам Запада, но и веру в его компетентность»[229]. При этом у так называемых промежуточных

[227] Спенсер О., Чепурина М. Время для новой стратегии ОБСЕ? // Сообщество безопасности: журнал ОБСЕ. 2015. Вып. 1. С. 21.
[228] Возвращение к дипломатии. Окончательный доклад и рекомендации Группы видных деятелей по европейской безопасности как общему проекту, ноябрь 2015 г. С. 24 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/networks/229661?download=true (дата обращения: 02.11.2020).
[229] Там же. С. 27.

государств присутствует обеспокоенность, поскольку «если на глобальной арене произойдет что-то серьезное, как, например, «перезагрузка политики» либо конфликты в Сирии или Афганистане, то между Россией и Западом будет заключена неформальная «сделка» относительно «судьбы» ближнего зарубежья России. С этим невозможно мириться»[230].

Очевидно, что Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе серьезно подвержена геополитической конъюнктуре, а выводы доклада «Группы мудрецов» подтвердили антагонистические противоречия в подходах к реформированию европейской модели обеспечения коллективной безопасности. В такой ситуации, как отмечает ученый Л.С. Воронков, «расчеты на превращение ОБСЕ в базовый или даже более или менее важный институт системы общеевропейской безопасности и сотрудничества в сложившейся ситуации являются не вполне оправданными»[231].

Однако, по мнению автора, ОБСЕ продолжает оставаться нужным форматом взаимодействия государств, когда (и если) у государств такая необходимость появляется. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе изначально создавалась как форум для диалога, координации внешних политик государств, выработки конструктивных решений для сотрудничества и поиска новых областей для взаимодействия. Возможно, именно то обстоятельство, что резолюции ОБСЕ продолжают носить рекомендательный характер, позволяет ей сохранять себя даже в условиях усиливающейся конфронтации государств-членов и сотрудничать в тех направлениях, где есть общие точки соприкосновения и взаимные интересы. В таких условиях реализация идеи придания резолюциям ОБСЕ юридически обязательного характера, по мнению автора, обречена, а в случае гипотетической реализации данной инициативы, назначение Организации будет потеряно, возможно, и сама

[230] Там же. С. 31.
[231] Воронков Л.С. ОБСЕ и европейская безопасность. Что дальше? // Современная Европа. 2018. № 1. С. 77.

Организация «канет в лету» в силу неспособности принимать юридически обязывающие решения на основе консенсуса.

ОБСЕ имеет, пожалуй, наибольшую вовлеченность государств, в сравнении с какой-либо иной региональной международной организацией, и не использовать это преимущество представляется иррациональным выбором. В сложившейся геополитической ситуации решение задач в сфере обеспечения коллективной безопасности европейского пространства в рамках формата ОБСЕ труднопреодолимо. Однако очевидно, что формат ОБСЕ может быть эффективно использован с точки зрения координации антитеррористической деятельности, противодействия торговле людьми, выработки эффективных решений по вопросам противодействия незаконной миграции.

Такие проблемы, как терроризм, незаконная миграция и торговля людьми выходят за пределы территории одного и даже группы государств. В такой ситуации действия по предотвращению преступлений необходимо координировать в более широком международном формате. В частности, борьба и противодействие актам терроризма на территории европейского пространства входит в компетенцию ряда таких региональных организаций, как ОБСЕ, в лице Антитеррористического отдела Департамента транснациональных угроз Секретариата ОБСЕ[232], Совета Европы, «в лице» Контртеррористического комитета СЕ (*CDCT*) (ранее *CODEXTER*)[233]; в рамках Евросоюза за координацию расследования преступлений, касающихся двух и более государств, отвечают Евроюст и Европол. Перечень полномочий Евроюста предусмотрен статьей 4 Решения Совета (2002/187/JHA)[234], компетенция Европола также закреплена

[232] Секретариат ОБСЕ [Электронный ресурс]. URL: https://www.osce.org/ru/secretariat (дата обращения: 02.11.2020).
[233] Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, Warsaw 2005 [Electronic resource] // Council of Europe official website. URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016808c3f55 (date of application: 02.11.2020).
[234] Council Decision of 28 February 2002 setting up Eurojust with a view to reinforcing the fight against serious crime (2002/187/JHA) 1951 [Electronic resource] // Official Journal of the European Communities. 2002. Vol. L63. P. 1–13. URL: https://www.eurojust.europa.eu/sites/default/files/AboutUs/EULegalframework/Eurojust-Council-Decision-2009Consolidated-EN.pdf (date of application: 09.11.2020).

статьей 4 Решения Совета (2009/371/JHA)[235], которые включают в себя преступления террористической направленности. Рассуждая о террористических угрозах, Дж. Теодор обращает внимание на то, что «Североатлантический альянс и ЕС разделяют общие интересы и проблемы – имея 22 государства, сочетающих членство в обоих институтах.., НАТО обеспечивает "зонтик" безопасности для региона и предлагает защиту от военных нападений любому члену, заявляя в соответствии с принципом коллективной безопасности, что нападение на любого члена Альянса является атакой против всего Альянса. Это может служить утешением для стран Балтии.., но не дает никакого полезного "эффекта от поездки" при сдерживании городского терроризма, такого, как взрывы в Брюсселе и Париже в ноябре 2015 г. и в декабре 2016 г.»[236]. По мнению Д.Ю. Базаркиной, в сфере борьбы с терроризмом на территории европейского пространства «остается проблема пересечения функций отдельных структур, которая часто ведет к противоречиям в антитеррористической политике ЕС»[237]. Ряд других ученых полагает, что «с окончанием холодной войны концепция безопасности претерпела трансформацию. Государства и, в частности, их внешние агентства безопасности, которые традиционно работали против внешнего врага, выявили новые угрозы, такие как терроризм и международная преступность, которые "сливаются" в образе мигранта»[238], а также возросший в связи с этим «спрос на разработку политики безопасности, которая способна выявлять и регулировать уязвимости системы безопасности»[239].

[235] Council Decision of 6 April 2009 establishing the European Police Office (Europol) (2009/371/JHA) [Electronic resource] // Official Journal of the European Communities. 2009. Vol. L 121. P. 37–66. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009D0371&from=EN (date of application: 02.11.2020).
[236] Theodore J., Theodore J., Syracos D. The European Union and the Eurozone under stress (Challenges and solutions for Repairing Fault Lines in the European Project). Cham, 2017. P. 179.
[237] Базаркина Д.Ю. Координация контртеррористической деятельности в ЕС: краткий обзор основных организаций // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. 2012. № 2. С. 83–84.
[238] Atak I., Crépeau F. National security, terrorism and the securitization of migration [Electronic resource] // Research handbook on international law and migration. Cheltenham-Northampton, 2014. P. 94. URL: https://www.e-elgar.com/shop/eep/preview/book/isbn/9780857930057/ (date of application: 25.07.2018).
[239] Там же. P. 95.

Действительно, глобализация современного мира имеет как благоприятные, так и неблагоприятные последствия, среди которых все отчетливее выделяются проблемы незаконной миграции и торговли людьми. Называя причины незаконной миграции, в первую очередь, делают акцент на «бедности и недоступности эффективной, позволяющей достойно существовать, занятости»[240]. Ряд авторов отмечает, что «для жителей бедных стран настоящим искушением становятся развитые страны и освещаемая в средствах массовой информации правовая и экономическая безопасность их граждан, способом же попасть в такую страну все чаще избирается незаконная миграция»[241]. При этом «незаконная миграция сама по себе не является торговлей людьми. Однако нелегальные мигранты входят в группу риска и часто попадают в рабство или оказываются в аналогичном положении, не имея возможности обратиться к властям той страны, где пребывают нелегально»[242]. Р.Ш. Давлетгильдеев обращает внимание на то, что «незаконная миграция и миграция вынужденная являются факторами, которые работают против региональной интеграции»[243]. Многие признают, что «в начале XXI в. миграция является важнейшей глобальной проблемой», при этом подчеркивая, что «миграционный контроль стал последним бастионом суверенитета, а сам суверенитет также трансформируется. […] По этой причине ценности правопорядка, которые мы теперь можем наблюдать в международной сфере, сами по себе являются следствием взаимосвязи между миграционным правом и суверенитетом»[244]. Институциональная основа позволяет ОБСЕ налаживать более тесное сотрудничество государств по таким ключевым направлениям, учитывая и то, что данные проблемы менее подвержены политической конъюнктуре и могут

[240] См.: Тюрюканова Е.В. Торговля людьми в Российской Федерации: обзор и анализ текущей ситуации по проблеме. М., 2006. С. 31.
[241] Петросян С., Хачатрян Г. Торговля людьми (траффикинг). Ереван, 2013. С. 33.
[242] Там же. С. 34.
[243] Давлетгильдеев Р. Ш. Указ. соч.
[244] Dauvergne C. Irregular migration, state sovereignty and the rule of law // Research Handbook on International Law and Migration. Cheltenham, 2014. P. 92.

быть связующим звеном в пределах стран-участниц Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.

§ 4. Особенности правового механизма Европейского Союза в области обороны и безопасности: от общей опоры к продвинутому сотрудничеству

Системная правовая работа в деле формирования общей внешней политики и политики безопасности («*Common Foreign and Security Policy*» или «*CFSP*») Европы началась с подписания Маастрихтского соглашения. Так, в преамбуле соглашения сказано, что «Европейский Совет в Маастрихте закладывает основы для политического Союза с созданием общей внешней политики и политики безопасности и начала общей оборонной политики, как второго столпа Маастрихтского договора». В статье «B» говорится, что «Союз ставит перед собой задачу по утверждению идентичности на международной арене, в частности путем осуществления общей внешней политики и политики безопасности, включая формирование общей оборонной политики»[245]. Очевидно, что запуск процессу утверждения идентичности и формированию общей оборонной политики ЕС придал необходимое ускорение распад Советского Союза и, как следствие, изменение существующей архитектуры обеспечения коллективной безопасности.

Амстердамским договором 1997 г., а именно статьями J.8 и J.16 предусматривалось создание самостоятельной должности – Высокого представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности. Так, согласно указанным статьям, «Президиуму должна оказываться помощь Генерального секретаря Совета, одновременно выполняющего функции Высокого представителя по общей внешней политике и политике безопасности». В частности, «предписывается помогать Совету в вопросах, входящих в сферу действия общей внешней политики и политики безопасности, в том числе путем

[245] Treaty on European Union, Maastrichton, 7 February 1992 [Electronic resource] // Council of Europe official website. URL: https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf (date of application: 02.11.2020).

внесения вклада в разработку, подготовку и осуществление политических решений и, при необходимости, и от имени Совета по просьбе Президиума, путем проведения политического диалога с третьими лицами»[246]. Впоследствии полномочия Высокого представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности были расширены Ниццким и Лиссабонским договорами 2001 и 2007 гг.

Согласно Ниццкому договору, компетенции и задачи Высокого представителя продолжали ограничиваться оказанием помощи Совету в вопросах ОВПБ путем содействия разработке, подготовке и реализации политических решений, а также путем проведения политического диалога с третьими лицами. Однако Лиссабонским договором компетенции и функции Высокого представителя в области ОВПБ были значительно расширены до уровня полномочий министра иностранных дел. В частности, теперь Высокий представитель вправе самостоятельно вносить предложения в сфере ОВПБ, представлять ЕС в вопросах ОВПБ[247]. В учредительных документах ЕС нет упоминаний о сроках полномочий Высокого представителя. На этот аспект обращает внимание ученый Женевского университета Кристин Каддус, полагая, что «он/она должны иметь срок в пять лет, как и другие члены Европейской комиссии»[248].

Военные органы ЕС и их структура начали активно формироваться в начале 2000-х гг. Ключевые военные органы были образованы путем издания Советом соответствующих специальных решений. Высший военный орган ЕС – Военный комитет Европейского союза – был учрежден в 2001 г. также специальным решением Совета (2001/79/CFSP). Полномочия по назначению Председателя Военного комитета ЕС находятся в компетенции

[246] Treaty of Amsterdam Amending the Treaty on European Union, The Treaties Establishing the European Communities and Certain Related Acts 02/10/1997 [Electronic resource]. URL: http://www.europarl.europa.eu/topics/treaty/pdf/amst-en.pdf (date of application: 02.11.2020).
[247] Charalampous M. From a European to a Common Security and Defence Policy // IES Working paper. 2010. № 5. P. 11–12.
[248] Kaddous C. Role and position of the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy under the Lisbon Treaty // The Lisbon Treaty EU Constitutionalism without a Constitutional Treaty? Vienna, 2008. Vol. 11. P. 208.

Совета[249]. В январе 2002 г. для укрепления общей культуры безопасности в рамках ЕС, поддержки разработки и прогнозирования внешней политики ЕС, специальным решением Совета (2001/554) был образован Институт исследований ЕС в области безопасности в качестве автономного агентства в рамках ОВПБ. В 2004 г. специальным решением Совета (2004/551/CFSP) для поддержки Совета и государств-членов в их усилиях по укреплению защиты ЕС было создано Европейское оборонное агентство[250].

В настоящее время ключевыми институтами ЕС в сфере Общей внешней политики и политики безопасности являются Совет, который заседает в различных конфигурациях, в зависимости от характера обсуждаемых вопросов, и Европейский совет. Вопросы внешней политики, в том числе вопросы ОВПБ, решаются в конфигурации Совета – «Внешние сношения»[251]. Решения Европейского совета, в отличие от решений Совета, не являются юридически обязательными, однако в его компетенцию входит такое существенное полномочие, как избрание Высокого представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности – главного представителя и координатора действий ЕС на «внешней арене».

Военная структура ЕС состоит из следующих элементов: Комитет по политике и безопасности; Военный комитет; Комитет по гражданским аспектам и управлению кризисами; Военно-политическая группа; Дирекция кризисного управления и планирования; Военный штаб; Гражданско-военная ячейка ВШ; Европейское оборонное агентство; Колледж европейской безопасности и

[249] Council Decision of 22 January 2001 (2001/79/CFSP) setting up the Military Committee of the European Union [Electronic resource] // Official Journal of the European Union. 2001. Vol. L 27. P. 4–6. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/l_02720010130en00040006.pdf (date of application: 02.11.2020).
[250] Council Joint Action (2004/551/CFSP of 12 July 2004) on the establishment of the European Defence Agency [Electronic resource] // Official Journal of the European Union. 2004. Vol. L 245. P. 17–28 (Acts adopted under Title V of the Treaty on European Union). URL: https://www.eda.europa.eu/docs/documents/COUNCIL_JOINT_ACTION_2004_551_CFSP.pdf (date of application: 02.11.2020).
[251] Европейское право / под. ред. А.И. Абдуллина, Ю.С. Безбородова. М., 2018. С. 213, 91–92.

обороны; Институт исследований в области безопасности; Спутниковый центр; Оперативный центр[252].

Заметим, Европейский Союз не всегда был представлен столь широким перечнем институтов, органов и структур в области обеспечения безопасности. Они формировались поэтапно, существенно эволюционировав от «Маастрихта до Лиссабона». Однако в настоящее время, в связи с многообразием органов и структур, справедливым представляется мнение Д.А. Дегтяревой, что «Деятельность ЕС на мировой арене, особенно внешняя политика ЕС в ее нынешнем виде является не единой, но именно общей, что предполагает координацию и гармонизацию внешних политик, генерируемых различными системами, входящими в ЕС»[253].

Исследуя юридическую основу органов ЕС в области общей внешней политики и политики безопасности, следует обратить внимание на механизм углубленной интеграции, известный также как институт продвинутого сотрудничества государств-членов ЕС, который предполагает «углубленную интеграцию определенного числа государств-членов Европейского Союза в какой-либо сфере с использованием институтов, процедур и механизмов Союза, открытое для всех остальных государств-членов Союза»[254]. Этот институт придает необходимую гибкость различным интеграционным процессам ЕС, а по мнению исследователя Г.Р. Шайхутдиновой, «необходимость продвинутого сотрудничества в рамках ЕС диктуется следующими двумя обстоятельствами. Во-первых, это механизм, способный сохранить Европейский Союз как интеграционное образование; во-вторых, это способ обеспечить суверенитет и национальные интересы государств-членов ЕС»[255].

[252] Common Security and Defence Policy (CSDP): structure, instruments, agencies // European Union official website, 2016. URL: https://eeas.europa.eu/topics/crisis-response/5392/csdp-structure-instruments-and-agencies_en (date of application: 02.11.2020).
[253] Дегтярева Е.А. Консолидационные вопросы в оборонной промышленности Европейского союза. М., 2016. С. 56–57.
[254] Шайхутдинова Г.Р. Продвинутое сотрудничество государств в европейском праве: дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2007.
[255] Там же. С. 177.

В правовой эволюции института продвинутого сотрудничества в европейском праве в качестве основных этапов также принято выделять Амстердамский договор 1997 г., закрепивший правовую основу продвинутого сотрудничества, Ниццский договор 2001 г., завершивший его юридическое оформление, и Лиссабонский договор 2007 г., который консолидировал договоренности предшествующих соглашений. Таким образом, в учредительных документах Европейского Союза появились специальные нормы, позволяющие применять элементы продвинутого сотрудничества в области внешней политики и политики безопасности, а именно пункт 2 статьи 329 и пункт 2 статьи 331 ДФЕС[256].

В научных кругах европейского сообщества дискуссии в отношении структурированного сотрудничества стали заметны после подписания Лиссабонского договора. Так, по мнению испанских специалистов, в частности Марии де ла Урре Коррес, «механизм постоянного структурированного сотрудничества позволяет Европейскому союзу более амбициозно развивать ОВПБ при условии, что государства возьмут на себя такие обязательства»[257]. Развивая этот тезис, Хосе Энрике де Айала Мартин выразил опасения, что «не все государства-члены ЕС имеют одинаковые возможности для развития обороноспособности или той же политической воли для такого типа интеграции». Однако «для преодоления барьеров, которые могут парализовать запуск работы постоянного структурированного сотрудничества, существуют такие альтернативы, как запуск специальных проектов и создание пилотных групп, с более высоким потенциалом в этом направлении»[258]. Франческо Руиз Гонзалес в будущем отводит важную роль Европейскому оборонному агентству в направлении работ по функциональной совместимости стран и развития их возможностей», и еще, что является более важным для российской стороны,

[256] Прим авт.: Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) в редакции Лиссабонского договора 2007 г. [Электронный ресурс] // Информ.-правовой портал Гарант.ру. URL: http://base.garant.ru/71715364/ (дата обращения: 02.11.2020).
[257] The European Security and Defence Policy (ESDP) after the entry into force of the Lisbon treaty. Spanish Institute for Strategic Studies, 2010. P. 84.
[258] Там же. P. 143.

допускает возможность «России участвовать в будущем в рамках Постоянного структурированного сотрудничества в пилотных проектах, повышая тем самым функциональную совместимость»[259]. Хосе Мария Бенейто видит в качестве одной из новелл Лиссабонского договора «создание конкретной формы расширенного сотрудничества между ограниченным числом государств-членов в области обороны, получившем название "постоянное структурированное сотрудничество" и открытое для всех других государств-членов. Государства-члены, желающие присоединиться к более серьезным обязательствам в отношении дальнейшего военного потенциала или для конкретных миссий, должны были установить между собой постоянное структурированное сотрудничество»[260]. Несомненно, в западной доктрине присутствовали также и опасения относительно возможности применения механизма продвинутого сотрудничества. Сторонники этой точки зрения утверждали, что «хотя продвинутое сотрудничество в области ОВПБ и предусмотрено Ниццким договором, оно остается всего лишь теоретическим. Причина заключается в том, что область ОВПБ традиционно является сферой, в которой необходимо наличие согласия (консенсуса) и пока не ясно, смогут ли государства-члены достигнуть консенсуса, чтобы начать применять механизм продвинутого сотрудничества в области ОВПБ»[261]. Определенный скепсис относительно перспектив применения механизма продвинутого сотрудничества в области ОВПБ присутствовал и в российской доктрине. Одно из таких мнений было высказано в 2008 г. Н.Н. Емельяновой: «структурированное сотрудничество в состоянии существенно затормозить прогресс и развитие в направлении военной интеграции ЕС. Ведь, позволяя одним странам развивать политику безопасности и обороны ЕС и соответствующий потенциал в более узком составе участников – это, в то же время, по существу является легализованной возможностью, для других, не участвующих стран, воздерживаться от активной роли на этом

[259] Там же. P. 217, 230.
[260] Beneyto J.M. A Constitutional Moment // The Lisbon Treaty: EU Constitutionalism without a Constitutional Treaty? Vienna, 2008. Vol. 11. P. 12.
[261] Charalampous M. Указ. соч. P. 23.

направлении. Что еще больше усилит политические противоречия и столкновения интересов внутри ЕС»[262].

Тем не менее, вторая половина 2017 г. и начало 2018 г. ознаменовались активными действиями по запуску работы Постоянного структурированного сотрудничества (*PESCO*). По мнению некоторых авторов, цель *PESCO* «состоит не в том, чтобы "втащить" все существующие и будущие многонациональные проекты в рамки *PESCO* и, конечно же, не в том, чтобы каким-то образом управлять ими через *PESCO*. Цель состоит в том, чтобы создать платформу, «*Permanent Capability Conference*», для стимулирования и содействия расширению сотрудничества и объединения между теми государствами-членами, которые желают, и на уровне постоянной и структурированной платформы они могут использовать свои активы и обмениваться информацией с целью увеличить "добавленную стоимость" существующих и потенциальных новых форм сотрудничества»[263]. По мнению Джейн Матлари, механизм «*PESCO* представляет собой постоянную основу для более тесного сотрудничества и упорядочения процесса с целью постепенного углубления оборонного сотрудничества в рамках Союза. Это будет стимулом для интеграции в области обороны»[264]. Авторы аналитического доклада «Постоянное структурированное сотрудничество: что это?» обращают внимание на то, что «*PESCO* – амбициозная, обязательная и всеохватывающая европейская правовая основа для инвестиций в области безопасности и защиты территории ЕС и его граждан. *PESCO* также обеспечивает важнейшие политические рамки для всех государств-членов для улучшения их военных активов и обороноспособности посредством хорошо скоординированных инициатив и конкретных проектов, основанных на более глубоких обязательствах»[265]. Следуя данной логике, можно

[262] Емельянова Н.Н. Европейский Союз, вооруженные силы и международное право. М., 2010. С. 50.
[263] Biscop S., Coelmont J. Europe, Strategy and Armed Forces – The making of a distinctive power. Routledge, 2012. P. 90.
[264] Matlary J.H. Hard power in hard time. Can Europe act strategically? Oslo, Norway, 2018. P. 222.
[265] Fiott D., Missiroli A., Tardy T. Permanent Structured Cooperation: What's in a name? [Electronic resource] // Chaillot paper № 142; EU Institute for Security Studies and printed. Luxembourg, 2017. P. 57. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_142_ONLINE.pdf (date of application: 02.11.2020).

предположить, что *PESCO* не есть продвинутое сотрудничество, однако это правовой драйвер для его установления.

В ноябре 2017 г. в Брюсселе Министры иностранных дел и обороны 23-х стран ЕС подписали пакт по обороне, нацеленный на усиление сотрудничества внутри Союза и представили его в Совет. В декабре Совет принял резолюцию (*CFSP* 2017/2315), и на саммите лидеров стран Европейского Союза было провозглашено начало работы Постоянного структурированного сотрудничества, а также подчеркнута важность реализации первых совместных проектов на базе *PESCO*, и работа *PESCO* в контексте сотрудничества между ЕС и НАТО[266]. В марте 2018 г. Советом была одобрена Резолюция, определяющая перечень проектов, которые должны быть запущены в рамках *PESCO*[267]. Согласно решению Совета ЕС (6393/18) от 6 марта 2018 г., на базе *PESCO* должны быть разработаны и развернуты семнадцать первых проектов: медицинское командование ЕС; защита программного обеспечения, кибер-угрозы и платформа обмена информацией об инцидентах, кибер-группы быстрого реагирования и взаимная помощь в сфере кибербезопасности; логистика и поддержка операций; военная мобильность; обучающиеся миссии ЕС; учебный центр сертификации европейских армий; энергетический функционал; возможность развертывания военных сил в чрезвычайных ситуациях; морские системы по противоминным средствам; морской надзор и его модернизация; стратегическая система командования и контроля; бронетехника; пожарная поддержка. Этим же решением определен состав государств-участников каждого из проектов[268].

[266] European Council meeting (14 December 2017): Conclusions (EUCO 19/1/17 REV 1) [Electronic resource] // Council of Europe official website. URL: http://www.consilium.europa.eu/media/32204/14-final-conclusions-rev1-en.pdf (date of application: 02.11.2020).
[267] Permanent Structured Cooperation (PESCO): factsheet [Electronic resource] // Council of Europe official website, 2019. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/34226/Permanent%20Structured%20Cooperation%20(PESCO)%20-%20Factsheet (date of application: 02.11.2020).
[268] Council decision establishing the list of projects to be developed under PESCO (6393/18) [Electronic resource] // Council of Europe official website. URL: http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6393-2018-INIT/en/pdf (date of application: 02.11.2020).

Одновременно 6 марта 2018 г. Советом были утверждены Рекомендации (6588/1/18) с дорожной картой по имплементации механизма *PESCO*. Согласно дорожной карте, «Совету рекомендуется к июню 2018 г. принять рекомендацию о последовательности выполнения обязательств по этапам 2018–2020 и 2021–2025 гг. и уточнить более конкретные цели, включая обязательства, которые должны быть выполнены до 2020 г». Верховному представителю Союза предписывается предоставлять Совету доклады на ежегодной основе, с описанием статуса механизма развития *PESCO*, включая выполнение каждым участвующим государством-членом своих обязательств в соответствии с его национальным планом. Об установлении общих условий, на которых третьи страны могут принять участие в отдельных проектах, Совет примет соответствующее решение до конца 2018 г.[269]

Анализируя формальную сторону «Уведомления о Постоянном структурированном сотрудничестве Совету, а также Высокому представителю Союза по иностранным вопросам и политике безопасности» на предмет потенциально возможного участия в нем стран, не входящих в ЕС, а именно статьи раздела 2.2. «Управление проектами», необходимо отметить, что сотрудничество в рамках *PESCO* не ограничивает суверенитет государств-участников и не лишает их возможности выполнять отдельные самостоятельные проекты с третьими сторонами. Однако этот процесс существенно затруднен, поскольку формально такие проекты должны быть согласованы с Советом. Так, статья 2.2.1 гласит: «Третьи страны могут в исключительном порядке приглашаться участниками проекта в соответствии с общими договоренностями, которые в свое время будут решаться Советом в соответствии со статьей 46 (6) Соглашения о ЕС. Они должны будут внести существенную добавленную стоимость в проект, способствовать укреплению *PESCO* и *CSDP* и выполнять более сложные обязательства. Это не будет предоставлять полномочия по

[269] Council recommendation concerning a roadmap for the implementation of PESCO (6588/1/18) [Electronic resource] // Council of Europe official website. URL: http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6588-2018-REV-1/en/pdf (date of application: 02.11.2020).

разрешению таких третьих государств в управлении *PESCO*. Кроме того, Совет в формате *PESCO* будет решать, удовлетворяются ли условия, изложенные в общих договоренностях, каждым третьим государством, приглашенным соответствующими участниками проекта»[270]. По этой причине, по мнению автора исследования, механизм *PESCO* на старте, в первую очередь ориентирован «вовнутрь» с целью гармонизировать и консолидировать действия государств-членов ЕС в области обеспечения безопасности. На данном этапе механизм не направлен «вовне». Однако, как «аппетит приходит во время еды», так и в случае успешного развития отношений в рамках *PESCO* он вполне может стать ключевым в вопросе формирования ОВПБ.

Для эффективной работы, *PESCO* будет иметь двухуровневую структуру. Совет, отвечающий за общее направление политики и принятие решений, и так называемая «проектная группа», которая управляется теми государствами-членами, которые вносят вклад в соответствующий проект в рамках *PESCO*. Решения Совета принимаются единогласно (за исключением решений о приостановлении членства и вступлении новых членов, которые принимаются квалифицированным большинством). Только члены *PESCO* имеют право участвовать в голосовании[271]. Авторы аналитического издания Европейского Парламента «Постоянное структурированное сотрудничество: национальные перспективы и состояние игры» предположили, что двухуровневая структура позволяет добиться соблюдения трех важных составляющих одновременно в трех плоскостях: законодательной, политической и финансовой. Первая составляющая механизма *PESCO* позволяет выстраивать «автономные возможности» в рамках единого интегрированного европейского оборонного аппарата среди государств-участников, которые действительно хотят реализовать свои инициативы. Вторая составляющая – это так называемая

[270] Notification on permanent structured cooperation (PESCO) to the council and to the high representative of the Union for foreign affairs and security policy [Electronic resource] // Council of Europe official website. URL: http://www.consilium.europa.eu/media/31511/171113-pesco-notification.pdf (date of application: 02.11.2020).
[271] Permanent Structured Cooperation (PESCO)… Указ. соч.

«критическая масса» в рамках единого начала. Некоторые авторы справедливо отмечают, что в действительности можно запустить множество самостоятельных процессов на региональном уровне. Например, Германия начала реализовывать проект в отношении сухопутных войск посредством рамочной национальной концепции. Бельгия и Нидерланды – в отношении их военно-морских сил. Аналогичные попытки предпринимали Франция и Великобритания (Ланкастерские соглашения 2010 г. о британо-французском стратегическом военном сотрудничестве). Однако все эти процессы и проекты происходят вне институтов ЕС, поэтому не имеют так называемой «критической массы» в рамках единого международно-правового механизма. Третья ключевая составляющая *PESCO* заключается в том, что участие в нем не только добровольное, но и решения принимаются единогласно, что никоим образом не ограничивает суверенитет государств-участников[272].

Цели, объявленные незадолго до запуска работы *PESCO*, подтвердили, что каждое государство должно иметь возможность реализовывать свои права по своему усмотрению и в своих интересах. Так, по мнению авторов аналитического издания Европейского Парламента «На пути к Европейскому оборонному союзу – "Белая книга" в качестве первого шага», «Европейский союз будет иметь возможность действовать, используя свои собственные возможности и ресурсы, в том числе в сотрудничестве с НАТО и без ущерба для преимуществ этого стратегического партнерства. Это обстоятельство не следует рассматривать как сигнал охлаждения отношений, но как идеальный способ признать саму возможность наличия разных путей, которыми может следовать каждая из организаций»[273]. В ходе апрельской Конференции спикеров Парламентов ЕС, прошедшей в Таллине, было отмечено, что «создание постоянного структурированного сотрудничества (*PESCO*) укрепляет

[272] Permanent Structured Cooperation: national perspectives and state of play / Directorate-general for external policies (Policy Department), July 2017 – PE 603.842 // European Union, 2017. P. 37.
[273] On the way towards a European Defence Union – A White Book as a first step / Directorate-general for external policies (Policy Department), April 2016 – PE 535.011 // European Union, 2016. P. 45.

сотрудничество в области безопасности и обороны между странами-членами и увеличивает потенциал ЕС, как международного партнера по безопасности»[274]; при этом было подчеркнуто, что «НАТО будет оставаться краеугольным камнем коллективной обороны для своих союзников, а более сильная НАТО и более сильный ЕС взаимно усиливают друг друга»[275]. Тем не менее, все больше признается факт, что «успешное развитие механизма *PESCO* может придать Европе большую автономию»[276].

Пожалуй, единственным государством ЕС, открыто сопротивляющимся механизму *PESCO,* является Великобритания, о чем свидетельствует официальная риторика чиновников его оборонного ведомства. Великобритания отказалась участвовать в механизме *PESCO*. Возможно, это связано со стратегическим отношением страны к ЕС, в т. ч. с предстоящим «брэкситом» и тем, что ключевой партнер Соединенных Штатов в Европе не намерен обременять себя очередным механизмом под эгидой НАТО. В настоящее время официальная риторика чиновников оборонного ведомства Великобритании свидетельствует об открытом сопротивлении созданию европейской армии, и призывает «активизировать сотрудничество между ЕС и НАТО, избегая дублирования функций»[277]. Этот риск усугубляется еще и тем, что большинство членов ЕС являются одновременно участниками Альянса. Так, по мнению Ал.А. Громыко, «участие ЕС в процессах глобального внешнеполитического управления и участие в решении проблем безопасности и сегодня ограничено рядом факторов». Далее автор подчеркивает, что «политика ЕС, как

[274] Conference of Speakers of the European Union Parliaments 23/04/2018 – 24/04/2018 1951 [Electronic resource]. URL: https://www.parleu2017.ee/sites/default/files/2018-04/Final%20Conclusions%20Conference%20of%20Speakers%20Tallinn.pdf (date of application: 02.11.2020).
[275] Там же. P. 3.
[276] Caniglia M. The PESCO awakens [Electronic resource] // BullsEye the magazine of the European Democrat Students. 2018. № 72 (April). P. 27. URL: http://www.bullseye-magazine.eu/article/the-pesco-awakens/ (date of application: 02.11.2020).
[277] Подробнее см.: Подходы ЕС и его стран-членов к созданию автономного оборонного потенциала: аналитический доклад [Электронный ресурс] / под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М., 2017. С. 16–17. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2017/2017_016.pdf (дата обращения: 02.11.2020).

организации, во многом определяется позициями отдельных стран членов ЕС, которые далеко не всегда совпадают между собой. В ЕС, перегруженном своими внутренними экономическими проблемами, вопросы внешней политики и безопасности только начинают играть ту роль, которая должна соответствовать экономической мощи этой организации. Участие большинства стран ЕС в НАТО во многом, хотя и не во всем, определяет его внешнюю политику и политику в сфере безопасности. Европа, в отличие от США, пока не обладает той жесткой силой, которая позволяла бы ей вмешиваться в регулирование проблем, которые, с точки зрения ЕС, нуждаются в этом. Его участие в подобных процессах пока происходит в рамках действий США и НАТО»[278].

На основе проведенного анализа вышеизложенных обстоятельств и сложившегося собственного мнения автора исследования, изложим ответы на ряд поставленных вопросов.

Является ли *PESCO* формой продвинутого сотрудничества? Пожалуй, нет. Однако видится, что так называемое «*framework for enhanced cooperation*» или «*основа для продвинутого сотрудничества*», с использованием которой будут запущены конкретные проекты – формы продвинутого сотрудничества в области обороны и обеспечения безопасности стран ЕС.

Необходимо ли иметь «*основу для продвинутого сотрудничества*» для запуска продвинутого сотрудничества? Это представляется вполне обоснованным, поскольку сфера обеспечения безопасности является одной из важнейших для любого государства (объединения государств) и должна быть формально урегулированной в силу ее высокого приоритета.

Можно констатировать, что необходимые формальные предпосылки для углубленной интеграции в области обеспечения безопасности ЕС, созданы. В данный период времени механизм *PESCO* «обеспечивает сотрудничество в области обороны в небольших группах, которые находятся ниже порога

[278] Подробнее см.: Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под общ. ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. М., 2015. С. 9.

27 государств-членов, но в рамках ЕС, а не вне его»[279]. Это позволяет сформулировать вывод, что механизм *PESCO* сам по себе не является формой продвинутого сотрудничества, однако находится в институциональной системе продвинутого сотрудничества с акцентом на область обеспечения обороны и безопасности ЕС. В такой ситуации именно проекты, запущенные в рамках *PESCO,* в будущем будут представлять собой формы продвинутого сотрудничества в области обороны и обеспечения безопасности.

[279] France O., Major C., Sartori P. How to make PeSCo a success [Electronic resource] // Policy Paper. 2017. № 21 (September). P. 3. URL: http://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2017/09/Ares-21-Policy-Paper-Sept-2017.pdf (date of application: 02.11.2020).

Глава III. Российская Федерация в международно-правовом контуре обеспечения безопасности на европейском пространстве

§ 1. Международно-правовая плоскость взаимодействия Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в сфере обеспечения европейской безопасности

Российско-американские отношения имеют более чем двухвековую историю. Однако интенсификация международно-правового сотрудничества в области обеспечения и поддержания международного мира и безопасности между двумя странами произошла в рамках Антигитлеровской коалиции во время Второй мировой войны. В результате серии международных конференций, таких как Московская конференция (1943), конференция в Думбартон-Оуксе (1944), Крымская конференция (1945), конференция в Сан-Франциско (1945), была учреждена Организация Объединенных Наций[280].

Каждая из названных конференций имела особенности. Например, юридическая платформа ООН была разработана на конференции представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа – 28 сентября 1944 г.). В ходе нее «были сформулированы предложения о создании международной организации по сохранению мира и безопасности, проект устава и материалы, сопутствующие учреждению такого рода организации»[281]. На Крымской конференции (4–11 февраля 1945 г.) главами Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании было достигнуто согласие, что в основу ООН должен быть заложен принцип «единства великих держав при решении всех вопросов, связанных с применением санкций: военных, политических и экономических». Также в ходе Крымской конференции Президент Соединенных Штатов Ф. Рузвельт по рекомендации дипломатической службы СССР предложил формулировку, касающуюся процедуры голосования в Совете Безопасности ООН, которая была одобрена и нашла отражение в статье 27

[280] Страницы истории ООН [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/sections/history/history-united-nations/ (дата обращения: 02.11.2020).
[281] Gromyko A.A., Kornienko G.M. The USSR's Activities in the UN for Peace, Security and Cooperation: 1945–1985. M., 1987. P. 14–25.

Устава ООН[282]. Конференция в Сан-Франциско была посвящена созданию международной универсальной организации для поддержания мира и безопасности – ООН[283]. На Тегеранской конференции обсуждался вопрос об открытии «второго фронта»[284].

Сразу после окончания Второй мировой войны СССР и США вошли в противостояние, получившее название «холодная война». Стремление к стратегической стабильности в данный период нашло практическое воплощение в диалектически противоречивом сочетании: с одной стороны, опоры на ядерное оружие, с другой – контроля над ним. Безудержное наращивание ядерной мощи на протяжении десятилетий противостояния сверхдержав усиливало в их политике преобладание первого элемента над вторым. Гонка ядерных вооружений становилась все более угрожающей и обременительной. Когда ядерные потенциалы достигли чудовищных размеров, Москва и Вашингтон были вынуждены в обоюдных интересах договориться об ограничении своих стратегических сил. Карибский кризис[285] вынудил лидеров сверхдержав осознать, что их дальнейшее противостояние может привести человечество к гибели.

Подойдя к опасной черте, «холодная война» пошла на спад. СССР и США впервые заговорили об ограничении гонки вооружений. Так, в конце 1960-х гг. XX в. руководители двух сверхдержав пришли к пониманию необходимости налаживания политического диалога. Именно в это время ими был подписан ряд важных двусторонних документов с целью снятия напряженности и формирования понятной международно-правовой базы для взаимоотношений в новых условиях: Меморандум об установлении линии прямой связи между Кремлем и Белым домом (1963); Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (1963); Договор о

[282] История внешней политики СССР. Указ. соч. Т. 1. С. 490–492.
[283] Громыко Ан.А. Вызовы XXI века и Организация Объединенных Наций. М., 2012. С. 9–11.
[284] История внешней политики СССР. Указ. соч. Т. 1. С. 441–452.
[285] Прим. авт.: Имеется в виду Карибский кризис 1962 г., который принято считать наиболее острым моментом в отношениях СССР и США, связанным с возможным применением ядерного оружия.

принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967); Договор о нераспространении ядерного оружия (1968).

В 1970-х гг. XX в. в ходе встреч на высшем уровне были приняты двусторонние обязательства по вопросам предотвращения ядерной войны, ограничения стратегических вооружений и разоружения. Так, в 1971 г. подписано Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США. В 1972 г. приняты Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1). В 1974 г. – Договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия и Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2)[286].

В момент, когда ядерные потенциалы Советского Союза и Соединенных Штатов достигли размеров, создающих угрозу существованию цивилизации, и вероятность их применения стала реальной, степень безопасности на планете зависела от уровня напряженности в отношениях между двумя державами, а сами отношения приобрели стратегический характер. Как отмечает ряд экспертов, «все локальные конфликты, которые имели место после Великой Отечественной войны, по существу, были конфликтами между СССР и США. Специалисты СССР, которые работали в соответствующих структурах, под «вероятным противником» всегда понимали, что речь идет о Соединенных Штатах»[287]. В таких условиях стратегическую стабильность в контексте обеспечения международной безопасности принято было ассоциировать с задачами сначала ограничения, а после сокращения ядерных арсеналов Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

[286] Подр. см.: Холодная война // Энциклопедия российско-американских отношений XVIII–XX вв. Указ. соч. С. 597; Хроника российско-американских отношений XVIII–XX вв. Указ. соч. С. 648-649; Холодная война // Дипломатический словарь. Указ. соч. С. 536.
[287] Щит России: системы противоракетной обороны. Указ. соч. С. 39.

С распадом Советского Союза стратегическая стабильность, основанная на концепции биполярного мира, ушла в прошлое. Такие глубокие сдвиги в мировой обстановке положили конец двухполюсной конфронтации и открыли уникальную возможность уменьшить зависимость уровня стабильности в сфере обеспечения международной безопасности от состояния равновесия потенциалов оружия массового уничтожения.

В текущих условиях, в силу правопреемства включая «*continuite*», международно-правовая основа взаимоотношений Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в области обеспечения международной безопасности составляет в том числе договоры, заключенные Советским Союзом. При этом данные взаимоотношения, хотя и не исключают политических расхождений, но в своей основе уже не имеют фундаментальных антагонистических и межсистемных противоречий.

Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) был подписан между СССР и США 26 мая 1972 г. в Москве. Основной его целью было обеспечение сдерживания гонки стратегических наступательных вооружений и начало движения по глубокому сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ).

В 90-е гг. XX в. для России достаточно остро стоял вопрос обеспечения собственной безопасности и территориальной целостности. Именно в этих условиях Соединенные Штаты начали менять отношение к проблеме противоракетной обороны. Принятый в 1991 г. Закон о противоракетной обороне[288] сместил приоритеты в сторону создания ПРО. 9 февраля 1995 г. Министерством обороны США была принята программа «3+3» по развитию систем заатмосферного перехвата, как основы будущей стратегической ПРО. В 2002 г. страна в одностороннем порядке вышла из Договора по ПРО. Данное событие для мирового сообщества было скорее закономерным, чем

[288] S. 564 of Missile Defense Act of 1991 – 102nd Congress (1991–1992) [Electronic resource] // Congress.gov – official website for U.S. federal legislative information. URL: https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/564/text (date of application: 02.11.2020).

неожиданным, поскольку в Министерстве обороны США вопрос муссировался на протяжении нескольких лет.

Выход США из Договора ознаменовал начало этапа развития международных отношений, при котором Белый дом предпринял беспрецедентные шаги в области строительства своих стратегических сил «с целью достижения абсолютного военного превосходства – основы, по его замыслу, нового однополярного миропорядка»[289].

Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности (ДРСМД) от 8 декабря 1987 г. защищал европейское пространство от угроз ракет средней и меньшей дальности, и в этом контексте выводил страны европейского региона из-под влияния негативного сценария развития отношений между Соединенными Штатами и Российской Федерацией.

2 февраля 2019 г. Соединенные Штаты Америки и Российская Федерация объявили о приостановлении выполнения Договора о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности[290]. 26 июня того же года Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации соответствующий Закон[291] был одобрен[292]. «2 августа 2019 г. по инициативе американской стороны прекращено действие Договора между Союзом Советских Социалистических Республик о ликвидации их ракет средней дельности и меньшей дальности, подписанного в Вашингтоне 8 декабря 1987 г.»[293] Однако заявление со стороны

[289] Щит России: системы противоракетной обороны. Указ. соч. С. 21–22.
[290] Прим. авт.: Указ о приостановлении Россией выполнения Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности был подписан Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 4 марта 2019 г. (№ 91).
[291] Федеральный закон «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности» № 721012-7: принят Гос. Думой 18 июня 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/560523520 (дата обращения: 02.11.2020).
[292] Сенаторы одобрили приостановление действие Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности // Официальный сайт Совета Федерации Федер. Собрания РФ. URL: http://council.gov.ru/events/news/106032/ (дата обращения: 30.04.2020).
[293] Официальное сообщение МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201908020001#print (дата обращения: 02.11.2020).

Европейского союза о том, что «Договор также является важным вкладом в обязательства по разоружению в соответствии со статьей VI Договора о нераспространении ядерного оружия, а Соединенным Штатам и Российской Федерации необходимо продолжать конструктивный диалог для сохранения Договора о РСМД и обеспечения его полного и поддающегося проверке осуществления, что имеет решающее значение для европейской и глобальной безопасности»[294], а также заявление со стороны Соединенных Штатов о том, что «Китай и Иран, которые не являются участниками Договора, имеют более 1000 аналогичных ракет»[295], позволяют предположить о заинтересованности в такого рода соглашении, как ДРСМД. С одно стороны, Европейский союз, как самострельный геополитический актор, стремится снизить риски в военно-политической области в связи с усилением напряженности меду Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки. С другой, Штаты проявляют явную заинтересованность «в сдерживании военного потенциала Китая»[296]. При этом позиция и Европейского Союза, и США не противоречит интересам Российской Федерации.

Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1) был подписан президентами СССР и США в июле 1991 г. в Москве и способствовал осуществлению сокращения и отказу от непосильных в тот момент программ модернизации вооружения для СССР. Несомненно, важным условием для эффективного действия Договора была его реализация в двустороннем порядке, на взаимной основе, в контексте двусторонних

[294] Statement on the Treaty on Intermediate-Range Nuclear Forces in Europe. Bruxelles, 22/10/2018, UNIQUE ID: 181022_7 [Electronic resource] // An official website of the European Union. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/52520/statement-treaty-intermediate-range-nuclear-forces-europe_en (date of application: 30.04.2020).

[295] President Donald J. Trump to Withdraw the United States from the Intermediate-Range Nuclear Forces (INF) Treaty, February 1, 2019 [Electronic resource] // The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-withdraw-united-states-intermediate-range-nuclear-forces-inf-treaty/ (date of application: 30.04.2020).

[296] Сяоцюань В. Скрытая логика США, обусловившая выход из ДРСМД [Электронный ресурс] // Официальный сайт Рос. Совета по междунар. делам, 1 апр. 2020 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/skrytaya-logika-ssha-obuslovivshaya-vykhod-iz-drsmd/?bx_sender_conversion_id=625330 (дата обращения: 05.11.2020).

сокращений и ограничений стратегических сил, не допуская существенного роста преимущества США. Однако насколько эти меры сбалансированы и равноправны, – особый и исключительно сложный вопрос[297]. Срок действия договора СНВ-1 истек в декабре 2009 г.

Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2) 1993 г. В ходе переговоров по его заключению выдвигались предложения увязать это соглашение с рядом других проблем, в той или иной степени влияющих на безопасность России. Большинство из них было отражено в проекте Федерального закона «О ратификации СНВ-2», внесенной президентской стороной в Государственную Думу в марте 1999 г.[298] Важнейшим из них с точки зрения обеспечения безопасности являлось требование по соблюдению Соединенными Штатами Америки бессрочного Договора по ПРО 1972 г.[299]

Условия, которые юридически связали Договор СНВ-2 с Договором о нераспространении ядерного оружия (1968) и Договором об ограничении систем противоракетной обороны (1972), нашли отражение в его преамбуле[300]. Однако юридические обязательства существенно затруднили его ратификацию, и Договор так и не вступил в силу. В 2001 г., в момент, когда новое руководство США взяло курс на развертывание масштабной системы противоракетной обороны территории США и в связи с выходом из Договора по ПРО, дальнейший вопрос о ратификации СНВ-2 отпал сам собой.

В 2002 г. в Москве был заключен *Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов* (СНП), в соответствии с которым суммарное количество стратегических ядерных боезарядов к 31 декабря 2012 г. не должно превышать у каждой из сторон 1700–2200 единиц. Условия Договора о СНП

[297] Подробнее см.: Договор СНВ-2 и национальная безопасность России. М., 1993. С. 13–17.
[298] Прим. авт.: Полный текст законопроекта Государственной Думы Российской Федерации опубликован в журнале «Ядерное распространение» (1998. № 27. С. 76–80).
[299] Подберезкин А.И. Указ. соч. С. 52–53.
[300] Договор СНВ-2 и национальная безопасность России. Указ. соч. С. 69–77.

были составлены таким образом, что фактически не были направлены на разрядку международной напряженности, а давали возможность модернизировать стратегические вооружения.

Договор СНП фактически стал альтернативой Договору СНВ-2, но очевидно, что далеко не равнозначной и имел ряд недоработок по следующим направлениям: а) в Договоре не были оговорены условия, допускающие постоянные взаимные проверки сторон; б) Договор СНП не требовал постоянного сокращения вооружений, так, заряды могли быть помещены в хранилище и позже восстановлены; в) каждая из сторон имела право выбрать любое количество стратегических ядерных боезарядов в составе своих сил, который она посчитает необходимым. Срок действия Договора СНП истек 31 декабря 2012 г.

Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) был подписан в Праге 8 апреля 2010 г. и вступил в силу 5 февраля 2011 г. сроком на десять лет. В соответствии с положениями документа Россия и США обязаны сократить и ограничить количество развернутых и неразвернутых стратегических наступательных вооружений согласованными суммарными количествами. В рамках Договора в юридически обязывающей форме зафиксирована взаимосвязь между стратегическими наступательными и стратегическими оборонительными вооружениями[301]. При подписании СНВ-3 Москва выступила со специальным заявлением о возможности выхода России из Договора в случае, если масштабы системы противоракетной обороны США создадут угрозу российским национальным интересам. В дополнение к этому Президент России Д.А. Медведев потребовал от Вашингтона предоставить юридические гарантии, подтверждающие ненаправленность системы ЕвроПРО против стратегического

[301] Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений от 8 апр. 2000 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/512 (дата обращения: 30.10.2020).

потенциала Российской Федерации[302]. Вследствие этого Договором не были определены четкие ограничения по развитию систем ПРО в Европе. Однако, руководствуясь статьей 14 Договора, а также заявлением Президента России, можно заключить, что «качественное и количественное наращивание возможностей систем ПРО США» попадает в категорию «исключительных обстоятельств, ставящих под угрозу высшие интересы Российской Федерации», и является основанием для правомерного ее выхода из Договора.

В соответствии с условиями Договора, ряд его положений, перечисленных в главе VIII Протокола к СНВ-3, вступили в силу в момент его подписания, до ратификации. Среди них, в частности, пункт 2 статьи 5 Договора, касающийся возможности обсуждения в Двусторонней контрольной комиссии (ДКК) появления новых типов стратегических носителей. Согласно Договору, запрещено развертывание стратегических наступательных вооружений за пределами национальной территории каждой из сторон. В резолюции Государственной Думы Российской Федерации при ратификации Договора СНВ-3 указывалось, что «развертывание стратегических наступательных вооружений в обычном оснащении, в случае если решение об этом не было пропущено через ДКК комиссию, является исключительным условиям для выхода России из Договора»[303].

Договор не распространяет действие на боезаряды, находящиеся на долговременном хранении. В рамках статьи 9 один раз в год предусмотрен обмен телеметрическими данными, но не более чем по пяти пускам МБР или БРПЛ. Инспекционная деятельность предусмотрена статьей 11 Договора и является главным инструментом взаимного контроля его исполнения. Предусматриваются два типа инспекций: первая подтверждает достоверность заявленных количеств развернутых стратегических наступательных

[302] Президент [РФ Д.А. Медведев]: Договор о СНВ может быть приостановлен, если США будут развивать ПРО в Европе [Электронный ресурс] // Российская газета. 2011. 18 мая. URL: https://rg.ru/2011/05/18/pro-anons.html (дата обращения: 30.10.2020).
[303] Гаврилов Ю. Шесть статей к ратификации: Госдума рассмотрела во втором чтении законопроект по договору СНВ-3 [Электронный ресурс] // Российская газета. 2011. 14 янв. URL: https://rg.ru/2011/01/14/snv-site.html (дата обращения: 30.10.2020).

вооружений, вторая – достоверность данных о неразвернутых, переоборудованных или ликвидированных вооружениях.

СНВ-3 остается, пожалуй, последним из международных двусторонних соглашений в области контроля над стратегическим ядерным вооружением. Двусторонний характер исключает возможность как участия в нем третьих ядерных держав, так и контроля арсеналов третьих стран. Как известно, помимо России и США, ядерным оружием обладают еще семь государств, в том числе некоторые страны НАТО. В этом контексте следует напомнить о китайском и британском ядерном арсеналах. Последний с 1962 г. включен в американскую систему ядерного планирования. Гипотетически, США могут развивать военные программы совместно с Великобританией, формально обходя лимиты Договора СНВ-3. Попытки российской стороны включить вопрос о британском ядерном арсенале в повестку переговоров с Соединенными Штатами в рамках Евроатлантической инициативы безопасности не увенчались успехом под предлогом независимости характера британского ядерного потенциала. При этом в документах Содружества Независимых Государств (СНГ) в сфере безопасности, военного строительства и разоружения – Соглашении о совместных мерах в отношении ядерного оружия (подписано Беларусью, Казахстаном, Россией и Украиной в Алма-Ате 21 декабря 1991 г.) и других документах определены принципиальные линии ядерной политики СНГ. Они сводятся к следующим положениям: ядерные вооружения, расположенные на территории четырех республик, входят в состав стратегических ядерных сил СНГ и обеспечивают безопасность всех участников Содружества; признается необходимость сохранения единого контроля над ядерным оружием бывшего СССР и координации ядерной политики государствами СНГ, которая до сих пор не отличается эффективностью, а потому рассчитывать на поддержку в этом вопросе с этой стороны стороны России не приходится.

В российских военно-политических и научных кругах бытует мнение, что система двусторонних соглашений по разоружению исчерпана, а в вопросах сокращения наступательных вооружений необходимо сместить акценты, отдавая

приоритет многостороннему формату соглашений в этой сфере[304]. Причины очевидны: двусторонний процесс разоружения уже не отвечает реалиям времени и в скором времени приведет к ассиметричному изменению баланса сил в области стратегических вооружений; провал процесса разоружения и его дисбаланс повлечет крах международной архитектуры обеспечения безопасности. Следуя данной логике, необходимо двигаться в направлении отказа от двустороннего формата сотрудничества в вопросах ограничения ядерного оружия и средств его доставки в пользу многостороннего, обеспечивающего инклюзивность ключевых игроков в данной области международных отношений. При этом не обязательно отказываться от соглашений, которые показали эффективность.

Ранее Президентом Российской Федерации В.В. Путиным была высказана позиция, что «можно не продлевать» СНВ-3[305] в контексте отказа США вести диалог по данному вопросу, но, как позднее уточнил С.В. Лавров, «несмотря на сложные взаимоотношения Вашингтона с Москвой, обе страны способны предотвратить еще большее снижение международной стабильности посредством продления Договора о мерах по дальнейшему ограничению стратегических наступательных вооружений от 2010 г., срок действия которого истекает через год – 5 февраля 2021 г. […] Приняв своевременные меры, США и Россия могут избежать бессмысленного и опасного возвращения к балансированию на грани войны. Нет никаких причин откладывать эту задачу на будущее. И начать нужно именно с продления договора СНВ-3»[306].

[304] См. напр.: В Государственной Думе прошли парламентские слушания на тему: «О Договоре между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГД РФ. URL: http://duma.gov.ru/news/4557/ (дата обращения: 03.11.2020).
[305] Президент РФ предложил не продлевать СНВ-3 [Электронный ресурс] // Телевидение Государственной Думы Федер. Собрания РФ, 6 июня 2019 г. URL: https://dumatv.ru/news/prezident-rf-predlozhil-ne-prodlevat (дата обращения: 03.11.2020).
[306] Лавров С.В. Россия готова к диалогу с США по стратегической стабильности [Электронный ресурс] // Официальный сайт журнала «Международная жизнь», 14 апр. 2020 г. URL: https://interaffairs.ru/news/show/25996 (дата обращения: 30.04.2020).

В период глобализации национальная безопасность государства все более определяется состоянием стратегической стабильности в мире, в котором уже не существует биполярности, поддержанием установившегося военно-стратегического баланса, способностью предотвращать вооруженные конфликты. В условиях современного миропорядка главным способом укрепления стратегической стабильности является проведение переговоров по ограничению и сокращению вооружений, в ходе которых стороны, исходя из собственных соображений безопасности и стабильности, пытаются найти «общий язык» друг с другом для того, чтобы гонка вооружений, или, вернее, неизбежная модернизация стратегических сил сторон проходила бы по каким-то согласованным правилам, понятным и принятым для каждого их участников этого процесса.

Длительное время каждая сверхдержава вкладывала свой смысл в понятие стратегической стабильности. К некоторому консенсусу удалось прийти в 1990 г., когда в совместном заявлении СССР и США было сказано, что стратегическая стабильность – это такое соотношение стратегических сил США и СССР (или состояние стратегических отношений двух держав), при котором отсутствуют стимулы для нанесения первого удара[307].

По мнению В.Ф. Лата, стратегическая стабильность – это состояние устойчивого стратегического ядерного баланса (равновесия) между государствами-центрами силы в биполярной системе международных отношений, которое сохраняется в течение длительного времени, несмотря на влияние дестабилизирующих факторов[308].

Достижение стратегической стабильности возможно за счет дальнейшего поступательного развития процесса разоружения и надежного предотвращения распространения оружия массового уничтожения при эффективном

[307] Подробнее см.: Сергеев И.Д. Без первого удара // Российская газета. 2001. 13 нояб.
[308] Лата В.Ф. Договор СНВ-3 и система ПРО США: перспективы стратегической стабильности и национальной безопасности России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Рос. Совета по междунар. делам, 22 сент. 2011 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=40 (дата обращения: 03.11.2020).

международном контроле и ограничении других видов вооружений, недопущении развертывания гонки вооружений в новых сферах.

Российскими специалистами стратегическая стабильность понимается двояко. В широком смысле она рассматривается как результат политических, экономических, военных и других мер, проводимых противостоящими государствами (коалициями), вследствие которых ни одна из сторон не имеет возможностей для осуществления военной агрессии. В узком смысле под стратегической стабильностью понимается состояние военных группировок вооруженных сил и военных отношений между государствами (коалициями), характеризующиеся примерно равными военными потенциалами, отсутствием попыток изменить военный баланс и добиться превосходства над другой стороной.

Американские специалисты выделяли в стратегической стабильности преимущественно два понятия – кризисная стабильность и стабильность гонки вооружений. В первом случае подразумевалось, что ситуация является стабильной, когда даже в кризисной ситуации у каждой из противостоящих сторон отсутствуют возможности и серьезные стимулы для нанесения первого ядерного удара. Во втором случае стабильность оценивалась по наличию стимулов для резкого наращивания своего стратегического ядерного потенциала[309].

Безусловно, после окончания «холодной войны» вероятность ядерного столкновения Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки представляется достаточно низкой, и прежние методы оценки стратегического баланса могут показаться анахронизмом. Но, признавая необходимость их модернизации, нельзя согласиться с их полным упразднением. С течением времени поддержание стратегической стабильности и международной безопасности неразрывно переплелось с задачей сокращения ядерных арсеналов России и США – двух ведущих ядерных держав. Однако в этом случае особенно

[309] См.: Стратегическая стабильность после холодной войны / А.Г. Арбатов [и др.]. М., 2010. С. 14–15.

важно, что двусторонний разоруженческий процесс не должен привести к изменению баланса сил в области стратегических вооружений в пользу одной стороны, создавая при этом угрозу национальной безопасности другой и тем самым всему миру, т. е. процесс разоружения в обязательном порядке должен проходить ассиметрично, поскольку дисбаланс может вызвать крах всей системы архитектуры безопасности.

22–23 сентября 1989 г. в Вайоминге на встрече Министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе и Госсекретаря США Дж. Бейкера были выработаны три базовых принципа ведения дальнейших переговоров по сокращению наступательных вооружений (СНВ). Они также прослеживались в последующих российско-американских договорах СНВ-1, СНВ-2, СНП и СНВ-3 и вошли в историю как «Вайомингский компромисс». Компромисс заключался в следующем: во-первых, было решено разделить переговоры по наступательным и оборонительным стратегическим вооружениям; во-вторых, стороны согласились уделить повышенное внимание межконтинентальным баллистическим ракетам (МБР) с разделяющимися головными частями (РГЧ); в-третьих, был согласован принцип условного зачета боеголовок для тяжелых бомбардировщиков[310].

К сокращению стратегических наступательных вооружений необходимо подходить комплексно. Так, например, Договоры по сокращению наступательных вооружений СНВ-1, СНВ-2, СНВ-3 неправомерно рассматривать отдельно от ПРО. Система ПРО США, которая в настоящее время вышла далеко за рамки границ одного государства, очевидно, влияет на уровень стратегической стабильности, которая, в свою очередь, выступает качественной характеристикой всей системы международных отношений. Одним из основных элементов анализа Договоров по СНВ, на котором концентрирует внимание бóльшая часть экспертов и политиков, является требование о сохранении и

[310] См., напр.: Фененко А.В. Кризис Вайомингского компромисса [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2009. 9 дек. URL: http://www.ng.ru/ideas/2009-12-09/5_crisis.html (дата обращения: 03.11.2020).

укреплении стратегической стабильности, как в ходе выработки, так и в процессе выполнения положений этих документов.

Система взаимного сдерживания при сохранении ядерных держав крупных арсеналов ядерного оружия есть взаимная демонстрация или убеждение потенциального противника в том, что «цена», которую ему придется заплатить за возможную агрессию, существенно превысит планируемые от такой агрессии выгоды.

По мнению ряда авторов, «даже если вероятность ядерной войны в политическом отношении стала очень низкой, задача стратегического курса должна состоять не в том, чтобы игнорировать ее, а в том, чтобы гарантировать исключение такой вероятности, как в юридическом, так и в военно-техническом плане»[311].

§ 2. Противоречия в международно-правовых подходах Российской Федерации и Североатлантического альянса к обеспечению безопасности в Европе

Организация Североатлантического договора с момента образования 4 апреля 1949 г. стала стратегическим соседом сначала Советского Союза, а впоследствии Российской Федерации.

В связи с присутствием Североатлантического альянса (НАТО) в европейском регионе, достижение стратегической стабильности и равновесия военно-политического потенциала в бытность существования Советского Союза достигалось через консолидацию ряда европейских государств социалистической направленности под эгидой Организации Варшавского Договора (ОВД).

В результате развернувшихся в конце XX в. известных событий в странах Восточной Европы, в частности, принятие ГДР в состав ФРГ, роспуск ОВД и, несомненно, крупнейшее по значимости – распад Советского Союза, в определенных кругах появились надежды на то, что «блоковое» противостояние

[311] Арбатов А.Г. Указ. соч. С. 8–9.

в Европе закончится. Действительно, вслед за роспуском ОВД, появились обоснованные надежны, что логически последует и самороспуск Альянса, а в качестве логического продолжения уже Российская Федерация начнет выстраивать равноправные отношения с «бывшими» его странами. Однако в действительности все оказалось несколько иначе.

В 1990-е гг. Североатлантическим альянсом и бывшими странами-членами Варшавского договора была сделана попытка перевести отношения на институциональную основу путем учреждения специального органа в рамках НАТО – Совета Североатлантического Сотрудничества (ССАС). Его целью была адаптация военной политики к новой европейской архитектуре безопасности. Позднее, в 1997 г., с появлением программы «Партнерство ради мира» (ПРМ), ССАС сменил Совет Евроатлантического Партнерства (СЕАП)[312]. Однако, как отмечают авторы аналитического исследования «Россия и НАТО: конфронтация или сотрудничество?», «ССАС, вопреки первоначальной цели, превратился в консультативный орган, фактически направленный на вовлечение в Альянс новых членов»[313], а СЕАП продолжил «активное расширение Альянса на Восток, несущее в себе угрозу национальной безопасности Российской Федерации, используя при этом различные аргументы»[314].

По мнению ряда авторов, «сохранение Альянса после роспуска Варшавского договора в очередной раз продемонстрировало отнюдь не миролюбивые устремления этого военно-политического союза и его антисоветскую, а затем антироссийскую направленность. Включение в НАТО стран Восточной Европы, входивших в Варшавский блок, и даже вовлечение в него стран, входивших в состав СССР, стали возможны только вследствие политической, военной и экономической слабости России в последнее

[312] Совет Евроатлантического партнерства [Euro-Atlantic Partnership Council] [Электронный ресурс] // Официальный сайт НАТО, 27 февр. 2018 г. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics_49276.htm (дата обращения: 03.11.2020).
[313] Сейранян Ф.Г., Панов А.И., Калачев Д.Н. Россия и НАТО: конфронтация или сотрудничество? М., 2010. С. 77–78.
[314] Макарычева М.Г. Российско-американские отношения и НАТО: оценки специалистов США // Россия, НАТО и новая архитектура безопасности в Европе. Н. Новгород, 1998. С. 120–122.

десятилетие XX в. и отсутствия самостоятельной системы обеспечения коллективной безопасности на европейском пространстве»[315]. Схожей точки зрения придерживаются в том числе западные специалисты, говоря о том, что «возможность расширения НАТО за счет стран Варшавского договора начала серьезно рассматриваться среди американских политиков и экспертов с конца 1990 г.»[316] Более того, некоторые американские эксперты в области безопасности предполагали, что, несмотря на трудности и проблемы, Россия к началу XXI в. восстановит статус в системе международных отношений. В частности, Уильям Хайлэнд писал: «трудно представить Россию в качестве второразрядной державы. Советско-российское государство неизбежно возродится, будь то в форме либеральной социал-демократии, просвещенного деспотизма или грубой диктатуры. И когда это произойдет, такое государство потребует учета его мнения.., а также гарантий безопасности на восточных и западных рубежах»[317]. Майкл Мандельбаум также считал, что «Россия при любой форме правления в будущем превратится в державу, способную поддерживать европейский порядок»[318]. Американские специалисты Дэниэл Йергин и Тэйн Густафсон предрекали, что «к 2010 году Россия вновь соберет вокруг себя территории, ранее находившиеся под ее влиянием, и опять будет оказывать огромное воздействие на Европу, Азию и Ближний Восток»[319]. Профессор Р.А. Мюллерсон полагает, что «единственное достижение НАТО со времени окончания «холодной войны» в том, что, расширившись до границ России и пытаясь включить в свой состав также Грузию с Украиной, Альянс вынудил Россию

[315] См., напр.: Тонких П.С. Указ. соч. С. 154–155; Кузнецов Б.Л. НАТО – генератор хаоса в Европе XXI века // Геополитика, международные отношения, государственная безопасность. СПб., 2011. С. 140–142.
[316] Прим. авт.: Об этом свидетельствуют, в частности, влиятельный конгрессмен, сторонник расширения НАТО Дж. Соломон и известный политолог Ф. Зеликов. Подробнее см.: Zelikow Ph. NATO Expansion was not Ruled Out // International Herald Tribune. 995. July 6; Solomon G. The NATO Enlargement Debate, 1990–1997: The Blessings of Liberty. Westport, London, 1998. P. 19.
[317] Hyland W.G. The Cold War is over. New York, 1990. P. 204.
[318] Mandelbaum M. Preserving a New Peace // Foreign affairs. 1995. Vol. 74, № 3. P. 12.
[319] Yergin D., Gustafson T. Russia 2010 and what it means for the World: The CERA Report. New York, 1995.

принять активные меры противодействия, которые, наконец, позволили НАТО оправдать свое существование»[320].

Взаимоотношения между Россией и НАТО трансформировались 27 мая 1997 г., когда в Париже был подписан «Основополагающий акт о взаимных отношениях между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора». Акт применялся (вводился в действие) с момента подписания. Это событие ознаменовало новый этап во взаимоотношениях между Россией и Североатлантическим альянсом. Актом предусматривалось учреждение Совместного постоянного совета, который стал «механизмом консультаций, координации в максимально возможной степени, для совместных решений и совместных действий в отношении вопросов безопасности, вызывающих общую озабоченность». В разделе III Основополагающего акта стороны определили сферы, в которых должно осуществляться сотрудничество, в том числе «вопросы, представляющие взаимный интерес, относящиеся к безопасности и стабильности в евроатлантическом регионе или к конкретным кризисам, включая вклад России и НАТО в безопасность и стабильность в этом регионе»[321].

Создание Совета добавило институциональный элемент во взаимоотношения, позволяющий в большей степени учитывать интересы государств-участников европейской системы коллективной безопасности и постараться избавиться от идеологической оболочки на уровне межгосударственных отношений. Одно из положений документа гласит, что «НАТО и Россия не рассматривают друг друга как противников. […] Они намерены развивать на основе общих интересов, взаимности и транспарентности прочное, стабильное и долговременное партнерство»[322].

---

[320] Мюллерсон Р. 2019 – год важных годовщин: о чем они нам говорят? [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2019. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/2019-god-vazhnykh-godovshchin/?fbclid=IwAR1MFuE6V2Z-InCzpivLljwM9tpn9ujuepAlyCQrzPODx6U-hICvro9lJNg (дата обращения: 02.11.2020).

[321] Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора... Указ. соч.

[322] См.: Там же.

Совместный постоянный совет являлся важным инструментом взаимодействия, в том числе по таким ключевым вопросам, как трансформация Североатлантического альянса и обновление его стратегической концепции. Через год после подписания Основополагающего акта Заместитель Министра иностранных дел России Н.Н. Афанасьевский отмечал, «что обновленная стратегическая концепция НАТО должна полностью соответствовать новым реалиям в сфере европейской безопасности, новым угрозам и вызовам. Новая стратегическая концепция должна закладывать перспективы реальной трансформации НАТО. В этой концепции не должны фигурировать пережитки «холодной войны». Роль НАТО необходимо переориентировать и сделать в большей степени политической, нежели военной»[323].

Однако, несмотря на явные достоинства консультационного механизма Совета, он имел некоторые недостатки. Прежде всего, это недостаточное влияние на развитие ситуации в евроатлантическом регионе. Действия НАТО в отношении Югославии в 1999 г. были предприняты вопреки «духу» Основополагающего акта и предусмотренного в нем механизма консультаций. В ответ на действия Альянса, Россия отказалась от дальнейшего сотрудничества и на некоторое время приостановила участие в механизме консультаций.

В мае 2002 г. в Риме была подписана декларация «Отношения Россия – НАТО: новое качество». Декларация учредила Совет Россия-НАТО, предусмотрев, что Россия и государства-члены Альянса «будут работать как равные партнеры в областях, представляющих взаимный интерес»[324], т. е. в своем национальном качестве и без предварительных внутриблоковых согласований, и что важно, «Россия и государства-члены Альянса», а не «Россия и Альянс», как было указано в Акте. В рамках Совета были созданы специальные организационные структуры, в числе которых *Комитет по науке ради мира и*

[323] Первая годовщина со дня подписания Основополагающего акта Россия – НАТО: итоги и перспективы. М., 1999. С. 33.
[324] Декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств – членов НАТО (Рим, 28 мая 2002 г.) // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. М., 2002. С. 307–310.

безопасности (КНРМБ), призванный оказывать содействие и координацию при осуществлении проектов с участием экспертов из стран НАТО и России, связанных с противодействием новым угрозам и вызовам в области обеспечения безопасности и *Специальная рабочая группа по нераспространению*, выполняющая задачи, связанные с укреплением диалога между Россией и НАТО по вопросам нераспространения ОМУ и средств его доставки, а также по разработке механизмов экспортного контроля.

Совет Россия-НАТО, призванный создавать новую среду для стабильных взаимоотношений, в действительности выполнял функции форума для дискуссий и исключительно политического диалога[325]. По этому поводу И.Ю. Юргенс справедливо отмечал, что «к сожалению, Совет не стал эффективным механизмом для выработки совместной политики и решений, для адекватного учета позиции России, что широко признается как в России, так и на Западе»[326].

Очевидно, что проблемы на пути сотрудничества России и НАТО связаны, прежде всего, с политическими факторами; относительно способов их преодоления существуют диаметрально противоположные позиции. Так, в 2006 г. специалист по европейскому праву М.Л. Энтин высказал мнение о возможности устранения проблемы на пути сотрудничества России и НАТО «через завершенную форму институционализации сотрудничества, т. е. через членство в НАТО»[327].

Схожая, но не очевидная позиция прослеживается в докладе группы экспертов под руководством М. Олбрайт «НАТО в 2020 году: гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие: анализ и рекомендации группы

[325] Прим. авт.: Позиция Российской Федерации в грузино-югоосетинском конфликте вызвала негативную реакцию НАТО и обусловила временное свертывание военного сотрудничества по линии Совета Россия – НАТО. Российская Федерация приостановила участие в соглашении о статусе сил, заключенном с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира».
[326] О перспективах развития отношений России и НАТО / под общ. ред. И.Ю. Юргенса, С.А. Кулика. М., 2010. С. 56.
[327] Энтин М.Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский союз в 2004–2005 гг. СПб., 2006. С. 219.

экспертов по новой Стратегической Концепции НАТО»[328]. И.Ю. Юргенс обращает внимание, что в нем «так или иначе прослеживаются следующие тезисы: "не нужно создавать новую систему безопасности в Евроатлантическом регионе, а интегрировать Россию в уже имеющуюся", "все позитивное, что осуществляет Альянс, является позитивным и для России"»[329]. Радикально противоположную позицию высказывает военный эксперт Л.Г. Ивашов: «что же касается взаимоотношений с Россией, то в этом случае медленно втягиваясь сначала ближе к территории России, затем и внутрь ее, НАТО претворяет в жизнь принцип оккупации изнутри – удушение в объятьях. Результат один – смерть того, кого душат. Форма и метод не имеют значения»[330]. Каждая из концептуальных позиций может представляться логичной и обоснованной и, очевидно, должна быть учтена при формировании удобного и эффективного формата сотрудничества.

Одной из наиболее проблемных областей взаимодействия России и НАТО является система ЕвроПРО. По неоспоримому замечанию В.И. Трубникова, «инициатива создания системы ПРО в Европе принадлежит Соединенным Штатам Америки»[331]. В 2001 г. после выхода из Договора по ПРО, Соединенные Штаты взяли курс на создание глобальной системы ПРО, и эта инициатива получила поддержку у членов Альянса. Было заявлено, что Российская Федерация находится в едином пространстве безопасности со странами НАТО. Однако, говоря о едином пространстве ПРО, возникает трудность в оценке односторонних решений Альянса по размещению его элементов на территории стран Восточной Европы. В мае 2013 г. Министр обороны Российской Федерации С.К. Шойгу подтвердил, что «создание системы неделимой

[328] НАТО в 2020 году: гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие: анализ и рекомендации группы экспертов по новой Стратегической Концепции НАТО [Электронный ресурс] // Официальный сайт НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_63654.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 03.11.2020).
[329] О перспективах развития отношений России и НАТО. Указ. соч. С. 9–12.
[330] Сейранян Ф. Г., Панов А. И., Калачев Д. Н. Указ. соч. С. 132–133.
[331] Проблемы и перспективы сотрудничества России с США/НАТО в сфере противоракетной обороны. Указ. соч. С. 7.

безопасности в Европе – один из приоритетов России», но, как было отмечено, «есть такой пережиток "холодной войны", как дефицит доверия, а одностороннее наращивание ракетного потенциала создает существенные препятствия для неделимости евробезопасности»[332]. В этой связи настораживают мнения некоторых американских и европейских авторов, что «военные действия государств-членов НАТО имеют если не юридические, то моральные оправдания»[333].

Эффективное сотрудничество Российской Федерации и Североатлантического альянса в сфере ПРО, как говорилось выше, является ключевым фактором в их взаимоотношениях, успех и долгосрочность которых зависит от четкого следования политике по линии взаимной поддержки. В полной мере осознавая данное условие, лидерами двух держав было сделано совместне заявление по вопросам ПРО «О готовности к равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству»[334].

Дискуссии между Российской Федерацией, Соединенными Штатами и представителями Североатлантического альянса об архитектуре ПРО в Европе продолжаются постоянно. В частности, Генеральный секретарь НАТО А.Ф. Расмуссен по итогам майской Московской конференции 2012 г. по вопросам ПРО отметил, что «диалог России и НАТО по противоракетной тематике активно продолжается». Однако сохраняются и разногласия в части возможной динамики развития ракетных угроз, а также распределения зон ответственности за оборону от возможного ракетного нападения и, если на начальном этапе одностороннее развертывание со стороны НАТО системы ПРО

[332] Министр обороны России выступил на международной конференции «Военные и политические аспекты европейской безопасности» [Москва, 23 мая 2013 г.] [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства обороны РФ. URL: http://mil.ru/konf_evrodefence/news/more.htm?id=11754316@egNews (дата обращения: 03.11.2020).

[333] Reisman W.M. Kosovo's Antinomies // AJIL. 1999. Vol. 93, № 4. P. 860. О моральных проблемах см.: Habermas J. Bestialität und Humanität. Ein Krieg an der Grenze zwischen Recht und Moral // Die Zeit. 1999. № 18.

[334] Совместное заявление Президента Российской Федерации Д. А. Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б. Обамы по вопросам ПРО... Указ. соч.

в Европе вызывало у российской стороны лишь озабоченность, то в настоящее время, очевидно, это вызывает реальное опасение и порождает противодействие. Заявление, сделанное начальником Генерального штаба ВС России генералом Н.Е. Макаровым свидетельствует о готовности Российской Федерации предпринять необходимые меры «с учетом дестабилизирующего характера системы ПРО, а решение об упреждающем применении имеющихся средств поражения будет приниматься в период обострения обстановки»[335]. Отвечая на вопрос журналистов по проблематике ПРО на пресс-конференции по итогам встречи глав государств и правительств стран-членов «Группы двадцати» в Лос Кабосе (Мексика) 20 июня 2012 г., Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что «кардинально можно было бы изменить ситуацию только в том случае, если бы Соединенные Штаты согласились с нашим предложением: оно заключается в том, чтобы мы – и Россия, и Соединенные Штаты, и Европа – были бы равноправными участниками этого процесса»[336].

Для Российской Федерации важен задаваемый вектор концепции дальнейшей трансформации НАТО, от которого в значительной мере будет зависеть характер последующего взаимодействия. Важно подчеркнуть, что Россия не является даже потенциальным противником для НАТО, не вынашивает по отношению к Альянсу в целом и к каждому конкретному его члену в отдельности какие-либо агрессивные планы и будет адекватно отвечать взаимоприемлемым инициативам и шагам в совместно выбранном направлении. Данный системный курс Российской Федерации прослеживается как в Концепции внешней политики на 2013 г., так и в Концепции на 2016 г. Однако необходимо отметить существенную асимметрию в восприятии приоритета

[335] Материалы докладов руководства Минобороны России на Международной конференции «Фактор противоракетной обороны в формировании нового пространства безопасности» [Москва, 3 мая 2012 г.] [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства обороны РФ. URL: http://www.mil.ru/conference_of_pro/news/more.htm?id=11108033@egNews (дата обращения: 03.11.2020).

[336] [Ответ Президента РФ В. В. Путина на вопрос по проблематике ПРО на пресс-конференции по итогам встречи глав государств и правительств стран – членов «Группы двадцати» в Лос Кабосе (Мексика), 20 июня 2012 г.] [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/15698 (дата обращения: 03.11.2020).

дестабилизирующих факторов. Так, например, Россия считает глобализацию ответственности и операций НАТО, приближение Альянса и его военной инфраструктуры к российским границам, развитие Соединенными Штатами высокоточных обычных вооружений большой дальности – главными факторами, подрывающими стратегическую стабильность[337]. Как отметил Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, выступая на Мюнхенской Конференции, «Проблема ПРО стала важным тестом на соответствие реальных дел торжественным декларациям о приверженности этому ключевому принципу. Мы все рискуем утратить еще один реальный шанс построить единое евроатлантическое пространство. Россия предлагает простой и конструктивный путь – согласовать строгие гарантии ненаправленности глобальной ПРО США против любой страны-члена ОБСЕ и разработать четкие военно-технические критерии, позволяющие оценивать соответствие систем ПРО заявленным целям: нейтрализации ракетных угроз, исходящих извне евроатлантического региона»[338].

Украинский кризис 2014 г. выявил ряд антагонистических противоречий между Российской Федерацией и странами Альянса в видении обновленной европейской модели обеспечения коллективной безопасности, в результате чего было «приостановлено все практическое гражданское и военное сотрудничество»[339]. Однако сохранение «политических и военных каналов связи»[340] говорит о том, что стороны, даже в сложных политических реалиях, стремились избегать дополнительной и ненужной эскалации напряженности во

[337] См.: Военная доктрина Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ 5 февр. 2010 г.] [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/461 (дата обращения: 03.11.2020).
[338] Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на 49-й Мюнхенской Конференции по вопросам безопасности, Мюнхен, 2 февр. 2013 г. URL: https://news2.ru/story/375047/ (дата обращения: 03.11.2020).
[339] Отношения с Россией (справка) [Электронный ресурс] // Официальный сайт НАТО, 18 сент. 2018 г. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50090.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 03.11.2020).
[340] См.: Отношения с Россией (справка). Указ. соч.

взаимоотношениях, связанных, возможно, с отсутствием информированности о своей деятельности.

С апреля 2016 г. заседания Совета Россия – НАТО были возобновлены на постоянной основе[341], последнее из которых состоялось в мае 2018 г. Тем не менее, по мнению автора исследования, данные обстоятельства не следует рассматривать как возобновление полноформатного сотрудничества; напротив, они могут свидетельствовать лишь о необходимости качественным образом повысить информированность о действиях каждой из сторон в условиях продолжающейся эскалации украинского конфликта. Однако, несмотря на то, что разрешить имеющиеся противоречия в существующих реалиях – задача труднореализуемая, возобновленный формат взаимодействия может быть полезен с точки зрения поиска и обсуждения взаимовыгодных областей для сотрудничества.

Такое явление как терроризм и необходимость борьбы с ним признается, пожалуй, подавляющей частью международного сообщества. Это обстоятельство позволяет избегать излишней политизированности в межгосударственных отношениях в данном направлении. В разделе 3 Основополагающего акта «борьба с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков» названа в качестве одной из областей сотрудничества России и стран НАТО.

В рамках этого условия в 2004 г. был утвержден «План действий Совета Россия-НАТО по борьбе с терроризмом» с целью «общей координации и стратегического руководства сотрудничеством в области борьбы с терроризмом»[342]. Позднее, в 2011 г., План был усовершенствован, и стороны определили следующие направления сотрудничества: «предотвращение

[341] Об отношениях Россия – НАТО (справка МИД РФ) [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. 28 дек. 2017 г. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/rso/nato/-/asset_publisher/ObVB8wSP5tE2/content/id/3011555 (дата обращения: 09.11.2020).
[342] NRC Action Plan on Terrorism Strategic Objectives, 9 December 2004 [Electronic resource] // NATO website. URL: https://www.nato.int/nrc-website/media/59703/2004.12.09_nrc_action_plan_on_terrorism.pdf (дата обращения: 03.11.2020).

терроризма; борьба с террористической деятельностью; ликвидация последствий терактов; взаимодополняемость с другими мероприятиями на международном уровне»[343]. В Концепции внешней политики Российской Федерации на 2013 г. стали более отчетливо выделяться в том числе такие новые трансграничные угрозы, как «международный терроризм, неконтролируемый трафик оружия и боевиков, радикализация общественных настроений и нелегальная миграция»[344]. В Концепции на 2016 г. международный терроризм был назван уже «одной из наиболее опасных реалий современного мира»[345], которая приобрела «качественно новый характер с появлением международной террористической организации "Исламское государство" и подобных ей объединений»[346]. В качестве основного направления в борьбе с данной угрозой «должно стать создание широкой международной антитеррористической коалиции на прочной правовой базе, на основе эффективного и системного взаимодействия государств»[347].

Текущие реалии позволяют предположить, что Североатлантический альянс останется центральным элементом в системе обеспечения европейской безопасности на ближайшие десятилетия. С одной стороны, статус лидера, несомненно, накладывает на Альянс если не юридическую, то политическую и фактическую ответственность за предотвращение вызовов в деле обеспечения европейской безопасности, в т. ч. связанных с возросшей террористической угрозой в странах Европейского союза, которые начали в полной мере испытывать на себе последствия противодействия международным

[343] План действий Совета Россия – НАТО по борьбе с терроризмом, 15 апр. 2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт НАТО. URL: https://www.nato.int/nrc-website/media/62581/2011.04.15_nrc_action_plan_on_terrorism.pdf (дата обращения: 03.11.2020).
[344] Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февр. 2013 г. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/ (дата обращения: 24.08.2020).
[345] Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ № 640 от 30 нояб. 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения: 12.08.2020).
[346] См.: Там же.
[347] См.: Там же.

террористическим организациям на Ближнем Востоке. С другой стороны, видны активные действия Российской Федерации по противодействию международным террористическим организациям.

Коалиционное сотрудничество стран Альянса и Российской Федерации в направлении борьбы с международными террористическими организациями на Ближнем Востоке, по мнению автора, могло бы принести обоюдно выгодные результаты. Во-первых, это позволило бы сместить акценты с имеющегося контрпродуктивного драйвера «противостояние» на интеграционной драйвер – «сотрудничество», модифицируя тем самым механизм взаимоподдержки, переходя от обеспечения коллективной безопасности к обеспечению международной и региональной безопасности. Во-вторых, на фоне полученного опыта от проведения совместных операций, возможность вернуть взаимное доверие в международных отношениях.

§ 3. Международно-правовые аспекты взаимодействия Российской Федерации и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в деле обеспечения безопасности в европейском регионе

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) задумывалось как крупный геополитический проект с целью устранения международной напряженности в вопросах обеспечения безопасности. В отечественной доктрине принято считать, что ключевую роль в созыве Совещания сыграл Советский Союз. Исследователь А.В. Загорский считал, что «созыв СБСЕ – это результат колоссальных усилий мировой дипломатии, а идея созыва общеевропейского совещания, несомненно, принадлежит СССР и социалистическим странам – партнерам по Варшавскому договору»[348]. При этом следует обратить внимание на отсутствие общей точки зрения относительно определения момента, когда была выдвинута эта инициатива, в частности, ряд

[348] Загорский А.В. Хельсинский процесс: переговоры в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1972–1991 гг. М., 2005. С. 21–23.

авторов приурочивает данную инициативу «к заседаниям ПКК ОВД 1956, 1965 и 1966 гг.»[349]

Участники Совещания полагали, что одним из эффективных способов снять напряженность в вопросах международной безопасности должен стать диалог и проведение переговоров, в ходе которых стороны повысят уровень взаимного доверия и, учитывая собственные интересы, придут к взаимопониманию и смогут выработать согласованные и понятные правила поведения для каждого участника процесса. Столь амбициозная задача впоследствии позволила трансформировать Совещание в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ или Организация), которая стала важным элементом в архитектуре европейской безопасности.

Распад Советского Союза и роспуск Организации Варшавского Договора повлекли за собой кардинальное изменение геополитической ситуации в европейском регионе. В 90-х гг. XX в., в так называемый «второй период» деятельности Организации, основной ее задачей стала координация деятельности государств и разработка институциональной основы европейской системы безопасности в новых геополитических реалиях. В рамках Будапештской конференции 1994 г. стороны договорились, чтобы ОБСЕ «играло центральную роль в становлении общего пространства безопасности на основе принципов, содержащихся в Хельсинкском Заключительном акте»[350]. По итогам Лиссабонской встречи на высшем уровне стороны провозгласили, что «ОБСЕ играет центральную роль в реализации нашей общей цели – создании единого пространства безопасности»[351]. В Хартии европейской безопасности, принятой по итогам Стамбульский встречи на высшем уровне, участники зафиксировали, что «ОБСЕ является региональным соглашением по смыслу главы VIII Устава

[349] Бруз В.В. Деятельность Организации Варшавского Договора по обеспечению европейской безопасности: (историогр. исследование). М., 2009. С. 271–272.
[350] Будапештский документ 1994 г. «На пути к подлинному партнерству в новую эпоху» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/mc/39558?download=true (дата обращения: 03.11.2020).
[351] Декларация Лиссабонской встречи на высшем уровне. Лиссабонский документ 1996 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/mc/39543?download=true (дата обращения: 03.11.2020).

Организации Объединенных Наций, одной из основных организаций по мирному урегулированию споров в ее регионе и одним из ключевых инструментов раннего предупреждения, предотвращения конфликтов, регулирования кризисов и постконфликтного восстановления. ОБСЕ – это широко представительная, всеобъемлющая организация для проведения консультаций, принятия решений и сотрудничества в ее регионе»[352].

Однако в действительности преобразовать ОБСЕ в центральную военно-политическую структуру и создать из него полноправный координационный орган, контролирующий взаимодействие различных организаций в области обеспечения безопасности в Европе, не удалось. В качестве причин, по которым процесс трансформации Организации не состоялся, Г.И. Курдюков выделяет «принцип консенсуса и отсутствие международно-правового характера решений ОБСЕ»[353]. Таким образом, центральное место в архитектуре европейской безопасности прочно занял Североатлантический альянс путем стремительного расширения за счет вовлечения стран Восточной Европы и постсоветского пространства. Глава МИД Словении отмечал, что «будучи единственной организацией по вопросам обеспечения безопасности, в состав которой как равноправные партнеры входят Россия, США, Канада, все страны Европы и бывшего СССР, она могла бы сделать гораздо больше, если бы у государств-участников хватило политической воли к тому, чтобы создать ей для этого необходимые условия»[354]. Благоприятный момент был упущен.

В Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» сказано, что «ОБСЕ перестала играть роль генератора идей в области обеспечения коллективной безопасности в Европе и переживает системный кризис, и Российская Федерация будет продолжать вести активную политическую деятельность по решению задачи создания эффективной системы коллективной безопасности в Евро-

[352] Стамбульский документ 1999 г. Хартия Европейской безопасности. Указ. соч.
[353] Подробнее см.: Курдюков Г.И., Макарова Г.Н. Указ. соч. С. 11–13.
[354] Rupel D. Echo of cold war // OSCE Magazine. 2005. Vol. 1, № 2. P. 8.

Атлантическом регионе»[355]. В 2000-е гг. и вплоть до развития украинского кризиса, Российская Федерация неоднократно предпринимала попытки «оздоровить» Организацию. Министр иностранных дел России С.В. Лавров неоднократно отмечал, что «ситуация в военно-политическом измерении ОБСЕ характеризуется деградацией режима»[356], а «отсутствие необходимых реформ – по крайней мере, с точки зрения России – поставит под вопрос саму необходимость существования данной Организации»[357].

Ирландский проект «Хельсинки+40» был направлен на поиск путей возможного обновления деятельности Организации. Позиция России заключалась в необходимости «разработки юридически обязывающего устава ОБСЕ»[358], поскольку «без такого рода документа ОБСЕ нельзя рассматривать в качестве полноценной международной организации»[359], Организация «должна стать полноценной международной – с юридически обязывающим Уставом […] обеспечивать безопасность – через соблюдение всеми государствами-участниками принципа неделимости безопасности […] содействовать сотрудничеству – путем отказа от ограничений и барьеров. И, наконец, ее основное внимание должно быть приковано к ситуации в Европе»[360].

---

[355] Указ Президента РФ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» № 605 от 7 мая 2012 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/157626 (дата обращения: 03.11.2020).

[356] Выступление Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на пленарном заседании СМИД ОБСЕ, Дублин, 6 дек. 2012 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ, Департамент информации и печати. URL: https://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/131766 (дата обращения: 03.11.2020).

[357] См.: Там же.

[358] РФ в ходе заседания глав МИД ОБСЕ поставит вопрос об отмене виз [Электронный ресурс] // Российская газета. 2012. 22 нояб. URL: http://www.rg.ru/2012/11/22/vizy-anons.html (дата обращения: 03.11.2020).

[359] Интерпретирующее Заявление Российской делегации на 14-й встрече Совета МИД ОБСЕ, прошедшей 4–5 дек. 2006 г. в Брюсселе. MC.DEC/16/06/Corr.1 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/mc/25070?download=true (дата обращения: 03.11.2020).

[360] Комментарий Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова в «Журнале ОБСЕ» на тему «Планируя будущее: Хельсинки + 40», опубликованный в № 1 за 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/126238 (дата обращения: 03.11.2020).

Отечественной доктриной было предложено «начать реформирование Организации с ее главных органов»[361], в результате чего можно будет оптимизировать действующие институты, в том числе путем ликвидации ряда органов, предметом деятельности которых является одна и та же отрасль или проблема, упорядочить и оптимизировать взаимодействие структур, устраняя при этом ненужное дублирование там, где оно присутствует. Оптимальный способ для реализации предложенного – принять консолидированный учредительный акт, который позволит: а) укрепить статус ОБСЕ как международной организации (субъекта международного права); б) придать обязательный юридический статус решениям ОБСЕ; в) выработать и укрепить механизм контроля в системе ОБСЕ, который будет способствовать установлению системы санкций политического и экономического характера в качестве мер стимулирования членами Организации выполнения решений; г) увеличить юридическую ответственность ОБСЕ за свою деятельность перед государствами-участниками; д) уточнить внутриорганизационный механизм работы ОБСЕ и разграничить ее компетенцию между действующими структурами и институтами; е) наделить персонал ОБСЕ особым статусом (дипломатическим), необходимым при размещении в кризисных районах. На схожие проблемы обратили внимание участники брифинга Европейского Парламента, проводимого по случаю 40-летия подписания Хельсинкского акта, а именно на «отсутствие правосубъектности, создающей серьезные проблемы на местах в отношении иммунитетов […] неэффективность процедур принятия решений и ограниченность мандата»[362].

Ранее было отмечено, что в процессе работы «Группы мудрецов» между государствами-участниками ОБСЕ были выявлены «многочисленные и труднопреодолимые разногласия», преимущественно связанные с подходами в

[361] Курдюков Г.И., Макарова Г.Н. Указ. соч. С. 18–30.
[362] Perchoc Ph. The Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE) – 40 years after Helsinki [Electronic resource] // European Parliament website. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/571317/EPRS_BRI(2015)571317_EN.pdf (date of application: 03.11.2020).

построении европейской модели обеспечения безопасности. Однако участники брифинга отметили, что «в контексте возобновления напряженности на европейском континенте ОБСЕ может взять на себя более активную роль в качестве форума, включающего всех участников в области европейской безопасности»[363].

На фоне наблюдаемых проблем в военно-политической плоскости ОБСЕ, связанных с построением новой модели обеспечения европейской безопасности, все более отчетливо выделяются новые угрозы, такие как терроризм, незаконная миграция и одна из их производных – торговля людьми. Угрозы находятся за пределами какой-либо одной из «систем измерения» ОБСЕ и носят «межизмеренческий» характер, а способ их решения выходит за пределы территории и компетенции одного или даже группы государств. В таких условиях уточнение внутриорганизационного механизма работы ОБСЕ и разграничение ее компетенций между действующими структурами и институтами в сфере межизмеренческих аспектов, как направление для выработки институциональной основы, позволило бы государствам, используя ресурсы Организации, наладить более тесное сотрудничество по ключевым направлениям деятельности, учитывая и то, что данные проблемы менее подвержены политической конъюнктуре и могут стать связующим звеном в пределах стран-участниц ОБСЕ.

Действия, нацеленные на гармонизацию национальных законодательств стран-участниц и выработку единых подходов государств к проблемам, связанным с предотвращением угроз международного терроризма, начали предприниматься в рамках ОБСЕ с 90-х гг. XX столетия. Они находят отражение в таких документах, как Будапештский документ 1994 г., Лиссабонский документ 1996 г., Стамбульский документ 1999 г. По предложению Российской Федерации, в 2015 г. были приняты Декларация Министров «О наращивании

[363] Там же.

усилий ОБСЕ по борьбе с терроризмом»[364], Декларация Министров «О предупреждении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, и противодействии им»[365]. В настоящее время руководство этим направлением осуществляется Антитеррористическим отделом Департамента транснациональных угроз Секретариата ОБСЕ, куратором которого является представитель Российской Федерации А.Л. Лыженков. В 2003 г. Организация создала Бюро и учредила должность Специального представителя и координатора по борьбе с торговлей людьми, чтобы помочь государствам-участникам в разработке и осуществлении эффективной политики по этой проблеме. В 2013 г. еще одно направление – партнерство – было выделено в «Плане действий ОБСЕ по борьбе с торговлей людьми»[366], акцентируя внимание на потребности более тесного взаимодействия с международными организациями и другими партнерами.

На фоне глобализации современного мира[367] проблемы незаконной миграции и торговли людьми приобретают все большее значение, а европейский регион становится центром притяжения для людей из так называемых стран «третьего мира». Вопросами миграции в рамках ОБСЕ занимается Бюро по демократическим процедурам и правам человека (БДИПЧ). На основе обязательств ОБСЕ, БДИПЧ помогает участвующим государствам в оценке, разработке и осуществлении миграционной политики и законодательства, учитывающих гендерные аспекты, защищать основные права мигрантов и содействовать интеграции мигрантов в общества, в которых они живут. БДИПЧ

[364] Декларация Министров «О наращивании усилий ОБСЕ по борьбе с терроризмом» MC.DOC/3/15/Corr.1 от 4 дек. 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/mc/230761?download=true (дата обращения: 03.11.2020).
[365] Декларация Министров «О предупреждении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, и противодействии им» MC.DOC/4/15/Corr.1 от 4 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/mc/230761?download=true (дата обращения: 03.11.2020).
[366] Решение No. 557 «О Плане действий ОБСЕ по борьбе с торговлей людьми» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/pc/42712?download=true (дата обращения: 03.11.2020).
[367] Тюрина Н.Е. Глобализация как объективная тенденция в развитии международного права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2007. Т. 149, кн. 6. С. 304.

определяет и облегчает обмен передовым опытом, сопоставляя их с потребностями, выявленными в государствах-участниках.

Вышеизложенные факты свидетельствует о том, что Организация продолжает занимать важное место в системе европейской безопасности. Действительно, на современном этапе направление в работе ОБСЕ в большей степени сконцентрировано в плоскости так называемого «человеческого измерения». С другой стороны, смещение акцентов в сторону деятельности, связанной с решением проблем в сфере борьбы с терроризмом и торговле людьми, выглядит вполне логичным, а институциональный каркас позволяет государствам-участникам налаживать более тесное сотрудничество в этих областях, становясь интеграционным драйвером для стран-участниц.

§ 4. Международно-правовые отношения Российской Федерации и Европейского Союза в области обеспечения безопасности в Европе: поиск конструктивных форм сотрудничества

В 90-е гг. прошлого столетия и в начале 2000-х гг. международно-правовым драйвером в отношениях России и ЕС приятно было считать Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), подписанное 24 июня 1994 г. между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой. Статьей 112 Соглашения предусматривалась необходимость его «одобрения Сторонами в соответствии с их процедурами»[368], т. е. для того, чтобы Соглашение вступило в силу, его необходимо было ратифицировать в национальных парламентах участников. Ратификация продолжалась более трех лет. В частности, Российская Федерация

[368] Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерации, с одной стороны, и европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны от 24.07.1994 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Постоянного Представительства РФ в ЕС. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/partnership_and_cooperation_agreement_1997_russian.pdf (дата обращения: 03.11.2020).

ратифицировала Соглашение в ноябре 1996 г.[369] СПС вступило в силу 1 декабря 1997 г.[370]

СПС предусматривает сотрудничество в социальной, финансово-экономической и культурной областях. Согласно его условиям в части взаимодействия сторон в сфере торговли ядерными материалами, приоритет имеют нормы Соглашения между СССР и Европейским экономическим сообществом и Европейским сообществом по атомной энергии о торговле и коммерческом и экономическом сотрудничестве от 18 декабря 1989 г. СПС не затрагивает области взаимодействия, связанные с вопросами обеспечения безопасности на региональном уровне, что требует модернизации и расширения сферы его регулирования.

Ко времени окончания срока действия СПС, российские исследователи подготовили Концепцию модернизации Соглашения и предложили три возможных сценария, в частности, ежегодное продление до момента, когда стороны согласуют новый формат соглашения, модификацию Соглашения до уровня создания ассоциации России и ЕС и подписание нового соглашения, заменяющего существующее. Российский исследователь, ученый МГИМО М.Л. Энтин отдает предпочтение третьему варианту, полагая, что «просто дополнять СПС новыми договорами не получится. Отжившие статьи СПС будут отягощать двусторонние отношения, вызывать разногласия и раздражение, тянуть стороны в прошлое»[371]. В этом направлении был запущен процесс двухсторонних консультаций. На уровне Постоянных представителей было проведено 12 переговорных раундов, но на фоне событий в Украине, по инициативе ЕС, переговоры были приостановлены.

[369] Федеральный закон «О ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, учреждающего партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими Сообществами и их государствами-членами, с другой стороны № 135-ФЗ от 25 нояб.1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1998. № 16. Ст. 1802.
[370] Клемин А.В. Новый договор: Россия и Евросоюз вновь меряются силами // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 3. С. 153.
[371] Энтин М.Л. Указ. соч. С. 317.

В конце 2000-х гг. и до начала развития украинского кризиса Российской Федерацией предпринимались попытки обновить архитектуру европейской безопасности через подписание Договора о европейской безопасности (ДЕБ). В 2008 г. в Берлине Президент Российской Федерации Д.А. Медведев предложил заключить всеобъемлющий Договор о европейской безопасности, в котором бы участвовали все государства Европы, как самостоятельные субъекты международного права[372].

Продвижение инициативы осуществлялось на высоком уровне, в различных инстанциях: в рамках Конференции по мировой политике в Эвиане (2008)[373], в формате ОБСЕ (Хельсинки, 2008)[374], (Корфу, июнь 2009), где Министр иностранных дел С.В. Лавров предложил отдельно созвать заседания в рамках Североатлантического альянса, Европейского Союза и Организации Договора о коллективной безопасности по данному вопросу[375] (Вена, 2009)[376], в рамках Мюнхенской (2012)[377] и Европейской (2012)[378] конференций по вопросам

[372] Официальный визит Президента России Д.А. Медведева в Германию, Берлин, 5 июня 2008 г. О встрече Дмитрия Медведева с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии // Информационный бюллетень / МИД РФ. Департамент информации и печати. 2008. 6 июня. С. 10–15.

[373] Выступление [Д.А. Медведева] на конференции по вопросам мировой политики, 8 октября 2008 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/1659 (дата обращения: 03.11.2020).

[374] Выступление Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на 16-м заседании СМИД ОБСЕ, Хельсинки, 5 дек. 2008 г.: [видео] [Электронный ресурс]. URL: ttps://www.mid.ru/foreign_policy/rso/osce/-/asset_publisher/bzhxR3zkq2H5/content/id/302982 (дата обращения: 03.11.2020).

[375] Restoring trust: the Corfu Process [Electronic resource] // OCSE website, 1 December 2010. URL: https://www.osce.org/mc/87193 (дата обращения: 03.11.2020).

[376] Стенограмма вступительного слова и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова на пресс-конференции по итогам участия в Ежегодной конференции ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности «Вызовы жесткой безопасности в Евро-Атлантике. Роль ОБСЕ в создании устойчивой и эффективной системы безопасности». Вена, 23 июня 2009 г., № 1005-24-06-2009 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/news/smi/vystuplenie_ministra_inostrannykh_del_rossii_s_v_lavrova_na_otkrytii_ezhegodnoy_konferentsii_obse_po/ (дата обращения: 22.05.2020).

[377] Выступление Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на 48-й Мюнхенской Конференции по вопросам безопасности, Мюнхен, 4 февр. 2012 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Посольства РФ в ФРГ. URL: https://russische-botschaft.ru/ru/2012/02/07/vystuplenie-ministra-inostrannykh-de-6/ (дата обращения: 03.11.2020).

[378] Выступление первого заместителя Министра иностранных дел РФ А.И. Денисова на открытии 11-й Европейской Конференции па безопасности и обороне, Берлин, 27 нояб. 2012 г. № 2219-27-11-2012 [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publba0Cjv/content/id/133194 (дата обращения: 03.11.2020).

обеспечения безопасности и обороны. Отдельные тезисы выступления Медведева на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН также были посвящены вопросу необходимости заключения ДЕБ[379].

Отношение мирового сообщества к инициативе России заключить Договор о европейской безопасности имеет своих сторонников и противников, как на территории СНГ, так и на территории Европы. Различные аргументированные позиции можно найти, в частности, в аналитическом исследовании «Договор о Европейской безопасности: импульс к развитию отношений России и Европы»[380], работах Т. Пархалиной и Н. Тузовской[381]. В качестве существенного обстоятельства при продвижении данной инициативы необходимо учитывать тесную взаимосвязь Европы и Соединенных Штатов. Об этом может свидетельствовать тезис, высказанный Председателем комиссии ЕС Ж.М. Баррозу: «трансатлантическое партнерство является особенным по сравнению со всеми остальными партнерствами. У нас нет отличного видения международного порядка, возникающего из-за конкурирующих ценностей. Мы не являемся геополитическими и стратегическими соперниками. Наше партнерство – это партнерство, при котором неизбежно выигрывают оба игрока»[382]. Выступления Генерального секретаря Альянса А.Ф. Расмуссена и

[379] Выступление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева на 64-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 24 сент. 2009 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/ga/pdf/64russia.pdf (дата обращения: 03.11.2020).

[380] Гущин Е. Отношение стран СНГ к проекту Договора о европейской безопасности // Договор о европейской безопасности: импульс к развитию отношений России и Европы. М., 2011. С. 60–63. URL: https://www.hse.ru/data/2012/02/08/1262567777/Dogovor%20o%20evtopeiskoi%20besopasnosti.pdf (дата обращения: 03.11.2020).

[381] См., напр.: Пархалина Т. Россия – НАТО через год после Лиссабона: надежды и разочарования // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы: бюллетень. 2011. Вып. 26. С. 5–8; Тузовская Н. Отношения ЕС и НАТО: «Стратегическое партнерство?» // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. М., 2009. Вып. 17. С. 6–7.

[382] Подробнее см.: José Manuel Barroso President of the European Commission – Statement at final press conference of European Council. Brussels. 26 march 2010 [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_10_134 (date of application: 09.11.2020).

Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон содержали схожую риторику.

Проект Договора о европейской безопасности был обнародован в ноябре 2009 г.[383] и, по мнению Е.Г. Моисеева, качество его содержания свидетельствует о том, что «он проработан достаточно полно, отвечает всем требованиям международных договоров и является добротной основой для обсуждения и внесения в него дополнений и уточнений»[384]. По мнению В.Н. Лихачева, «путем подписания Договора о европейской безопасности можно решить ряд конкретных задач, в том числе: придать современной безопасности качества «неделимой»; обновить соответствующие отрасли международного права; придать императивность применению общих и общеобязательных принципов «*jus cogens*». По поводу характера документа он отметил, что «будущий договор и, следовательно, характер, создаваемый его концепции не должны быть ни антиамериканскими, ни антинатовскими, ни, скажем, антиЕСовскими. Документ подобного масштаба решит стратегические задачи, станет востребованным, если он будет договором объединения сил и ресурсов суверенных государств и международных институтов в сфере региональной безопасности»[385]. В выступлении, посвященном ДЕБ, Постоянный представитель России при НАТО Д.О. Рогозин отметил, что «Россия предлагает провести инвентаризацию механизмов европейской безопасности, ее региональных институтов и их функций, и на этой основе выработать юридически обязывающий Договор о системе взаимных гарантий безопасности в Европе. Тем самым обеспечить равную безопасность для всех стран участников континентальной системы безопасности»[386].

[383] Проект Договора о европейской безопасности [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ, 29 нояб. 2009 г. URL: http://kremlin.ru/news/6152 (дата обращения: 03.11.2020).
[384] Моисеев Е.Г. Международно-правовые основы обеспечения европейской безопасности // Евразийский юридический журнал. 2010. № 2. С. 15–19.
[385] Лихачев В.Н. Договор о европейской безопасности как международный приоритет России [Электронный ресурс] // Политика. 2011. № 90. URL: http://www.politika-magazine.ru/90/297-dogovor-o-evropejskoj-bezopasnosti-kak-mezhdunarodnyj-prioritet-rossii.html (дата обращения: 03.11.2020).
[386] Рогозин Д.О. НАТО точка РУ. М., 2009. С. 38–39.

Договор о европейской безопасности был призван решить ряд таких задач, как мониторинг действия Хельсинкского заключительного акта, оценка деятельности ОБСЕ, ее вклад в обеспечение европейской безопасности, аудит взаимодействия европейских стран и организаций, внедрение политических и юридических инноваций. Проект ДЕБ содержит 14 статей, в основу которых положен принцип «неделимости безопасности» – юридически обязывающий отказ стран-участниц от мер по укреплению собственной безопасности за счет и в ущерб другим государствам. В проекте Договора российская сторона сосредоточилась на аспекте неделимости европейской безопасности, когда кто-то из участников Договора считает, что его безопасность находится под угрозой. Согласно статье 2 ДЕБ, предполагается, что каждый участник может являться «членом военных союзов, коалиций или организаций», при этом он добивается того, чтобы «решения, принимаемые в рамках таких союзов, коалиций и организаций, не затрагивали существенным образом безопасность одного или нескольких участников Договора», т. е. юридически закрепляет необходимость координации в вопросах обеспечения коллективной безопасности между участниками Договора. Участники также обязуются не принимать международные обязательства, которые не совместимы с его условиями, сохраняя при этом право любого участника на нейтралитет. Условия закреплены в статье 9 проекта ДЕБ. В статье 10 говорится, что Договор открыт для подписания всеми евроатлантическими, евроазиатскими, странами Европейского союза, а также такими международными организациями, как ОБСЕ, ОДКБ, НАТО и СНГ.

Анализируя некоторые положения ДЕБ, подробнее остановимся на пункте 2 статьи 7, которая гласит, что «без ущерба для положений статьи 8 настоящего Договора, Участник вправе рассматривать вооруженное нападение на другого Участника, как вооруженное нападение на него самого». С одной стороны, излишне мягкая формулировка рассматриваемого пункта, к примеру «вправе рассматривать», не будет накладывать конкретных обязательств и, как

следствие, может с легкостью быть проигнорирована субъектом-участником Договора. С другой стороны, изменение данной формулировки на более жесткую, к примеру «Участник рассматривает вооруженное нападение на другого Участника, как вооруженное нападениа на него самого», предполагает высокую степень интеграции стран-участников Договора. Возникает дилемма: сохраняя мягкую формулировку, есть риск получить декларативный договор, по сути, не являющийся жизнеспособным. Напротив, придавая условиям ДЕБ безальтернативный, юридически обязывающий характер, перспектива его заключения существенно усложняется.

Принципиальная новизна ДЕБ заключается в придании легитимности обязательствам, касающимся недопустимости укрепления собственной безопасности в ущерб безопасности других, а также в юридической фиксации механизма реализации принципа неделимости международной безопасности. Роль Российской Федерации в реализации заявленной инициативы является главной, но пока не получает юридического развития, поскольку встречает сопротивление европейских стран-участниц Североатлантического альянса. Возможно, работа по реализации данной инициативы с отдельными странами ЕС получит продолжение в рамках отдельных проектов, запускаемых в рамках единого европейского механизма *PESCO*.

В настоящее время российская доктрина сдержанно подходит к оценке потенциала *PESCO*. Риторика ряда европейских специалистов рассматривает напряженность в отношениях России и ЕС в качестве импульса к самостоятельному развитию *PESCO*. В частности, французский специалист в области международной безопасности Пьер Хароше рассматривает напряженность в отношениях между ЕС и Россией в качестве импульса для развития *PESCO* и уточняет, что «если напряженность […] ухудшится в контексте, отмеченном продолжающимся американским сдвигом в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, военная взаимозависимость между европейскими государствами может возрасти, что в конечном итоге приведет к

усилению оборонного сотрудничества»[387]. Аналогичной позиции придерживается Луиджи Леонардо из Лондонского Королевского Колледжа, полагая, что напряженность в отношениях с Россией есть один из стимулов для скорейшего создания самостоятельного оборонного союза в рамках ЕС[388]. С другой стороны, мы видим, что страны Европейского союза далеко не однородны по экономическому и военному потенциалу, и в условиях геополитической турбулентности на Ближнем Востоке по-разному испытывают на себе возрастающие новые угрозы. Безусловно, многое зависит от выбранной Европейским союзом модели обеспечения безопасности. Необходимо констатировать, что в настоящее время базовым элементом этой модели является Североатлантический альянс, однако наблюдается вектор стремления Европейского союза к автономии в этом вопросе.

Россию и европейские страны связывает географически обусловленная и длительная история сотрудничества, в которой были как «белые», так и «черные страницы». При этом, как показывает практика, прочный мир на Востоке является исключительно продуктивным для Европы, а напряженность и нестабильность, напротив, контрпродуктивной и усугубляет внутренние противоречия. В текущих условиях дополнительные институциональные формы сотрудничества в вопросах безопасности могли бы помочь как отдельным государствам ЕС, так и ЕС в целом сконцентрироваться на решении появившихся новых внутренних угроз в области безопасности, связанных, в первую очередь, с «всплеском международного терроризма, огромных волн нелегальной миграции и всего, что с этим связано»[389].

О такой возможности заявляет также Постоянный представитель Российской Федерации при Европейском Союзе В.А. Чижов: «Россия не

[387] Independence, asymmetric crises, and European defence cooperation // European security. 2017. Vol. 26, № 2. P. 226–252 *[перевод автора]*.
[388] European Defence Union: Some Legal Considerations by Luigi Leonardo. Geneva Jean Monnet Working Paper, 03/2017.
[389] Выступление С.В. Лаврова на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 17 февр. 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Постоянного Представительства РФ в ЕС. URL: https://russiaeu.ru/ru/vystuplenie-svlavrova-na-munhenskoi-konferencii-po-voprosam-politiki-bezopasnosti (дата обращения: 03.11.2020).

рассматривает усиление сотрудничества европейцев в оборонной политике как проблему. Мы открыты для взаимодействия с PESCO. Россия вполне могла бы рассмотреть свое участие в проектах оборонной политики ЕС в рамках PESCO. Например, можно было бы взаимодействовать с ЕС в сфере киберзащиты или логистики, или наши военнослужащие и эксперты могли бы поддержать операции ЕС в "третьих странах". Россия уже предоставляла вертолеты для миссии ЕС в Чаде в 2008 г., мы также сотрудничали с ЕС в борьбе с пиратами в районе Африканского Рога. Нечто подобное можно было бы расширить. Но, конечно, мы не станем помогать строить мосты, чтобы НАТО могла быстрее продвигаться к границам России»[390].

Для российской стороны важно, если сотрудничество России и ЕС в рамках механизма *PESCO* осуществится, оно «должно быть исключительно на основе устойчивой системы международных отношений, опирающейся на международное право и основанной на принципах равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела государств, взаимовыгодного сотрудничества»[391] с опорой на основные принципы и нормы международного права.

Данный формат взаимоотношений в полной мере отражен в предложенном проекте Договора о европейской безопасности. По мнению автора, несмотря на то, что с момента предложения заключить ДЕБ прошло около десяти лет, его положения не теряют актуальности до сих пор, а успех в переговорах по данному вопросу находится в «заложниках» сложившихся политических обстоятельств. Однако при наличии политической воли к сотрудничеству в рамках формата *PESCO* или вне его, условия ДЕБ следует уточнить, исходя из текущих реалий.

[390] Интервью Постоянного представителя России при Евросоюзе В.А. Чижова газете «Ди Вельт» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Постоянного Представительства РФ в ЕС. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-vpolne-mogla-by-rassmotret-svoye-uchastie-v-proektakh-oboronnoy-politiki-es-v-ramkakh-pesco/?bx_sender_conversion_id=645257 (дата обращения: 03.11.2020).

[391] Подробнее см.: Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 дек. 2015 г. // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

Партнерство России и ЕС, в силу ряда объективных обстоятельств, имеет стратегическое значение для каждой из сторон; по этой причине отношения государств развиваются как в юридически обязывающей плоскости, так и с использованием механизмов «*soft law*». Так, в рамках Московского саммита Россия – ЕС, 10 мая 2005 г. были подписаны «дорожные карты» четырех общих пространств: «дорожная карта» по общему экономическому пространству; «дорожная карта» по общему пространству свободы, безопасности и правосудия; «дорожная карта» по общему пространству внешней безопасности; «дорожная карта» по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты[392]. Направление сотрудничества России и ЕС в вопросах укрепления и повышения эффективности работы ООН и смежных региональных организаций, таких как ОБСЕ и СЕ, а также в вопросах по установлению режимов и договоров, вносящих вклад в установление более справедливого и безопасного мира, было закреплено в «дорожной карте» по общему пространству внешней безопасности (ОПВБ)[393].

Согласно Дорожной карте ОПВБ, предполагалось расширить сотрудничество в следующих приоритетных областях: укрепить сотрудничество на международной арене, в области борьбы с терроризмом, в области нераспространения ОМУ и в направлении экспортного контроля и разоружения, в области кризисного регулирования и гражданской защиты. По мнению М.Л. Энтина, «очевидное достоинство дорожных карт заключается в том, что их реализация во многом выведена из-под влияния общего контекста политических отношений между Россией и ЕС. На ней политическая конъюнктура, политические игры, проблемы и сложности в двусторонних отношениях, естественно сказываются, но не критическим образом. Делать что-то или не делать в двусторонних отношениях превращается в инструмент политического

[392] Европейское право. Указ. соч. С. 202–203.
[393] «Дорожные карты» четырех общих пространств, утвержденные на саммите Россия – ЕС, Москва, 10 мая 2005 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/evropejskij-souz-es/-/asset_publisher/6OiYovt2s4Yc/content/id/439524 (дата обращения: 03.11.2020).

давления. Иногда даже в инструмент шантажа. С дорожными картами такое поведение априори неразумно. В их политизации нет никакого смысла»[394]. Именно по этой причине сторонам удавалось добиваться практических результатов, поскольку деструктивные элементы в форме жестких обязательств на фоне эскалации политического кризиса в двусторонних отношениях были исключены. Стороны руководствовались лишь взаимовыгодными интересами.

В сфере борьбы с терроризмом и в области кризисного регулирования российской стороной[395] была подписана и ратифицирована Международная конвенция ООН о борьбе с актами ядерного терроризма[396]. В июне 2010 г. – «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским союзом о защите секретной информации»[397]. Согласно статье 10 указанного Соглашения, координаторами сторон выступают Федеральная Служба Безопасности и Служба безопасности Генерального секретариата Совета. Соглашение вступило в силу 1 сентября 2010 г. В области кризисного регулирования П.А. Калиниченко обращает внимание еще на два соглашения между Россией и ЕС, в частности, Соглашение относительно участия России в Полицейской миссии ЕС в Боснии и Герцеговине (2004) и Соглашение об участии России в военной операции ЕС в Чаде и в ЦАР (2008)[398].

По линии сотрудничества, связанного с нераспространением оружия массового уничтожения и усиления режимов экспортного контроля и разоружения, российская сторона заняла активную позицию в деле мирного

[394] Энтин М.Л. Указ. соч. С. 394–395.
[395] Федеральный Закон «О ратификации Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма» № 185-ФЗ от 2 окт. 2006 г. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 41. Ст. 4205.
[396] Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма: принята Резолюцией ГА ООН (A/RES/59/290) от 13 апр. 2005 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (дата обращения: 03.11.2020).
[397] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским Союзом о защите секретной информации от 01.07.2010 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Постоянного Представительства РФ в ЕС. URL: https://russiaeu.ru/sites/default/files/user/files/Agreement%20on%20classified%20information_2010_Russian.pdf (дата обращения: 03.11.2020).
[398] Калиниченко П.А. Россия и Европейский Союз: двусторонняя нормативная база взаимоотношений. М., 2011. С. 151–153.

урегулирования иранской ядерной программы. Направление этой работы по линии СБ ООН и МАГАТЭ было также отражено в Дорожной карте ОПВБ, где стороны добились определенного успеха. В то время, когда прямой двусторонний политический диалог между Россией и ЕС был фактически приостановлен, активное сотрудничество между сторонами в деле обеспечения мирного урегулирования иранской ядерной программы было продолжено по линии СБ ООН в формате «шестерки международных посредников» (пять постоянных членов СБ ООН и Германия)[399]. В решении данного вопроса был также успешно применен механизм «дорожной карты»[400], в рамках которого зафиксирован Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по ядерной программе в политическом формате «5+1», который в последующем, по предложению российской стороны, был одобрен Резолюцией СБ ООН (2231/2015)[401]. В декабре 2015 г. в рамках МАГАТЭ сторонами был утвержден план действий по осуществлению проверки и мониторинга СВПД[402], в январе 2016 г. началась его практическая реализация. Действия российской стороны в этом направлении нашли широкую поддержку со стороны ЕС.

В эпоху развития современных международных отношений Россия и государства ЕС продолжают активно взаимодействовать в рамках международных договоров, связанных с ОМУ, а именно по линии Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (ДНЯО) и Договора о запрещении ядерного оружия 2017 г. (ДЗЯО). В частности, по линии ДНЯО на постоянной основе каждые пять лет проводятся Конференции, в рамках которых

[399] Евсеев В.В. Перспективы иранской ядерной программы при Президенте Хасане Роухани. М., 2013. С. 77, 182.
[400] IAEA. Road-map for the Clarification of Past and Present Outstanding Issues regarding Iran's Nuclear Programme (GOV/INF/2015/14, 14 July 2015) [Electronic resource]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/gov-inf-2015-14.pdf (date of application: 03.11.2020).
[401] Резолюция СБ ООН S/RES/2231 2015 от 20 июля 2015 г. «Совместный всеобъемлющий план действий», Вена, 14 июля 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/s/res/2231(2015) (дата обращения: 03.11.2020).
[402] IAEA. Board of Governors (GOV/2015/72) 15 December 2015 «Joint Comprehensive Plan of Action implementation and verification and monitoring in the Islamic Republic of Iran in light of United Nations Security Council Resolution 2231 (2015)» [Electronic resource]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/gov-2015-72-derestricted.pdf (date of application: 03.11.2020).

осуществляется мониторинг соблюдения действий положений Договора и вырабатываются конкретные рекомендации с целью не допустить его ослабления. В настоящее время идет активная подготовка к проведению Конференции в 2020 г.[403] По линии ДЗЯО активно обсуждаются условия, на которых Россия и ведущие ядерные державы будут готовы его подписать и впоследствии ратифицировать[404].

Следует признать, что формат сотрудничества Российской Федерации и Европейского союза испытывает затруднения, при этом некоторые авторы отмечают, что «нет никаких причин для противостояния между Европой и Россией. […] Нынешняя напряженность в отношениях между ЕС и Россией обусловлена тем, что ЕС вынужден обслуживать геополитические интересы США, нанося тем самым колоссальный вред и Европе, и России»[405]. Действительно, «существенное давление из-за океана» оказывает негативное влияние на и без того избыточно политизированную сферу взаимоотношений, связанных с обеспечением европейской безопасности. Наблюдается замедление их институционализации.

И.С. Иванов полагает, что «рассчитывать на новое Большое всеобъемлющее соглашение, которое должно прийти на смену постоянно продевающемуся Соглашению о партнерстве и сотрудничестве между Европейским союзом и Россией от 1994 г., не приходится. Вряд ли удастся и документально переоформить сотрудничество в четырех общих пространствах. Ни подготовить такие документы в современных условиях не представляется возможным, ни тем более добиться их ратификации всеми государствами-

[403] Договор о нераспространении ядерного оружия (справка) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства Иностранных Дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/adernoe-nerasprostranenie/-/asset_publisher/JrcRGi5UdnBO/content/id/1138817 (дата обращения: 03.11.2020).
[404] Тадтаев Г. Лавров объяснил отказ от подписания договора о запрете ядерного оружия // Телеканал РБК. 2018. 17 марта. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aad4e799a79479fd56b6a6e (дата обращения: 03.11.2020).
[405] Мюллерсон Р.А. Третья мировая война: как это будет // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2018. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tretya-mirovaya-voyna/ (дата обращения: 02.11.2020).

членами ЕС. Значит, надо ориентироваться на другие документы, более мобильные, которые отвечали бы интересам сотрудничества на конкретном отрезке времени»[406].

В сложившихся условиях для сохранения и продолжения сотрудничества сторонам следует становиться гибче, активнее используя механизмы «мягкого права», которые позволяют нивелировать риски политической турбулентности. Со стороны европейских партнеров наблюдается прагматичная позиция, изложенная в Глобальной стратегии ЕС 2016 г., где сказано, что «отношения с Россией представляет собой ключевой стратегический вызов. Поэтому мы будем привлекать Россию к обсуждению разногласий и сотрудничеству, если и когда наши интересы будут пересекаться»[407]. В такой ситуации, как отмечают авторы аналитического исследования «Россия и Европейский Союз: три вопроса о новых принципах отношений», самым верным решением было бы определить повестку дня для сотрудничества на среднесрочную перспективу в рамках нового, адаптированного текущим реалиям «политического документа с возможностью дальнейшей работы над секторальными соглашениями. Именно такой подход, неоднократно предлагавшийся Президентом России, позволил бы более четко выделить и конкретизировать интересы по каждому аспекту сотрудничества»[408].

Первую четверть XXI в. можно назвать эпохой цифровых технологий, повсеместное внедрение которых и активное использование можно видеть как в военной, так и в гражданской областях. Однако дискуссии о каком-либо системном регулировании данной области преждевременны. «Пионером» в деле

[406] Иванов И.С. РФ и Европа: от романтики к прагматике: аналитическая статья [Электронный ресурс] // Официальный сайт РСМД. 29 янв. 2018 г. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rf-i-evropa-ot-romantiki-k-pragmatike/ (дата обращения: 03.11.2020).
[407] Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy 2016 [Electronic resource] // Official website of the European Union. URL: http://europa.eu/globalstrategy/en (date of application: 03.11.2020).
[408] Бордачев Т. Россия и Европейский Союз: три вопроса о новых принципах отношений: доклад международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва, 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/reports/rossiya-i-evropeyskiy-soyuz/ (дата обращения: 03.11.2020).

правового регулирования использования искусственного интеллекта можно назвать Европейский союз с недавно принятой «Декларацией о сотрудничестве в области применения искусственного интеллекта». Российская Федерация, в свою очередь, также имеет наработки в этом направлении. Дорожная карта могла бы стать началом взаимовыгодного долгосрочного сотрудничества в этой области.

В существующей геополитической реальности, когда следует ожидать осложнения отношений в военно-стратегической области между Россией и ЕС на фоне прекращения действия ДРСМД и сложной дискуссии между Соединенными Штатами и Россией относительно продления СНВ-3, сотрудничество с Европейским союзом, основанное на практических инструментах «мягкого права», будет гораздо более эффективно, нежели, если стороны будут стремиться подписать юридически обязывающие международно-правовые соглашения «наперед». Первоочередная задача в текущих условиях – нарастить «критическую массу» совместных проектов, найти взаимовыгодные взаимодействия с использованием действенных механизмов «мягкого права» для координации своих действий. В долгосрочной перспективе – формирование институционального каркаса.

Заключение

С момента зарождения права международной безопасности в «линейке» отраслей международного права проблемы безопасности рассматривались мировым сообществом только лишь в военно-стратегических рамках. Сейчас необходимо смотреть на проблему безопасности с разных сторон: с точки зрения научной мысли и технического прогресса, со стороны эволюции религиозных воззрений, а также со стороны подходов к способам обеспечения международно-правовой безопасности, поскольку эти аспекты являются составной частью единого целого и в большей или меньшей степени оказывают влияние на область международных отношений, связанных с обеспечением безопасности.

Изучая область международных отношений, связанных с правовым обеспечением международной безопасности, невольно подтверждается тезис о том, что этот вопрос можно решить исключительно коллективными действиями, опираясь на нормы и принципы международного права. При этом, помня уроки прошлого, необходимо постараться не допустить повторения глобальных импульсов (потрясений), аналогичных Первой и Второй мировым войнам, для обоснования и утверждения договора правовой организации человечества, который установил бы новый мировой порядок.

В результате исследования проблем формирования региональных систем обеспечения коллективной безопасности в европейском регионе на основе событий XX столетия и текущей составляющей, позволяет автору сформулировать ряд выводов.

Во-первых, следует отличать региональные системы обеспечения безопасности от региональных систем обеспечения коллективной безопасности. Однако обе системы в равной степени могут быть применены для обеспечения международного мира и безопасности. При этом региональная система обеспечения безопасности в большей степени ориентирована на упреждение самой возможности возникновения конфликта путем создания институциональной основы с целью выработки единых подходов к решению проблемы, связанной с угрозой миру и безопасности. Региональная система

обеспечения коллективной безопасности предполагает более тесное взаимодействие между государствами-участниками в случае совершения акта агрессии в отношении какого-либо из участников системы.

Во-вторых, европейский регион продолжительное время был «заложником» «блокового» противостояния, а в настоящее время испытывает последствия «успеха» в противостоянии оставшегося военно-политического «блока», которые заключаются в отсутствии возможности найти компромиссные решения в вопросах обеспечения собственной (национальной) безопасности, предполагая лишь возможность односторонних уступок в пользу Североатлантического альянса.

Результаты борьбы за получение большего влияния в европейском регионе, в том числе с использованием сложных «блоковых» взаимоотношений, привели к двум мировым войнам, действительной угрозе человечеству в виде ядерной войны.

Наличие двух и более схожих по своей правовой природе региональных международно-правовых механизмов обеспечения коллективной безопасности в пределах одного региона повлекло за собой: противостояние в форме вытеснения одного международно-правового механизма за счет неэффективности другого; подавление или юридическое поглощение менее эффективного международно-правового механизма, например, через ограничение компетенций и передачу полномочий по ключевым вопросам в пользу более эффективного международно-правового механизма.

В-третьих, с момента прекращения «блокового» противостояния страны европейского региона не перестали испытывать на себе последствия влияния «из-за океана». Тем не менее, они все более отчетливо консолидируются вокруг международного объединения в лице Европейского Союза, который на современном этапе имеет необходимые органы и структуру для формирования и координации общей внешней политики и политики безопасности, и начинает играть роль, присущую центральному элементу.

Запущенный в ЕС оборонный механизм *PESCO,* реализующийся в рамках правовой и институциональной системы Европейского Союза с акцентом на его сферу обеспечения обороны и безопасности, при этом не является формой продвинутого сотрудничества. Однако проекты, стартовавшие в рамках *PESCO,* будут представлять собой формы продвинутого сотрудничества в рамках внутреннего оборонного механизма ЕС в области обороны и обеспечения безопасности, нацеленные «вовне». Европейские страны поставлены перед выбором: самостоятельность в части регионального международно-правового механизма обеспечения коллективной безопасности, избавленного от влияния извне, или принятие и более глубокая интеграция международно-правовой системы обеспечения коллективной безопасности под эгидой Североатлантического альянса.

В-четвертых, на территории европейского региона действуют региональные и межрегиональные организации, объединенные целью «обеспечения безопасности»: Организация Североатлантического договора, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и – в меньшей степени – Организация договора о коллективной безопасности. Выделяется так называемое «двойное членство», а в некоторых случаях «тройное членство», поскольку государство может одновременно являться страной ЕС[409], членом ОБСЕ[410] и НАТО[411].

В силу сохраняющихся противоречий в подходах к развитию системы обеспечения безопасности европейского региона у наиболее влиятельных мировых акторов, создание единого механизма обеспечения европейской безопасности не представляется возможным. В сложившейся ситуации более рациональным видится сохранение множественности механизмов, позволяющих

[409] EU member countries map [Electronic resource] // European Union official website. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/countries_en#map (date of application: 02.11.2020).
[410] Государства – участники ОБСЕ [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/participating-states (дата обращения: 02.11.2020).
[411] NATO on the map [Electronic resource] // North Atlantic Treaty Organisation official website. URL: https://www.nato.int/nato-on-the-map/#lat=52.05220359365761&lon=14.165523264409103&zoom=0 (date of application: 02.11.2020).

максимально учитывать интересы европейских стран путем расширения связей в политической, экономической, историко-культурной областях. Сотрудничество Российской Федерации с Европейским Союзом, основанное на механизмах «мягкого права», в частности, будет гораздо эффективным, нежели, если стороны будут стремиться подписать юридически обязывающие международно-правовые соглашения. Таким образом, в среднесрочной перспективе важно нарастить «критическую массу» совместных проектов, найти взаимовыгодные формы для взаимодействия и координировать их, используя механизмы «мягкого права».

В-пятых, Российская Федерация предполагает наличие отношений с Североатлантическим альянсом по принципу равноправного партнерства, неукоснительного соблюдения принципов и норм международного права, приверженности к общему пространству мира, безопасности и стабильности в Евро-Атлантическом регионе. Россия сохраняет отрицательное отношение к расширению НАТО и приближению военной инфраструктуры (системы ПРО) Альянса к российским границам, как к действиям, нарушающим принцип равной безопасности и ведущим к повышению нестабильности в европейском регионе.

Имеющийся опыт взаимодействия России и НАТО показывает, что оно не только возможно, но и положительно сказывается на обстановке в Европе. Коалиционное сотрудничество стран Альянса и Российской Федерации, а именно совместные действия по борьбе с международными террористическими организациями по всему Миру позволило бы сместить акценты с имеющегося «противостояния» на «сотрудничество» в областях, имеющих обоюдный интерес, а также на фоне полученного опыта от проведения совместных операций возможность вернуть взаимное доверие в международных отношениях.

В-шестых, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе изначально учреждалась как центральная организация, призванная решать вопросы в области обеспечения безопасности в Европе. Действительно, в первые годы после ее создания и вплоть до конца 90-х гг. прошлого столетия ОБСЕ

играла важную роль в выработке единых институциональных подходов в решении вопросов, связанных с обеспечением безопасности в европейском регионе.

В современных условиях ОБСЕ имеет наибольшую вовлеченность государств в сравнении с какой-либо иной региональной международной организацией и продолжает занимать важное место в системе европейской безопасности, однако, акценты в работе Организации в большей степени сместились в плоскость так называемого «человеческого измерения». На этом фоне отсутствие самостоятельных институтов, деятельность которых была бы посвящена исследованию вопросов международно-правового обеспечения коллективной безопасности европейского региона и существующих в нем таких коллективных систем, выглядит не вполне логичным.

В заключении следует отметить, что в условиях международно-правового «вакуума» в виде отсутствия эффективных механизмов предотвращения угроз миру и безопасности в пределах соответствующего региона, его стремятся заполнить иные «заинтересованные» государства, находящиеся за его пределами, умело используя их социально-экономическую и политическую неоднородность, а также внешние и внутренние противоречия.

Библиография

Международные документы, российские законодательные акты, договоры, официальные письма, доклады, отчеты

1. Астанинская юбилейная декларация на пути к сообществу безопасности. ОБСЕ, встреча на высшем уровне. Астана, декабрь 2010 г. // Официальный сайт ОБСЕ. URL: http://www.osce.org/ru/cio/74990?download=true (дата обращения: 02.11.2020).

2. Будапештский документ 1994 г. «На пути к подлинному партнерству в новую эпоху» // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/mc/39558?download=true (дата обращения: 03.11.2020).

3. Возвращение к дипломатии. Окончательный доклад и рекомендации Группы видных деятелей по европейской безопасности как общему проекту, ноябрь 2015 г. // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/networks/229661?download=true (дата обращения: 02.11.2020).

4. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ 5 февр. 2010 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/461 (дата обращения: 03.11.2020).

5. Декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств – членов НАТО (Рим, 28 мая 2002 г.) // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002: хрестоматия. М., 2002. С. 307–310.

6. Декларация Лиссабонской встречи на высшем уровне. Лиссабонский документ 1996 г. // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/mc/39543?download=true (дата обращения: 03.11.2020).

7. Декларация Министров «О наращивании усилий ОБСЕ по борьбе с терроризмом» MC.DOC/3/15/Corr.1 от 4 дек. 2015 г. // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/mc/230761?download=true (дата обращения: 03.11.2020).

8. Декларация Министров «О предупреждении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, и противодействии им» MC.DOC/4/15/Corr.1 от 4 дек. 2015 г. // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/mc/230761?download=true (дата обращения: 03.11.2020).

9. Декларация о запрещении применения военного, политического или экономического принуждения при заключении международных договоров от 23 мая 1969 г. // Международное право: сб. документов. М., 2000. С. 106.

10. Декларация о праве народов на мир: одобрена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 39/11 от 12 нояб. 1984 г. // Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 2000. С. 102–103.

11. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам: принята Резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 дек. 1960 г. // Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 2000. С. 97–99 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 05.11.2020).

12. Декларация о предотвращении и устранении споров и ситуаций, которые могут угрожать международному миру и безопасности, о роли ООН в этой области: принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 43/51 от 5 дек. 1988 г. // Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 816–820.

13. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 окт. 1970 г.: принята [Резолюцией 2625 (XXV) ГА ООН] // Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 65–73 // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 05.11.2020).

14. Декларация о присоединении Союза Советских Социалистических Республик к Договору об отказе от войны, заключенному в Париже 27 авг. 1928 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1966. Т. 11. С. 503–506.

15. Декларация о совершенствовании сотрудничества между Организацией Объединенных Наций и региональными соглашениями или органами в области поддержания международного мира и безопасности: принята Резолюцией № 49/57 (A/RES/49/75) Генеральной Ассамблеи от 9 дек. 1994 г. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/49/57 (дата обращения: 24.08.2020).

16. Декларация об укреплении международной безопасности: принята Резолюцией 2734 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 дек. 1970 г. // Действующее международное право. М., 1996. Т. 2. С. 202–206 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intsecurity.shtml (дата обращения: 30.10.2020).

17. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 7. Ст. 786.

18. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений от 8 апр. 2000 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/512 (дата обращения: 30.10.2020).

19. Договор о нераспространении ядерного оружия (справка) // Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/adernoe-nerasprostranenie/-/asset_publisher/JrcRGi5UdnBO/content/id/1138817 (дата обращения: 03.11.2020).

20. Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) в редакции Лиссабонского договора 2007 г. // Информ.-правовой портал Гарант.ру. URL: http://base.garant.ru/71715364/ (дата обращения: 02.11.2020).

21. Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики [от 27 авг. 1928 г.] // Электр. фонд правовой и норм.-техн. документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/901786550 (дата обращения: 05.11.2020).

22. Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (A/68/98*) // Официальный сайт ООН. URL:

http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/68/98&referer=/english/&Lang=R (дата обращения: 30.10.2020).

23. «Дорожные карты» четырех общих пространств, утвержденные на саммите Россия – ЕС, Москва, 10 мая 2005 г. // Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/evropejskij-souz-es/-/asset_publisher/6OiYovt2s4Yc/content/id/439524 (дата обращения: 03.11.2020).

24. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности // Официальный сайт ООН. Управление по вопросам разоружения. URL: https://www.un.org/disarmament/ru/достижения-в-сфере-информатизации-и-т/ (дата обращения: 30.10.2020).

25. Заключительный акт СБСЕ 1975 г. // От Хельсинки до Будапешта: история СБСЕ/ОБСЕ в документах 1973–1994 гг. М., 1996. Т. 1. С. 47–87.

26. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 авг. 1975 г. // Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 73–79 // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505 (дата обращения: 29.10.2020).

27. Закон СССР «О порядке ратификации и денонсации международных договоров Союзом Советских Социалистических Республик» от 20 авг. 1938 г. // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11.

28. Интерпретирующее Заявление делегации Канады в соответствии с пунктом 6 раздела IV.1(A) Правил процедуры ОБСЕ, дек. 2010 г. // Официальный сайт ОБСЕ. URL: http://www.osce.org/ru/cio/74990?download=true (дата обращения: 02.11.2020).

29. Интерпретирующее Заявление Российской делегации на 14-й встрече Совета МИД ОБСЕ, прошедшей 4–5 дек. 2006 г. в Брюсселе. MC.DEC/16/06/Corr.1 // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/mc/25070?download=true (дата обращения: 03.11.2020).

30. Итоговый документ Белградской встречи 1977 г. представителей государств-участников СБСЕ, Белград, 8 марта 1978 г. // От Хельсинки до

Будапешта: история СБСЕ/ОБСЕ в документах 1977–1994 гг. М., 1996. Т. 1. С. 95.

31. Комментарий Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова в «Журнале ОБСЕ» на тему «Планируя будущее: Хельсинки + 40», опубликованный в № 1 за 2013 г. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/126238 (дата обращения: 03.11.2020).

32. Конвенции и соглашения [по вопросам разоружения] // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_disarmament.shtml (дата обращения: 30.10.2020).

33. Конвенция о «негуманном» оружии [справка МИД РФ от 31.07.2020] // Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/obycnye-vooruzenia/-/asset_publisher/MlJdOT56NKIk/content/id/1130752 (дата обращения: 30.10.2020).

34. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февр. 2013 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/ (дата обращения: 24.08.2020).

35. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ № 640 от 30 нояб. 2016 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения: 12.08.2020).

36. Концепция коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности. URL: http://www.odkb.gov.ru/b/azc.htm (дата обращения: 30.10.2020).

37. Манильская декларация о мирном разрешении международных споров: принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 37/10 от 15 нояб. 1982 г. // Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 811–816.

38. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма: принята Резолюцией ГА ООН (A/RES/59/290) от 13 апр. 2005 г // Официальный сайт ООН. URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (дата обращения: 03.11.2020).

39. Меморандум об исполнении положений Протокола по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатив Президента России В. Путина // Официальный сайт ОБСЕ. URL: http://www.osce.org/ru/home/123807?download=true (дата обращения: 02.11.2020).

40. Обращение государств – участников Варшавского Договора ко всем европейским странам, принятое политическим консультативным комитетом государств – участников Варшавского Договора на совещании в Будапеште 17 марта 1969 г. // Организация Варшавского Договора: документы и материалы, 1955–1980 / под ред. В.Ф. Мальцева. М., 1980. С. 6–10.

41. ООН. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи (вторая часть пятнадцатой сессии). Первый комитет Генеральной Ассамблеи: политические вопросы и вопросы безопасности. Заседания Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН. 1149-1160. A/C.1.SR.1149-61, 21 марта – 21 апр. 1961 г. // Пленарные заседания Генеральной Ассамблеи. Сес. 15, ч. 2: стеногр. отчет. [Лондон], 1966. С. 69–148.

42. Определение агрессии: Резолюция № A/RES/3314(XXIX) // Действующее международное право. М., 1996. Т. 2. С. 199–202 // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 30.10.2020).

43. Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора 1997 г. // Бюллетень международных договоров. 1997. № 11. С. 35–43 // Официальный сайт НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (дата обращения: 30.10.2020).

44. Официальное сообщение Министерства иностранных дел Российской Федерации [о прекращении действия Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности, подписанного в Вашингтоне 8 дек. 1987 г.]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201908020001#print (дата обращения: 02.11.2020).

45. План действий Совета Россия – НАТО по борьбе с терроризмом // Официальный сайт НАТО, 15 апр. 2011 г. URL: https://www.nato.int/nrc-website/media/62581/2011.04.15_nrc_action_plan_on_terrorism.pdf (дата обращения: 03.11.2020).

46. Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании союзного государства (совершено 08.12.1999) // Российская газета. 2000. 1 февр.

47. Проект Договора о европейской безопасности // Официальный сайт Президента РФ, 29 нояб. 2009 г. URL: http://kremlin.ru/news/6152 (дата обращения: 03.11.2020).

48. Протокол [между СССР, Эстонией, Латвией, Польшей и Румынией о досрочном введении в действие Парижского договора от 27 авг. 1928 г. об отказе от войны в качестве орудия национальной политики] // Документы внешней политики СССР. М., 1967. Т. 12. С. 68–70.

49. Резолюции 41-й сессии ГА ООН № 41/171 (1986 г.) // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/ga/41/docs/41res.shtml (дата обращения: 30.10.2020).

50. Резолюции 43-й Сессии ГА ООН № 43/89 «Всеобъемлющий подход к укреплению международного мира и безопасности в соответствии с Уставом ООН (1988–1989 гг.)» // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/ga/43/docs/43res.shtml (дата обращения: 30.10.2020).

51. Резолюция ГА ООН A/RES/42/93 от 7 дек. 1987 г. «Всеобъемлющая система международного мира и безопасности» // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/42/93 (дата обращения: 29.10.2020).

52. Резолюция ГА ООН 60/45 от 8 дек. 2005 г. (A/RES/60/45) «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/60/45 (дата обращения: 30.10.2020).

53. Резолюция СБ ООН S/RES/2231 2015 от 20 июля 2015 г. «Совместный всеобъемлющий план действий», Вена, 14 июля 2015 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/s/res/2231(2015) (дата обращения: 03.11.2020).

54. Решение No. 557 «О Плане действий ОБСЕ по борьбе с торговлей людьми» // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/pc/42712?download=true (дата обращения: 03.11.2020).

55. Решение ВС РФ от 29 дек. 2014 г. (Дело № АКПИ14-1424С) [о признании международной организации «Исламское государство» террористической]. URL: http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1223842 (дата обращения: 30.10.2020).

56. Североатлантический пакт, Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апр. 1949 г. // Действующее международное право. М., 1996. Т. 2. С. 293–297 // Официальный сайт НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 30.10.2020).

57. Совместная декларация о сотрудничестве между ЕС и НАТО, Брюссель, 10 июля 2018 г. // Официальный сайт ЕС. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/48245/node/48245_ar (дата обращения: 30.10.2020).

58. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским Союзом о защите секретной информации от 01.07.2010 // Официальный сайт Постоянного Представительства РФ в ЕС. URL: https://russiaeu.ru/sites/default/files/user/files/Agreement%20on%20classified%20information_2010_Russian.pdf (дата обращения: 03.11.2020).

59. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерации, с одной стороны, и европейскими сообществами

и их государствами-членами, с другой стороны от 24.07.1994 // Официальный сайт Постоянного Представительства РФ в ЕС. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/partnership_and_cooperation_agreement_1997_russian.pdf (дата обращения: 03.11.2020).

60. Стамбульский документ 1999 г. Хартия Европейской безопасности (вместе с «Оперативным документом – платформой безопасности, основанной на сотрудничестве»). Стамбул, нояб. 1999 г. // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/mc/39573?download=true (дата обращения: 02.11.2020).

61. Статут Международного суда ООН (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) // Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 29–30 // Официальный сайт ООН. Международный суд. URL: http://www.un.org/ru/icj/statut.shtml (дата обращения: 29.10.2020).

62. Стенограмма вступительного слова и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам участия в Ежегодной конференции ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности «Вызовы жесткой безопасности в Евро-Атлантике. Роль ОБСЕ в создании устойчивой и эффективной системы безопасности». Вена, 23 июня 2009 г., № 1005-24-06-2009 // Официальный сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/news/smi/vystuplenie_ministra_inostrannykh_del_rossii_s_v_lavrova_na_otkrytii_ezhegodnoy_konferentsii_obse_po/ (дата обращения: 22.05.2020).

63. Указ Президента РФ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» № 605 от 7 мая 2012 г. // Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/157626 (дата обращения: 03.11.2020).

64. Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 дек. 2015 г. // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

65. Устав ООН (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) // Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 7–33 // Официальный сайт ООН. URL:

http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html (дата обращения: 29.10.2020).

66. Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» № 99-ФЗ от 24.05.1999 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 22. Ст. 2670.

67. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

68. Федеральный закон «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности» № 721012-7: принят Гос. Думой 18 июня 2019 г. URL: http://docs.cntd.ru/document/560523520 (дата обращения: 02.11.2020).

69. Федеральный Закон «О ратификации Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма» № 185-ФЗ от 2 окт. 2006 г. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 41. Ст. 4205.

70. Федеральный закон «О ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, учреждающего партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими Сообществами и их государствами-членами, с другой стороны № 135-ФЗ от 25 нояб. 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1998. № 16. Ст. 1802.

71. Agreement on the status of the North Atlantic Treaty Organization, National Representatives and International Staff signed Ottawa 20 September 1951 // NATO official website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17248.htm? (date of application: 30.10.2020).

72. Conference of Speakers of the European Union Parliaments 23/04/2018 – 24/04/2018 1951. URL: https://www.parleu2017.ee/sites/default/files/2018-04/Final%20Conclusions%20Conference%20of%20Speakers%20Tallinn.pdf (date of application: 02.11.2020).

73. Council Decision establishing the list of projects to be developed under PESCO (6393/18) // Council of Europe official website. URL:

http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6393-2018-INIT/en/pdf (date of application: 02.11.2020).

74. Council Decision of 28 February 2002 setting up Eurojust with a view to reinforcing the fight against serious crime (2002/187/JHA) 1951 // Official Journal of the European Communities. 2002. Vol. L63. P. 1–13. URL: https://www.eurojust.europa.eu/sites/default/files/AboutUs/EULegalframework/Eurojust-Council-Decision-2009Consolidated-EN.pdf (date of application: 09.11.2020).

75. Council Decision of 6 April 2009 establishing the European Police Office (Europol) (2009/371/JHA) // Official Journal of the European Communities. 2009. Vol. L121. P. 37–66. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009D0371&from=EN (date of application: 02.11.2020).

76. Council Decision of 22 January 2001 (2001/79/CFSP) setting up the Military Committee of the European Union // Official Journal of the European Union. 2001. Vol. L27. P. 4–6. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/l_02720010130en00040006.pdf (date of application: 02.11.2020).

77. Council Joint Action (2004/551/CFSP of 12 July 2004) on the establishment of the European Defence Agency // Official Journal of the European Union. 2004. Vol. L245. P. 17–28 (Acts adopted under Title V of the Treaty on European Union). URL: https://www.eda.europa.eu/docs/documents/COUNCIL_JOINT_ACTION_2004_551_CFSP.pdf (date of application: 02.11.2020).

78. Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, Warsaw 2005 // Council of Europe official website. URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016808c3f55 (date of application: 02.11.2020).

79. Council recommendation concerning a roadmap for the implementation of PESCO (6588/1/18) // Council of Europe official website. URL: http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6588-2018-REV-1/en/pdf (date of application: 02.11.2020).

80. CSCE, Budapest Summit Declaration, Towards a Genuine Partnership in a New Area. Budapest. 6 December, 1994 // SIPRI Yearbook, 1995.

81. Decision of the Council of the Western European Union on the residual rights and obligations of the WEU (27 May 2011) 1951. URL: http://www.weu.int/index.html (date of application: 15.05.2018).

82. Declaration Cooperation on Artificial Intelligence. 10.04.2018 // The European Commission official website. URL: https://ec.europa.eu/jrc/communities/sites/jrccties/files/2018aideclarationatdigitalday docxpdf.pdf (date of application: 30.10.2020).

83. Declaration on Alliance Security Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Strasbourg (Kehl on 4 April 2009) // NATO official website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_52838.htm?mode=pressrelease (date of application: 29.10.2020).

84. EU-NATO Declaration ESDP, December 2002 // NATO official website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_19544.htm (date of application: 30.10.2020).

85. European Council meeting (14 December 2017): Conclusions (EUCO 19/1/17 REV 1) // Council of Europe official website. URL: http://www.consilium.europa.eu/media/32204/14-final-conclusions-rev1-en.pdf (date of application: 02.11.2020).

86. European Defence Union: Some Legal Considerations by Luigi Leonardo. Geneva Jean Monnet Working Paper, 03/2017.

87. IAEA. Board of Governors (GOV/2015/72) 15 December 2015 «Joint Comprehensive Plan of Action implementation and verification and monitoring in the Islamic Republic of Iran in light of United Nations Security Council Resolution 2231 (2015)». URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/gov-2015-72-derestricted.pdf (date of application: 03.11.2020).

88. IAEA. Road-map for the Clarification of Past and Present Outstanding Issues regarding Iran's Nuclear Programme (GOV/INF/2015/14, 14 July 2015). URL:

https://www.iaea.org/sites/default/files/gov-inf-2015-14.pdf (date of application: 03.11.2020).

89. José Manuel Barroso President of the European Commission – Statement at final press conference of European Council. Brussels. 26 march 2010. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_10_134 (date of application: 09.11.2020).

90. Letter dated 7 August 2008 from the Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations addressed to the President of the Security Council № S/2008/533. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Georgia%20S2008%20533.pdf (date of application: 30.10.2020).

91. Missile Defense, the Space Relationship, & the Twenty-First Century. Published for the Independent Working Group by The Institute for Foreign Policy Analysis. Copyright 2009. URL: http://www.ifpa.org/pdf/IWG2009.pdf (date of application: 30.10.2020).

92. Missile Defense Act of 1991 – 102nd Congress (1991–1992) // Congress.gov – official website for U.S. federal legislative information. URL: https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/564/text (date of application: 02.11.2020).

93. Notification on permanent structured cooperation (PESCO) to the council and to the high representative of the Union for foreign affairs and security policy // Council of Europe official website. http://www.consilium.europa.eu/media/31511/171113-pesco-notification.pdf date of application: 02.11.2020).

94. NRC Action Plan on Terrorism Strategic Objectives, 9 December 2004 // NATO website. URL: https://www.nato.int/nrc-website/media/59703/2004.12.09_nrc_action_plan_on_terrorism.pdf (дата обращения: 03.11.2020).

95. On the way towards a European Defence Union – A White Book as a first step / Directorate-general for external policies (Policy Department), April 2016 – PE 535.011 // European Union, 2016. P. 45.

96. Permanent Structured Cooperation: national perspectives and state of play / Directorate-general for external policies (Policy Department), July 2017 – PE 603.842 // European Union, 2017. P. 37.

97. Permanent Structured Cooperation (PESCO): factsheet // Council of Europe official website, 2019. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/34226/Permanent%20Structured%20Cooperation%20(PESCO)%20-%20Factsheet (date of application: 02.11.2020).

98. President Donald J. Trump to Withdraw the United States from the Intermediate-Range Nuclear Forces (INF) Treaty, February 1, 2019 // The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-withdraw-united-states-intermediate-range-nuclear-forces-inf-treaty/ (date of application: 30.04.2020).

99. Protocol No. I Modifying and Completing the Brussels Treaty: Signed at Paris, October 23, 1954; in force May 6, 1955 // Western European Union. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/protocol-no-i-modifying-and-completing-the-brussels-treaty/8E850B65BDEFE0F394F21A5F09E3C0B7 (date of application: 30.10.2020).

100. Statement on the Treaty on Intermediate-Range Nuclear Forces in Europe. Bruxelles, 22/10/2018, UNIQUE ID: 181022_7 // An official website of the European Union. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/52520/statement-treaty-intermediate-range-nuclear-forces-europe_en (date of application: 30.04.2020).

101. «The Indivisibility of Euro-Atlantic Security» Secretary General Marc Perrin de Brichambaut 18th Partnership for Peace Research Seminar Vienna Diplomatic Academy 4 February 2010 // OCSE website. URL: https://www.osce.org/sg/41452?download=true (date of application: 30.10.2020).

102. Treaty of Amsterdam Amending the Treaty on European Union, The Treaties Establishing the European Communities and Certain Related Acts 02/10/1997. URL: http://www.europarl.europa.eu/topics/treaty/pdf/amst-en.pdf (date of application: 02.11.2020).

103. Treaty on European Union, Maastrichton, 7 February 1992 // Council of Europe official website. URL: https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf (date of application: 02.11.2020).

104. UN System Task Team on the Post-2015 UN Development Agenda // UN website. URL: http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/Think%20Pieces/peace_and_security.pdf (date of application: 30.10.2020).

Литература

105. Абашидзе А.Х. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы / А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев. 2-е изд. М.: РУДН, 2012. 307 с.

106. Адарчев О.В. Западноевропейский союз в системе европейской безопасности / О.В. Адарчев. М.: Изд-во Академии ГШ ВС РФ, 1998. 100 с.

107. Анцилотти Д. Курс международного права / Д. Анцилотти; под ред. и с предисл. Д.Б. Левина. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 457 с.

108. Арбатов А.Г. Противоракетная оборона и новые стратегические отношения России и США / А.Г. Арбатов. М.: Междунар. центр науч. и техн. информации, 2002. 24 с.

109. [Аутсайдер]. Пакт Келлога / Outsider. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 72 с.

110. Афанасьева О.В. Краткий очерк истории Лиги Наций / О.В. Афанасьева. М.: Госполитиздат, 1945. 40 с.

111. Афоризмы: собрание мудрости всех времен и народов: 8800 афоризмов великих людей / сост. Д.Н. Бакун. М.: Астрель; АСТ, 2011. 686 с.

112. Базаркина Д.Ю. Координация контртеррористической деятельности в ЕС: краткий обзор основных организаций / Д.Ю. Базаркина // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. 2012. № 2. С. 79–84.

113. Баранов А.В. Сепаратизм в современном мире: политико-территориальный аспект / А.В. Баранов // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 107–123.

114. Барышев А.П. Мировая политика и Организация Объединенных Наций, 1945–2009 / А.П. Барышев. М.: Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами, 2009. 1340 с.

115. Баскин Ю.Я. История международного права / Ю.Я. Баскин, Д.И. Фельдман. М.: Междунар. отношения, 1990. 205 с.

116. Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса / ред. Л.И. Швецова [и др.]. М.: Мысль, 2006. 399 с.

117. Бекяшев К.А. Понятие, предмет, источники и система международного права. Правотворчество в международном праве / К.А. Бекяшев // Международное публичное право. М., 2010. С. 11–70.

118. Бекяшев К.А. Принцип неприменения силы и угрозы силой / К.А. Бекяшев // Международное публичное право. М., 2010. С. 119–126.

119. Бекяшев К.А. Принцип уважения государственного суверенитета / К.А. Бекяшев // Международное публичное право. М., 2010. С. 112–116.

120. Бекяшев К.А. Разрешение споров в рамках ОБСЕ / К.А. Бекяшев // Международное публичное право. М., 2010. С. 249–253.

121. Бекяшев К.А. Совет Безопасности ООН / К.А. Бекяшев // Международное публичное право. М., 2010. С. 424–432.

122. Белоус В.С. Противоракетная оборона и оружие XXI века / В.С. Белоус. М.: Вече, 2002. 479 с.

123. Бирюков П.Н. Международное право: учебник / П.Н. Бирюков. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. 793 с.

124. Бланк Р.М. Лига Наций: ее организация, ее конституция, ее значение для международного мира / Р.М. Бланк. Берлин: Междунар. изд-во, 1924. 108 с.

125. Блищенко И.П. Принцип разоружения и создание безъядерного и ненасильственного мира / И.П. Блищенко, М.М. Солнцева // Мировая политика и международное право мира. М., 1991. С. 46–62.

126. Блищенко И.П. Социалистическая концепция международного права: учеб. пособие / И.П. Блищенко. М.: Изд-во РУДН, 1991. 87 с.

127. Бобров Р.Л. Организация Объединенных Наций: международно-правовой очерк / Р.Л. Бобров, С.А. Малинин. 2-е изд. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 83 с.

128. Богданов О.В. Некоторые международно-правовые аспекты проблемы разоружения / О.В. Богданов // Международное право и международный правопорядок. М., 1981. С. 12–28.

129. Боевое содружество братских народов и армий / под общ. ред. И.И. Якубовского. М.: Воениздат, 1975. 295 с.

130. Бордачев Т. Россия и Европейский Союз: три вопроса о новых принципах отношений: доклад междунар. дискуссионного клуба «Валдай», Москва, 2016 г. / Т. Бордачев. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/reports/rossiya-i-evropeyskiy-soyuz/ (дата обращения: 03.11.2020).

131. Боте М. Обеспечение международного мира и безопасности и право вооруженных конфликтов / М. Боте // Международное право = Volkerrecht / науч. ред. Т.Ф. Яковлева. М.; Берлин, 2011. С. 813–924.

132. Бруз В.В. Деятельность Организации Варшавского Договора по обеспечению европейской безопасности: (историогр. исследование) / В.В. Бруз. М.: Изд-во МГОУ, 2009. 385 с.

133. Буткевич О.В. У истоков международного права / О.В. Буткевич. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. 879 с.

134. В Государственной Думе прошли парламентские слушания на тему: «О Договоре между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений» // Официальный сайт ГД РФ. URL: http://duma.gov.ru/news/4557/ (дата обращения: 03.11.2020).

135. Варшавский договор: история и современность / В.Н. Лобов [и др.]; под общ. ред. П.Г. Лушева. М.: Воениздат, 1990. 256 с.

136. Варшавский договор – союз во имя мира и социализма / под общ. ред. В.Г. Куликова. М.: Воениздат, 1980. 295 с.

137. Васильев Н.М. Организация Варшавского договора / Н.М. Васильев // Военная энциклопедия / гл. ред. П.С. Грачев [и др.]. М., 2002. Т. 6. С. 104–105.

138. Ваттель Э. де. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / Э. де Ваттель. М.: Госюриздат, 1960. 720 с.

139. Верещетин В.С. Сохранение и укрепление Договора по ПРО как важный элемент международной безопасности / В.С. Верещетин // Всеобъемлющая система международной безопасности. Международное право. М., 1987. С. 26–39.

140. Версальский мирный договор: полный перевод с французского подлинника / под ред. Ю.В. Ключникова, А. Сабанина. М.: Литиздат НКИД, 1925. XXXI, 198 с.

141. Витцтум В. Понятие и сфера действия международного права / В. Витцтум // Международное право = Volkerrecht / науч. ред. Т.Ф. Яковлева. М.; Берлин, 2011. С. 2–87.

142. Воронков Л.С. ОБСЕ и европейская безопасность. Что дальше? / Л.С. Воронков // Современная Европа. 2018. № 1. С. 69–79.

143. Выступление [Д.А. Медведева] на конференции по вопросам мировой политики, 8 окт. 2008 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/1659 (дата обращения: 03.11.2020).

144. Выступление Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на пленарном заседании СМИД ОБСЕ, Дублин, 6 дек. 2012 г. // МИД РФ, Департамент информации и печати. URL: https://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/131766 (дата обращения: 18.05.2018).

145. Выступление Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на 48-й Мюнхенской Конференции по вопросам безопасности, Мюнхен, 4 февр. 2012 г. // Официальный сайт Посольства РФ в ФРГ. URL: https://russische-botschaft.ru/ru/2012/02/07/vystuplenie-ministra-inostrannykh-de-6/ (дата обращения: 03.11.2020).

146. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на 49-й Мюнхенской Конференции по вопросам безопасности, Мюнхен, 2 февр. 2013 г. URL: https://news2.ru/story/375047/ (дата обращения: 03.11.2020).

147. Выступление Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на 16-м заседании СМИД ОБСЕ, Хельсинки, 5 дек. 2008 г.: [видео]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/rso/osce/-/asset_publisher/bzhxR3zkq2H5/content/id/302982 (дата обращения: 03.11.2020).

148. Выступление Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 17 февр. 2018 г. // Официальный сайт Постоянного Представительства РФ в ЕС. URL: https://russiaeu.ru/ru/vystuplenie-svlavrova-na-munhenskoi-konferencii-po-voprosam-politiki-bezopasnosti (дата обращения: 03.11.2020).

149. Выступление первого заместителя Министра иностранных дел РФ А.И. Денисова на открытии 11-й Европейской Конференции па безопасности и обороне, Берлин, 27 нояб. 2012 г. № 2219-27-11-2012 // Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publba0Cjv/content/id/133194 (дата обращения: 03.11.2020).

150. Выступление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева на 64-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 24 сент. 2009 г. // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/ga/pdf/64russia.pdf (дата обращения: 03.11.2020).

151. Гаврилов Ю. Шесть статей к ратификации: Госдума рассмотрела во втором чтении законопроект по договору СНВ-3 // Российская газета. 2011. 14 янв. URL: https://rg.ru/2011/01/14/snv-site.html (дата обращения: 30.10.2020).

152. Гидирим А.В. Юридическая природа Заключительного акта СБСЕ: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.В. Гидирим. М., 1980. 23 с.

153. Государства – участники ОБСЕ // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/participating-states (дата обращения: 02.11.2020).

154. Громыко А.А. Памятное: в 2 кн. / А.А. Громыко. 2-е изд., доп. М.: Изд-во полит. лит., 1990. Кн. 1. 512 с.; Кн. 2. 558 с.

155. Громыко Ан.А. Вызовы XXI века и Организация Объединенных Наций / Ан.А. Громыко. М.: ЛЕНАНД, 2012. 80 с.

156. Гуго Гроций. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права: [репринт с изд. 1956 г.] / Гуго Гроций. М.: Ладомир, 1994. 878 с.

157. Гущин Е. Отношение стран СНГ к проекту Договора о европейской безопасности / Е. Гущин // Договор о европейской безопасности: импульс к развитию отношений России и Европы. М., 2011. С. 57–72. URL: https://www.hse.ru/data/2012/02/08/1262567777/Dogovor%20o%20evtopeiskoi%20besopasnosti.pdf (дата обращения: 03.11.2020).

158. Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовое регулирование труда на региональном уровне: дис. … д-ра юрид. наук / Р.Ш. Давлетгильдеев. Казань, 2016. 586 с. URL: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/DISSERTATION/F1647160894/Dissertaciya_Davletgildeev.pdf (дата обращения: 05.11.2020).

159. Дегтярева Е.А. Консолидационные вопросы в оборонной промышленности Европейского союза / Е.А. Дегтярева. М.: РУДН, 2016. 232 с.

160. Дипломатический словарь: в 3 т. / гл. ред. А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1960–1964. Т. 1–3.

161. Договор СНВ-2 и национальная безопасность России (стратег., полит. и экон. аспекты сокращения вооружений) / Центр геополит. и воен. прогнозов. М.: ЦГВПЭ, 1993. 91 с.

162. Дружинин А. Путин: лидер в сфере искусственного интеллекта станет властелином мира / А. Дружинин // РИА Новости. 2017. 1 сент. URL: https://ria.ru/technology/20170901/1501566046.html (дата обращения: 30.10.2020).

163. Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / под ред. О.Ю. Потемкиной. М.: Весь Мир, 2012. 656 с. (Старый Свет – новые времена).

164. Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под общ. ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. М.: Весь мир, 2015. 592 с.

165. Европейское право: учебник и практикум / под. ред. А.И. Абдуллина, Ю.С. Безбородова. М.: Юрайт, 2018. 238 с.

166. Евсеев В.В. Перспективы иранской ядерной программы при Президенте Хасане Роухани / В.В. Евсеев. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2013. 226 с.

167. Емельянова Н.Н. Европейский Союз, вооруженные силы и международное право / Н.Н. Емельянова; под ред. М.Н. Копылова. М.: Изд. Дом Пруденс, 2010. 185 с.

168. Жухрай В.М. Роковой просчет Гитлера: крах блицкрига (1939–1941) / В.М. Жухрай. М.: Вече, 2000. 382 с.

169. За военната политика на партията / Д. Джуров, А. Семерджиев, К. Косев, Х. Добрев; под ред. Т. Лилкова. София: Военно изд-во, 1977. 159 с.

170. Загорский А.В. Хельсинский процесс: переговоры в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1972–1991 гг. / А.В. Загорский. М.: Права человека, 2005. 447 с.

171. Задорожный Г.П. ООН и мирное сосуществование государств / Г.П. Задорожный. М.: Знание, 1958. 54 с.

172. Иванов И.С. РФ и Европа: от романтики к прагматике: аналитическая статья / И.С. Иванов // Официальный сайт РСМД, 29 янв. 2018 г. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rf-i-evropa-ot-romantiki-k-pragmatike/ (дата обращения: 03.11.2020).

173. Интервью Постоянного представителя России при Евросоюзе В.А. Чижова газете «Ди Вельт» // Официальный сайт Постоянного Представительства РФ в ЕС. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-vpolne-mogla-by-rassmotret-svoye-uchastie-v-proektakh-oboronnoy-politiki-es-v-ramkakh-pesco/?bx_sender_conversion_id=645257 (дата обращения: 03.11.2020).

174. История внешней политики СССР, 1917–1980: в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР; под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1980. Т. 1. 511 с.

175. История дипломатических отношений СССР/России и США (справка) // РИА Новости. 2009. 12 окт. URL: https://ria.ru/politics/20091012/188552715.html (дата обращения: 30.10.2020).

176. Казанчев Ю.Д. Правовое регулирование применения силы в международных вооруженных конфликтах / Ю.Д. Казанчев // Права человека и вооруженные конфликты. М., 2001. С. 20–63.

177. Калиниченко П.А. Россия и Европейский Союз: двусторонняя нормативная база взаимоотношений / П.А. Калиниченко. М.: Элит, 2011. 349 с.

178. Каменецкая Е.П. Политико-правовые последствия «стратегической оборонной инициативы» для американских союзников / Е.П. Каменецкая // Всеобъемлющая система международной безопасности. Международное право. М., 1987. С. 81–86.

179. Караганов С.А. США – Диктатор НАТО / С.А. Караганов, Г.А. Трофименко, В.С. Шеин. М.: Сов. Россия, 1985. 208 с.

180. Карибский (Кубинский) кризис 1962 г. [справка] // РИА Новости. 2017. 14 окт. URL: https://ria.ru/spravka/20171014/1506686346.html (дата обращения: 30.10.2020).

181. Карлюк М. Этические и правовые вопросы искусственного интеллекта / М. Карлюк // Официальный сайт Рос. Совета по междунар. делам, 18 апр 2018 г. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eticheskie-i-pravovye-voprosy-iskusstvennogo-intellekta/ (дата обращения: 30.10.2020).

182. Клемин А.В. Новый договор: Россия и Евросоюз вновь меряются силами / А.В. Клемин // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 3. С. 151–162.

183. Ключников Ю. Пакт Бриана-Келлога / Ю. Ключников // Международная жизнь. 1928. № 8. С. 2–22.

184. Коллективная безопасность // Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. 2-е изд. М., 1953. Т. 21. С. 619–620.

185. Коровин Е.А. «Разоружение»: проблема разоружения в международном праве; Лига Наций в фактах и документах (1920–1929) / Е.А. Коровин; ред. В.В. Егорьев. М.; Л.: Госиздат, 1930. 432 с.

186. Красиков Д.В. Современные международно-правовые проблемы квалификации «кибершпионажа» / Д.В. Красиков // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: реф. журн. Сер. 4, Государство и право. 2018. № 3. С. 225–229.

187. Кривчикова Э.С. Право международной безопасности / Э.С. Кривчикова // Международное право / отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М., 2003. С. 362–396.

188. Кузнецов Б.Л. НАТО – генератор хаоса в Европе XXI века / Б.Л. Кузнецов // Геополитика, международные отношения, государственная безопасность / под ред. А.П. Кудинова. СПб., 2011. С. 140–142.

189. Курдюков Г.И. Роль Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ/ОБСЕ) в развитии мирового политического процесса на рубеже XXI века: учеб. пособие / Г.И. Курдюков, Г.Н. Макарова. Казань: Новое издание, 2008. 129 с.

190. Лавров С.В. Россия готова к диалогу с США по стратегической стабильности / С.В. Лавров // Официальный сайт журнала «Международная жизнь», 14 апр. 2020 г. URL: https://interaffairs.ru/news/show/25996 (дата обращения: 30.04.2020).

191. Лазутин Л.А. Право международной безопасности. § 3. Коллективная безопасность / Л.А. Лазутин // Международное право / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2005. С. 463–471.

192. Лазутин Л.А. Право международной безопасности / Л.А. Лазутин // Международное право / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2005. С. 460–479.

193. Лата В.Ф. Договор СНВ-3 и система ПРО США: перспективы стратегической стабильности и национальной безопасности России / В.Ф. Лата // Официальный сайт Рос. Совета по междунар. делам, 22 сент. 2011 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=40 (дата обращения: 03.11.2020).

194. Левин Д.Б. Принцип мирного разрешения международных споров / Д.Б. Левин. М.: Наука, 1977. 112 с.

195. Лихачев В.Н. Договор о европейской безопасности как международный приоритет России / В.Н. Лихачев // Политика. 2011. № 90. URL: http://www.politika-magazine.ru/90/297-dogovor-o-evropejskoj-bezopasnosti-kak-mezhdunarodnyj-prioritet-rossii.html (дата обращения: 03.11.2020).

196. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учебник / И.И. Лукашук. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 2000. 436 с.

197. Ляхов Е.Г. Право безопасности государства и мирового сообщества в III тысячелетии от Рождества Христова / Е.Г. Ляхов, Д.Е. Ляхов, А.А. Алимов. Челябинск: Цицеро, 2013. 274 с.

198. Мазов В.А. Принципы Хельсинки и международное право / В.А. Мазов. М.: Наука, 1980. 223 с.

199. Макарычева М.Г. Российско-американские отношения и НАТО: оценки специалистов США / М.Г. Макарычева // Россия, НАТО и новая архитектура безопасности в Европе. Н. Новгород, 1998. С. 120–122.

200. Малинин С.А. Избранное: статьи и отрывки из книг / С.А. Малинин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 443 с.

201. Малинин С.А. Право международной безопасности / С.А. Малинин // Международное право / Талалаев А.Н. [и др.]. М., 1999. С. 278–279.

202. Малинин С.А. Право международной безопасности / С.А. Малинин // Курс международного права. М., 1989. Т. 4. С. 156–210.

203. Малинин С.А. Правовые основы разоружения / С.А. Малинин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. 183 с.

204. Малинин С.А. Проблемы разоружения в международном праве на современном этапе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / С.А. Малинин. Л., 1955. 19 с.

205. Манфред А.З. Антанта / А.З. Манфред // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1970. Т. 2. С. 49–50.

206. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов / Ф.Ф. Мартенс. СПб., 1883. Т. 2. 563 с.; 5-е изд., испр. и доп. СПб., 1905. Т. 2. 625 с.

207. Матвеева Т.Д. Принцип территориальной целостности в международно-правовом инструментарии мирного разрешения территориальных споров / Т.Д. Матвеева // Московский журнал международного права. 2018. № 1. С. 6–15.

208. Материалы докладов руководства Минобороны России на Международной конференции «Фактор противоракетной обороны в формировании нового пространства безопасности» [Москва, 3 мая 2012 г.] // Официальный сайт Министерства обороны РФ. URL: http://www.mil.ru/conference_of_pro/news/more.htm?id=11108033@egNews (дата обращения: 03.11.2020).

209. Международная безопасность и Мировой океан / отв. ред. Л.А. Иванащенко, Ю.М. Колосов. М.: Наука, 1982. 304 с.

210. Международное право: учебник / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М.: Норма: Инфра-М, 1999. 569 с.; 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2002. 577 с.; 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 624 с.

211. Международное право: учебник / отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М.: Статут, 2017. 496 с. (Учебник Казан. ун-та).

212. Международное право: учебник / под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко; Дипломатическая академия МИД РФ. М.: Омега-Л, 2006. 832 с.; 4-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2011. 831 с.

213. Международное право: учебник / отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД РФ. М.: Междунар. отношения, 2003. 715 с.

214. Международное публичное право: учебник / отв. ред. К.А. Бекяшев. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 997 с.

215. Мелешников А.В. К вопросу о допустимости применения ядерного оружия (по материалам консультативного заключения Международного Суда ООН) / А.В. Мелешников // Вестник Нижегор. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 4. С. 265–268.

216. Менжинский В.И. Борьба СССР за определение агрессии / В.И. Менжинский // Международное право на службе мира. М., 1979. С. 15–28.

217. Механизмы человеческого измерения [реализация Московского механизма ОБСЕ] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: http://www.osce.org/ru/odihr/84451 (дата обращения: 02.11.2020).

218. Министр обороны России выступил на международной конференции «Военные и политические аспекты европейской безопасности» [Москва, 23 мая 2013 г.] // Официальный сайт Министерства обороны РФ. URL: http://mil.ru/konf_evrodefence/news/more.htm?id=11754316@egNews (дата обращения: 03.11.2020).

219. Мовчан А.П. ООН и мирное сосуществование / А.П. Мовчан. М.: Изд-во МГУ, 1957. 36 с.

220. Моисеев Е.Г. Коллективная международная безопасность / Е.Г. Моисеев // Международное право. М., 2015. С. 191–194.

221. Моисеев Е.Г. Международно-правовые основы обеспечения европейской безопасности / Е.Г. Моисеев // Евразийский юридический журнал. 2010. № 2. С. 15–19.

222. Моисеев Е.Г. Право международной безопасности / Е.Г. Моисеев // Международное право / отв. ред. К.А. Бекяшев. М., 2015. С. 189–201.

223. Моисеев Е.Г. Право международной безопасности / Е.Г. Моисеев // Международное публичное право / отв. ред. К.А. Бекяшев. М., 2011. С. 484–502.

224. Моисеев Е.Г. Право международной безопасности: понятие и принципы / Е.Г. Моисеев // Международное право / отв. ред. К.А. Бекяшев. М., 2015. С. 189–191.

225. Молчанов Н.Н. Провал «Европейского оборонительного сообщества» – успех дела мира в Европе / Н.Н. Молчанов. М.: Знание, 1954. 40 с.

226. Монин М.Е. Содружество, рожденное в боях: о совместной работе Советских Вооруж. Сил и армий стран Вост. и Юго-Вост. Европы против войск фашистской Германии / М.Е. Монин. М.: Воениздат, 1971. 419 с.

227. Мюллерсон Р. 2019 – год важных годовщин: о чем они нам говорят? // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2019. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/2019-god-vazhnykh-

godovshchin/?fbclid=IwAR1MFuE6V2Z-InCzpivLljwM9tpn9ujuepAlyCQrzPODx6U-hICvro9lJNg (дата обращения: 02.11.2020).

228. Мюллерсон Р.А. Международное право, внешняя политика и дипломатия / Р.А. Мюллерсон // Курс международного права. М., 1989. Т. 1. С. 304–320.

229. Мюллерсон Р.А. Третья мировая война: как это будет / Р.А. Мюллерсон // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2018. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tretya-mirovaya-voyna/ (дата обращения: 02.11.2020).

230. НАТО в 2020 году: гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие: анализ и рекомендации группы экспертов по новой Стратегической Концепции НАТО // Официальный сайт НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_63654.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 03.11.2020).

231. О перспективах развития отношений России и НАТО / под общ. ред. И.Ю. Юргенса, С.А. Кулика. М.: Ин-т современного развития, 2010. 67 с.

232. Об отношениях Россия – НАТО (справка МИД РФ) // Официальный сайт МИД РФ, 28 дек. 2017 г. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/rso/nato/-/asset_publisher/ObVB8wSP5tE2/content/id/3011555 (дата обращения: 09.11.2020).

233. Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1, полутом 1. Мир / Л. Оппенгейм; пер. с 6-го англ. изд. Г. Лаутерпахта. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. 407 с.

234. Организация Варшавского договора: документы и материалы, 1955–1980 гг. / отв. ред. В.Ф. Мальцев. М.: Политиздат, 1986. 422 с.

235. Орлова Ю.М. Механизм и перспективы расширения Европейского союза / Ю.М. Орлова, Л.Ю. Кухнина // Вестник Нижегор. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3. С. 167–170.

236. Осипов Г.А. Международно-правовые аспекты советской программы ядерного оружия / Г.А. Осипов // Всеобъемлющая система международной безопасности. Международное право. М., 1987. С. 40–44.

237. Остроухов Н.В. Сепаратизм и противодействие ему: международно-правовые аспекты и основные направления международного сотрудничества / Н.В. Остроухов // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруденция. 2013. № 4. С. 131–136.

238. [Ответ Президента РФ В.В. Путина на вопрос по проблематике ПРО на пресс-конференции по итогам встречи глав государств и правительств стран – членов «Группы двадцати» в Лос Кабосе (Мексика), 20 июня 2012 г] // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/15698 (дата обращения: 03.11.2020).

239. Отношения с Россией (справка) // Официальный сайт НАТО, 18 сент. 2018 г. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50090.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 03.11.2020).

240. Официальный визит Президента России Д.А. Медведева в Германию, Берлин, 5 июня 2008 г. О встрече Дмитрия Медведева с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии // Информационный бюллетень / МИД РФ. Департамент информации и печати. 2008. 6 июня. С. 10–15.

241. Пархалина Т. Россия – НАТО через год после Лиссабона: надежды и разочарования / Т. Пархалина // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы: бюллетень. М., 2011. Вып. 26. С. 5–8.

242. Первая годовщина со дня подписания Основополагающего акта Россия – НАТО: итоги и перспективы = The first anniversary of NATO – Russia founding act: Appraisal and outlook: материалы междунар. конф., Москва, 19–20 июня 1998 г. М.: НИИОН РАН, 1999. 257 с.

243. Петросян С. Торговля людьми (траффикинг): пособие для преподавателей и студентов / С. Петросян, Г. Хачатрян; Междунар. орг-ция по миграции (МОМ Миссия в Армении). Ереван: [Б. и.], 2013. 128 с.

244. Подберезкин А.И. Договор СНВ-2 и будущее стратегических ядерных сил (анализ, проблемы, перспективы) / А.И. Подберезкин. М.: Духовное наследие, 1999. 121 с.

245. Подходы ЕС и его стран-членов к созданию автономного оборонного потенциала: аналитический доклад / под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 31 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2017/2017_016.pdf (дата обращения: 02.11.2020).

246. Полтавский М.А. Тройственный союз / М.А. Полтавский // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1977. Т. 26. С. 239–240.

247. Президент [РФ Д.А. Медведев]: Договор о СНВ может быть приостановлен, если США будут развивать ПРО в Европе // Российская газета. 2011. 18 мая. URL: https://rg.ru/2011/05/18/pro-anons.html (дата обращения: 30.10.2020).

248. Президент РФ предложил не продлевать СНВ-3 // Телевидение Государственной Думы Федер. Собрания РФ, 6 июня 2019 г. URL: https://dumatv.ru/news/prezident-rf-predlozhil-ne-prodlevat (дата обращения: 03.11.2020).

249. Проблемы и перспективы сотрудничества России с США/НАТО в сфере противоракетной обороны / отв. ред. В.И. Трубников. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 41 с.

250. Проволоцкий В.В. К вопросу о праве международной безопасности: проблемы определения понятия, предмета и содержания / В.В. Проволоцкий, В.С. Иваненко // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9. С. 73–79.

251. Разрядка // Большая энциклопедия / гл. ред. С.А. Кондратов. М., 2006. Т. 40. С. 454.

252. Рогозин Д.О. НАТО точка РУ / Д.О. Рогозин. М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. 287 с.

253. Родин А.М. Локарнская конференция 1925 г. / А.М. Родин // Военная энциклопедия / гл. ред. П.С. Грачев [и др.]. М., 1999. Т. 4. С. 471.

254. РФ в ходе заседания глав МИД ОБСЕ поставит вопрос об отмене виз // Российская газета. 2012. 22 нояб. URL: http://www.rg.ru/2012/11/22/vizy-anons.html (дата обращения: 03.11.2020).

255. Рыбаков Ю.М. Правовые аспекты обеспечения всеобъемлющей системы международной безопасности и развитие международного сотрудничества / Ю.М. Рыбаков // Всеобъемлющая система международной безопасности. Международное право. М., 1987. С. 8–13.

256. Савельев А.Г. Политические и военно-стратегические аспекты Договоров СНВ-1 и СНВ-2 / А.Г. Савельев. М.: ИМЭМО РАН, 2000. 156 с.

257. Сейранян Ф.Г. Россия и НАТО: конфронтация или сотрудничество? / Ф.Г. Сейранян, А.И. Панов, Д.Н. Калачев. М.: ЭЙДОС, 2010. 280 с.

258. Секретариат ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/secretariat (дата обращения: 02.11.2020).

259. Сенаторы одобрили приостановление действие Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности, 26.06.2019 // Официальный сайт Совета Федерации Федер. Собрания РФ. URL: http://council.gov.ru/events/news/106032/ (дата обращения: 30.04.2020).

260. Сергеев И.Д. Без первого удара / И.Д. Сергеев // Российская газета. 2001. 13 нояб.

261. Скакунов Э.И. Самооборона в международном праве / Э.И. Скакунов. М.: Междунар. отношения, 1973. 176 с.

262. Собакин В.К. Равная безопасность: принцип равенства и одинаковой безопасности в современных международных отношениях / В.К. Собакин. М.: Междунар. отношения, 1984. 240 с.

263. Совет Евроатлантического партнерства [Euro-Atlantic Partnership Council] // Официальный сайт НАТО, 27 февр. 2018 г. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics_49276.htm (дата обращения: 03.11.2020).

264. Совместное заявление Президента РФ Д. А. Медведева и Президента США Б. Обамы по вопросам ПРО от 6 июля 2009 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://kremlin.ru/ref_notes/35 (дата обращения: 30.10.2020).

265. Соколов В.А. Международное право: учебник / В.А. Соколов. М.: Мысль, 2006. 607 с.

266. Спенсер О. Время для новой стратегии ОБСЕ? / О. Спенсер, М. Чепурина // Сообщество безопасности: журнал ОБСЕ. 2015. Вып. 1. С. 20–21.

267. 100-летие инициативы России: от Первой конференции мира 1899 г. к Третьей конференции мира 1999 г.: сб. материалов / С.-Петерб. регион. отд-ние Рос. ассоц. содействия ООН, Юрид. фак. С.-Петерб. гос. ун-та. СПб., 1999. 167 с.

268. Страницы истории ООН // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/sections/history/history-united-nations/ (дата обращения: 02.11.2020).

269. Стратегическая стабильность после холодной войны / А.Г. Арбатов, В.З. Дворкин, А.А. Пикаев, С.К.Ознобищев. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 59 с.

270. Сунь-цзы. Искусство войны / Сунь-цзы. М.: Э, 2015. 423 с.

271. Сяоцюань В. Скрытая логика США, обусловившая выход из ДРСМД / В. Сяоцюань // Официальный сайт Рос. Совета по междунар. делам, 1 апр. 2020 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/skrytaya-logika-ssha-obuslovivshaya-vykhod-iz-drsmd/?bx_sender_conversion_id=625330 (дата обращения: 05.11.2020).

272. Тадтаев Г. Лавров объяснил отказ от подписания договора о запрете ядерного оружия / Г. Тадтаев // Телеканал РБК. 2018. 17 марта. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aad4e799a79479fd56b6a6e (дата обращения: 03.11.2020).

273. Тахир М. Глобальная и региональные системы коллективной безопасности на современном этапе (международно-правовые аспекты): дис. … д-ра юрид. наук / М. Тахир. СПб., 2004. 404 с.

274. Тигров К. В Минобороны рассказали о применении искусственного интеллекта в ВС РФ / К. Тигров // Телеканал «Звезда». 2018. 15 марта. URL: https://tvzvezda.ru/news/forces/content/201803151914-bcyl.htm (дата обращения: 30.10.2020).

275. Толстых В.Л. Курс международного права: учебник / В.Л. Толстых. М.: Волтерс Клувер, 2010. 1032 с.

276. Тонких П.С. Отношения России с НАТО и ОБСЕ в контексте новой архитектуры евроатлантической безопасности / П.С. Тонких // Договор о Европейской безопасности: импульс к развитию отношений России и Европы. М., 2011. С. 152–168.

277. Тузмухамедов Б.Р. От политических деклараций – к правовым доводам / Б.Р. Тузмухамедов // Независимая газета. 2008. 2 сент. URL: http://www.ng.ru/politics/2008-09-02/3_kartblansh.html (дата обращения: 30.10.2020).

278. Тузовская Н. Отношения ЕС и НАТО: «Стратегическое партнерство?» / Н. Тузовская // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. М., 2009. Вып. 17. С. 6–7.

279. Тункин Г.И. Процесс создания норм и источники международного права / Г.И. Тункин // Курс международного права. М., 1989. Т. 1. С. 182–219.

280. Тункин Г.И. Теория международного права / Г.И. Тункин. М.: Зерцало, 2000. XVI, 397 с.

281. Тюрина Н.Е. Глобализация как объективная тенденция в развитии международного права / Н.Е. Тюрина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2007. Т. 149, кн. 6. С. 303–315.

282. Тюрюканова Е.В. Торговля людьми в Российской Федерации: обзор и анализ текущей ситуации по проблеме / Е.В. Тюрюканова; Фонд «Ин-т экономики города» для рабочей группы агентств ООН; Междунар. орг-ция по миграции по проблемам торговли людьми. М.: ЮНИСЕФ, 2006. 154 с.

283. Уляницкий В.А. Лекции по международному праву / В.А. Уляницкий. М., 1897. 149 с.

284. Уляницкий В.А. Международное право / В.А. Уляницкий. М.: Междунар. отношения, 2010. 482 с. (Золотой фонд рос. науки междунар. права: антология; Т. 3).

285. Ушаков Н.А. Проблемы теории международного права / Н.А. Ушаков. М.: Наука, 1988. 188 с.

286. Федоров В.Н. ООН и стратегия мира / В.Н. Федоров. М.: Междунар. отношения, 1975. 181 с.

287. Фененко А.В. Кризис Вайомингского компромисса / А.В. Фененко // Независимая газета. 2009. 9 дек. URL: http://www.ng.ru/ideas/2009-12-09/5_crisis.html (дата обращения: 03.11.2020).

288. Фролов Б.П. Первая мировая война / Б.П. Фролов // Военная энциклопедия / гл. ред. П.С. Грачев [и др.]. М., 2002. Т. 6. С. 309–326.

289. Холодная война // Дипломатический словарь / гл. ред. А.А. Громыко [и др.]. М., 1986. Т. 3. С. 536–538.

290. Холодная война // Энциклопедия российско-американских отношений XVIII–XX вв. / [авт. и сост. Э.А. Иванян]. М., 2001. С. 597.

291. Хроника российско-американских отношений XVIII–XX вв. // Энциклопедия российско-американских отношений XVIII–XX вв. / [авт. и сост. Э.А. Иванян]. М., 2001. С. 648–649.

292. Циммерман М.А. Очерки нового международного права. Мирные договоры. Лига Наций. Постоянная палата Международного Суда / М.А. Циммерман. Прага: Пламя, 1923. 330 с.

293. Черненко Е. Автомат с «калашниковым» / Е. Черненко // Коммерсантъ. 2018. 16 авг. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3714419 (дата обращения: 30.10.2020).

294. Черниченко С.В. Нормы и принципы международного права: учеб. пособие / С.В. Черниченко; ДА МИД РФ. М.: Науч. книга, 1998. 28 с.

295. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 18–31 дек. 1925 г.: стеногр. отчет. М.; Л.: Госиздат, 1926. 1029 с. URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01008872055#?page=32 (дата обращения: 05.11.2020).

296. Шайхутдинова Г.Р. Продвинутое сотрудничество государств в европейском праве: дис. … д-ра юрид. наук / Г.Р. Шайхутдинова. Казань, 2007. 360 с.

297. Шайхутдинова Г.Р. Продвинутое сотрудничество государств в Европейском праве / Г.Р. Шайхутдинова. Казань: Акад. управления «ТИСБИ», 2007. 232 с.

298. Шатров В.П. Хельсинкский объединительный процесс / В.П. Шатров // Курс международного права. М., 1993. Т. 7. С. 156–189.

299. Штоль В.В. НАТО: динамика эволюции / В.В. Штоль. М.: Науч. книга, 2002. 416 с.

300. Щит России: системы противоракетной обороны / В.С. Белоус [и др.]. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. 502 с.

301. Энтин М.Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский союз в 2004–2005 гг. / М.Л. Энтин. СПб.: Россия-Нева, 2006. 576 с.

302. Atak I. National security, terrorism and the securitization of migration / I. Atak, F. Crépeau // Research handbook on international law and migration. Cheltenham-Northampton, 2014. P. 93–112. URL: https://www.e-elgar.com/shop/eep/preview/book/isbn/9780857930057/ (date of application: 25.07.2018).

303. Beneyto J.M. A Constitutional Moment / J.M. Beneyto // The Lisbon Treaty: EU Constitutionalism without a Constitutional Treaty? Vienna, 2008. Vol. 11. P. 3–18.

304. Biscop S. Europe, Strategy and Armed Forces – The making of a distinctive power / S. Biscop, J. Coelmont. Routledge, 2012. 152 p.

305. Caniglia M. The PESCO awakens / M. Caniglia // BullsEye the magazine of the European Democrat Students. 2018. № 72 (April). P. 27. URL: http://www.bullseye-magazine.eu/article/the-pesco-awakens/ (date of application: 02.11.2020).

306. Charalampous M. From a European to a Common Security and Defence Policy / M. Charalampous // IES Working paper. 2010. № 5. P. 1–42.

307. Common Security and Defence Policy (CSDP): structure, instruments, agencies // European Union official website, 2016. URL: https://eeas.europa.eu/topics/crisis-response/5392/csdp-structure-instruments-and-agencies_en (date of application: 02.11.2020).

308. Dauvergne C. Irregular migration, state sovereignty and the rule of law / C. Dauvergne // Research Handbook on International Law and Migration. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2014. P. 75–92.

309. Documents on German Foreign Policy, 1918–1945. Vol. 3. Germany and the Spanish civil war 1936–1939. Washington: United States Government Printing Office Washington, 1951. LXXXVI, 731 p.

310. Dronov V. From CSCE to OSCE: Historical Retrospective / V. Dronov // Aspect of Statehood and Institutionalism in Contemporary Euro. GB, 1997. P. 106.

311. EU member countries map // European Union official website. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/countries_en#map (date of application: 02.11.2020).

312. Fiott D. Permanent Structured Cooperation: What's in a name? / D. Fiott, A. Missiroli, T. Tardy // Chaillot paper № 142; EU Institute for Security Studies and printed. Luxembourg, 2017. 68 p. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_142_ONLINE.pdf (date of application: 02.11.2020).

313. France O. How to make PeSCo a success / O. France, C. Major, P. Sartori // Policy Paper. 2017. № 21 (September). P. 3. URL: http://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2017/09/Ares-21-Policy-Paper-Sept-2017.pdf (date of application: 02.11.2020).

314. Habermas J. Bestialität und Humanität. Ein Krieg an der Grenze zwischen Recht und Moral / J. Habermas // Die Zeit. 1999. № 18.

315. Hyland W.G. The Cold War is over / W G. Hyland. New York: Random house, 1990. 380 p.

316. Independence, asymmetric crises, and European defence cooperation // European security. 2017. Vol. 26, № 2. P. 226–252.

317. Gromyko A.A. The USSR's activities in the UN for peace, security and cooperation: 1945–1985 / A.A. Gromyko, G.M. Kornienko. M.: Progress, 1987. 335 s.

318. Jennings R. International Law / R. Jennings // Encyclopedia of Public International Law. Amsterdam, 1984. Vol. 7. P. 228–297.

319. Kaddous C. Role and position of the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy under the Lisbon Treaty / C. Kaddous // The Lisbon Treaty: EU Constitutionalism without a Constitutional Treaty? Vienna, 2008. Vol. 11. P. 205–221.

320. Kelsen H. The Law of the United Nations. A critical analysis of Its fundamental problems / H. Kelsen. London: Stevens and Sons, 1951. 994 p.

321. Malcolm N. International law / N. Malcolm. Sixth edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 1710 p.

322. Mandelbaum M. Preserving a New Peace / M. Mandelbaum // Foreign affairs. 1995. Vol. 74, № 3. P. 9–13.

323. Matlary J.H. Hard power in hard time. Can Europe act strategically? / J.H. Matlary; Department of Political Since, Blindern. Oslo, Norway: AG part of Springer Nature, 2018. 285 p.

324. Myers D.P. Origin and conclusion of the Paris pact / D.P. Myers. Boston, 1929. 227 p.

325. NATO on the map // North Atlantic Treaty Organisation official website. URL: https://www.nato.int/nato-on-the-map/#lat=52.05220359365761&lon=14.165523264409103&zoom=0 (date of application: 02.11.2020).

326. Norheim-Martinsen M. Beyond Intergovernmentalism: European Security and Defence Policy and the Governance Approachjcms / M. Norheim-Martinsen // Journal of Common Market Studies. 2010. Vol. 48, № 5. P. 1351–1365.

327. O'Brien J. International Law / J. O'Brien. London: Taylor and Francis, 2001. 972 p.

328. Perchoc Ph. The Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE) – 40 years after Helsinki / Ph. Perchoc; Briefing, November 2015 // European Parliament website. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/571317/EPRS_BRI(2015)571317_EN.pdf (date of application: 03.11.2020).

329. Reisman W.M. Kosovo's Antinomies / W.M. Reisman // AJIL. 1999. Vol. 93, № 4. P. 860–862.

330. Restoring trust: the Corfu Process // OCSE website, 1 December 2010. URL: https://www.osce.org/mc/87193 (дата обращения: 03.11.2020).

331. Rupel D. Echo of cold war / D. Rupel // OSCE Magazine. 2005. Vol. 1, № 2. P. 8.

332. Sarooshi D. The United Nations and the development of the collective security: the delegation by the UN Security Council of its Chapter VII powers / D. Sarooshi. Oxford: Clarendon Press, 1999. XXII, 311 p.

333. Scott G. The Rise and Fall of the League of Nations / G. Scott. London: Hutchinson & Co LTD, 1973. 432 p.

334. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy 2016 // Official website of the European Union. URL: http://europa.eu/globalstrategy/en (date of application: 03.11.2020).

335. Smith J. The Future of U.S. – Russia Relations 2009 / J. Smith, A. Twardowski // Strategy & Statecraft, January 2017. Center of New American Security. 17 p. URL: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS-Report-FutureofRussia-Final.pdf?mtime=20170107213356 (date of application: 30.10.2020).

336. Solomon G. The NATO Enlargement Debate, 1990–1997: The Blessings of Liberty / G. Solomon. Westport, London: Praeger, 1998. 208 p.

337. Statements and communications relating to the situation in the Viet-Nam // Yearbook of the United Nations, 1965. UN Publication. Sales № 66.I.1.1967. P. 185–186.

338. Strupp C. der. Kellogg-Pakt im Rahmen des Kriegsvorbeugungsrechts / C. Strupp der. Leipzig, 1928. 83 p.

339. Summary Study of the experience derived from the establishment and operation of the UNEF: report of the SG. (1958) // United Nations Peacekeeping / R. Higgins. 1969. Vol. 1. P. 486.

340. The European Security and Defence Policy (ESDP) after the entry into force of the Lisbon treaty. Spanish Institute for Strategic Studies, 2010. 255 p.

341. Theodore J. The European Union and the Eurozone under stress (Challenges and solutions for Repairing Fault Lines in the European Project) / J. Theodore, J. Theodore, D. Syracos. Cham: Springer International Publishing, 2017. 247 p.

342. Ullman R.H. Redefining Security / R.H. Ullman // International security. 1983. № 1. P. 129–153.

343. Vaughan Lowe A. International Law / A. Vaughan Lowe. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. XXV, 298 p.

344. Yergin D. Russia 2010 and what it means for the World: The CERA Report / D. Yergin, T. Gustafson. New York: Random house, 1995. XIII, 300 p.

345. Zelikow Ph. NATO Expansion was not Ruled Out / Ph. Zelikow // International Herald Tribune.1995. July 6.

Костин Сергей Андреевич

Международно-правовые аспекты обеспечения коллективной безопасности в Европе: XX – начало XXI столетия

Монография издана в авторской редакции

Сетевое издание

Главный редактор – Кирсанов К.А.

Ответственный за выпуск – Алимова Н.К.

Научное издание

Системные требования:
операционная система Windows XP или новее, macOS 10.12 или новее, Linux.
Программное обеспечение для чтения файлов PDF.

Объем данных 2,8 Мб

Принято к публикации «23» ноября 2020 года

Режим доступа: https://izd-mn.com/PDF/54MNNPM20.pdf свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., англ.

ООО «Издательство «Мир науки»

«Publishing company «World of science», LLC

Адрес:

Юридический адрес – 127055, г. Москва, пер. Порядковый, д. 21, офис 401.

Почтовый адрес – 127055, г. Москва, пер. Порядковый, д. 21, офис 401.

https://izd-mn.com/

ДАННОЕ ИЗДАНИЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ НА ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ